

МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА КНИГИ!

Кеннет Дж. Харви

ОБРЕТАЯ РОЗУ

СЕНСАЦИЯ
ГОДА

Кеннет Харви создал роман-загадку, роман-лабиринт. Но одновременно это и жесткий современный триллер, детектив с погонями, сценами жестокости и насилия. Вы можете выбирать, в каком пространстве желаете быть — то ли на телевизионном ток-шоу о нежелательных абортах, то ли на последнем Страшном суде, где на кон поставлены судьбы человечества. В любом случае вам самому придется быть следователем, судьей и прокурором. Помните только одно: произнося приговор, вы выносите его себе.

Кеннет Дж. Харви
ОБРЕТАЯ РОЗУ

16 февраля, ночь в постели.

Кевин поднялся, и поверхность водной кровати, освобожденная от веса его тела, заколыхалась.

Анна остается лежать, истекая потом, — сердце по-прежнему учащенно бьется. Ей кажется, она плывет. Она переворачивается на бок, чтобы взглянуть на часы, и вода упруго прогибается под весом ее тела. Видно, как в ванной зажигается свет, а потом постепенно меркнет и исчезает — Кевин закрыл дверь.

Анна чувствует себя одинокой, не принадлежащей этому миру. Странное чувство — что-то среднее между трепетом и дрожью расходится по телу. Не сводя взгляда с потолка, она раздумывает о своих ощущениях.

Из ванной слышен голос Кевина, как будто он разговаривает сам с собой. Вернувшись в спальню, он озирается в поисках рубашки.

— Ты домой?

— Нет, в больницу, — коротко отвечает он. — Позвонили, когда я был в душе.

— Чудо мобильного телефона, — бормочет Анна. В полумраке она следит за игрой мускулов на его спине, когда он тянется за рубашкой. Завораживающее зрелище. Эти пологие скаты чем-то напоминают ей розу на картине, которую она писала на прошлой неделе. Новый проект был совсем не похож на прошлую работу — коллаж из тел и искаженных лиц, вперемешку с тушами животных. Новая картина — находящие друг на друга лепестки, сливающиеся в единое целое. Неожиданно Анна осознает, как это банально. Измученный рассудок терзает ее упреками. Но ведь у нее были какие-то новые, оригинальные идеи! В это мгновение оттенки кожи Кевина вплетаются в ее фантазии, и она чувствует, как учащается пульс. Нежные лепестки цвета плоти! Новый акцент придаст рисунку необычайную силу. У нее перехватывает дыхание: ее захватывает беспредельное очарование двух образов, слившихся воедино.

— Пока, — говорит Кевин и наклоняется, чтобы поцеловать ее в лоб.

Анна чуть подается ему навстречу, и от небольшого движения вода снова плавно колышется под ее телом.

— Пока, — только и может произнести она, глядя, как он покидает спальню. Очертания его тела теперь скрыты рубашкой и брюками, которые она недавно купила ему в подарок. Он идет по коридору, выходит за дверь... Его силуэт удаляется и исчезает. Слышно лишь эхо шагов от лестницы к входной двери старого викторианского дома.

Анна лежит в кровати одна, слыша, как он приглушенно кашлянул под ее окном, проходя по тротуару. Она не спросила, почему звонили. Привезли роженицу? Срочно потребовалась помощь?

Эмоции после близости смешались. Она уже не понимала, что чувствует — радость или грусть. Ее целиком поглотила новая идея, возникшая при виде обнаженного торса Кевина, — теперь идея проекта была уже не так банальна. В сознании Анны воцарилась роза телесного цвета.

10 часов, день 1-й, 1-я неделя.

Более трех миллионов из двухсот пятидесяти миллионов сперматозоидов завершили

свой путь вверх по вагинальному каналу, через шейку матки и фаллопиеву трубу, нашли и окружили яйцеклетку Анны. Один из самых агрессивных прорывается через внешнюю мембрану и проникает в яйцеклетку. Головка сперматозоида высвобождает свое содержимое, и в доли секунды образуется набор из сорока шести хромосом — генетическое кодирование завершено, новая клетка сформирована.

Эмбрион — девочка с голубыми глазами и светлыми волосами. У нее белая кожа. Она среднего роста. Когда она улыбается, на левой щеке появляется ямочка. У нее пухлые губы и мысик на линии роста волос. Она может сворачивать язык трубочкой. У нее полностью отделенная мочка уха. Она левша. На средних фалангах пальцев нет волос, мизинцы отклонены в сторону безымянных пальцев. Отогнутым большим пальцем она может достать запястья. Когда ее руки сложены, левая лежит наверху. Вторые пальцы на ноге длиннее больших. У нее первая положительная группа крови.

17 февраля, в студии.

Через каждые три дня Анна покупает красную розу в цветочном магазине мистера Оливера, расположенном на первом этаже, прямо под ее студией на Дакворт-стрит. Розу приходится заменять, как только лепестки раскрываются, — она уже не соответствует тому образу, что Анна пытается запечатлеть. Она даже думала распылить на розу жидкий пластик, чтобы заморозить ее в нынешнем состоянии, но мысль о полной безжизненности ее тоже не радует.

Анна поднялась по узкой лестнице старого складского здания и открыла дверь. Широко открытое пространство студии всегда наполняло ее волнением предчувствия. Высокие потолки, звук ее шагов по деревянному полу, длинный ряд окон. Запах краски, холста и старой штукатурки смешивается с цветочными ароматами, просачивающимися сквозь доски старого пола.

По всей студии в разных положениях установлены полотна холста. Изучение текстуры и поиски композиции. Она вынимает из вазы розу, простоявшую два дня, и ставит на ее место новую. Затем включает «Дэд кэн данс» и ждет, когда послышится ритмичная скороговорка на неизвестном, по-видимому древнем, языке. Сначала вступает мужской голос, потом женский, музыка резонирует в воздухе. Анна смотрит на розу и проверяет холст. Колдовские волны шаманских заговоров плавно пульсируют в ее теле. Она вспоминает розу, которую ей подарили незадолго до окончания школы. Бутоны были краснее горевшего от смущения лица мальчишки, когда он неловко протянул ей цветок. Он вообще-то был бойким парнем, это роза в руке его так поменяла. Она со вздохом прогоняет воспоминания, зная, что в долгом самокопании мало толку. Виноват во всем цветок, протянутый молодым человеком в дешевом костюме, ведь он внезапно чувствовал себя так неуверенно. Роза сделала его другим человеком.

Почему она выбрала эту битву, спрашивает себя Анна. Из всех возможных битв ей досталась битва за новое видение розы. Но ее нельзя выиграть, потому что открытий здесь быть не может. Кто рискнет соперничать с Фантен-Латуром, Дюбурж, ди Лоренцо или Россетти? Разглядывая их картины, она всегда ощущала, что в таком сравнении собственные работы сильно проигрывают, и это неизменно ее удручало. Казалось, что лучше уж никогда больше не подносить кисть к холсту. Эта серия с розой никогда не продается. В конце года должна была открыться очередная выставка галереи «Махер», и она уже представляла себе презрительные усмешки потенциальных покупателей. Даже если добавить телесный

оттенки. Из этого может получиться что-то интересное, но всю композицию на этом не построишь.

Дэвид, владелец галереи, уже спрашивал ее о новых работах. Анна ничего ему не сказала — боялась, что он просто ухмыльнется, будто она рассказала ему очередной профессиональный анекдот. У нее было такое чувство, будто Дэвид постоянно присутствовал в студии и заглядывал ей через плечо. Особенно плохо ей было, когда он приходил с корпоративными заказами на безликие картины, от которых отказаться она не могла — иначе не на что будет жить.

Анна опасалась, что так может кончиться ее карьера художницы. И все же хотелось верить, что трудности с розой временные. Проявление творческого кризиса. А может, у нее просто иссякли идеи и талант. Лишившись вдохновения, она только и делает, что копается в мусоре набивших оскомину клише. Забудь о красоте розы. Это торжество посредственности.

Доносящиеся из динамиков на другом конце студии ритмические выкрики становятся все громче, и мысли Анны переключаются на рыбацкий домик в Барениде. Всю прошлую неделю она обдумывала возможность его покупки. Из окон открывается вид на океан. А старый сарай можно переделать под студию. Кевин тоже восхищался видом, но его не устраивает, что дом расположен так далеко от города и ему придется каждый день тратить два часа на дорогу до Сент-Джонса и обратно. А как быть в случае срочного вызова? Можно ездить туда летом на выходные. Но Анна видела себя в этом доме зимой. Ветки елей, засыпанные снегом, и сад, укутанный белым одеялом. Она научится различать следы зверей на снегу. А может, даже пойдет по ним в лесу, где отыщет какую-нибудь глубоко запрятанную нору и ее обитателей.

Ей надо еще раз туда съездить. Она сделала с десятков снимков цифровой камерой, но это совсем не то, что стоять в старом доме и смотреть в окно, на уходящую до горизонта панораму залива Концепшн.

Анна подходит поближе к холсту и внимательно разглядывает сочный красный цвет, наклоняется поближе, изучая мазки. Ей очень хочется прикоснуться к красной капельке на черном фоне, чтобы убедиться, что краска уже высохла, и она с трудом себя сдерживает. Это стало навязчивой идеей, и в прошлом уже бывало так, что она портила готовую работу.

Анна пытается не думать о Кевине, но он все время с ней. Его тело в рисунке лепестков, как увидела их тогда мысленным взором. Через три недели они должны вместе лететь в Италию, но Анну не радуют мысли о предстоящей поездке. Только бы не с Кевином. Когда они познакомились четыре месяца назад, роман с гинекологом представлялся ей чем-то волнующим: мужчина, знающий все тайны женского тела, а еще известная игра в доктора. Но она совсем не ожидала, что эта профессия связана с совершенно беспорядочным образом жизни. Временами ей была совершенно невыносима мысль, что Кевина могут вызвать в любую минуту.

Снова пришло это чувство. Жар, трепет. Ее рассудок не хочет видеть причину, стараясь сосредоточиться на работе. Однако смутное чувство, что сидит занозой в дальнем уголке сознания, заставляет ее встать и пересечь комнату. Вот она уже стоит перед календарем, отсчитывая дни. От последних месячных прошло две недели. Можно было и не проверять — Анна и сама чувствует наступление овуляции. Ей неудержимо хочется секса. Пусть без предохранения — ей все равно. Она перестала пить противозачаточные таблетки. Не пытается ли она забеременеть, чтобы таким необычным способом избавиться от злополучной розы и своих банальных трудностей и оказаться в маленьком доме на берегу

залива? До наступления месячных остается еще две недели. Неужели ей хочется убедиться, что она не страдает бесплодием? Два месяца назад, после тридцатого дня рождения, в ее сознании что-то «сработало». Куда бы она ни шла, всюду ей попадаются младенцы. Невыносимо хочется потрогать эти маленькие пальчики, ощутить их невесомый запах.

Только этого мне не хватало, обрывает Анна себя, и романтическое представление о беременности блекнет в бестрепетном свете здравого смысла.

Надо сходить к врачу за «таблеткой следующего дня». Или попросить у Кевина. Ему наверняка дают образцы. Она оборачивается на дверь, а потом устремляет взгляд в безоблачное голубое небо, стараясь унять скачущие мысли.

Нет, Кевин не должен знать о возможной беременности. Не его ума это дело. Она сходит к своему врачу. Анна натягивает пальто, бросает взгляд на холсты и выходит на улицу. Лучше принять таблетку и спать спокойно.

Час 36-й, день 2-й, 1-я неделя.

Закругленные кромки эмбриона начали стремиться к центру, пока не образовалось две отдельные сферы, — так эмбрион разделился на две клетки.

Еще через двадцать четыре часа произойдет второе деление и образуется четыре клетки.

С каждым последующим делением клетки будут становиться все меньше и меньше, а тем временем эмбрион будет медленно продвигаться вдоль фаллопиевой трубы. Весь путь займет у него четыре дня.

Железы в матке у Анны уже начали увеличиваться, реагируя на оплодотворение яйцеклетки.

Достигнув матки, эмбрион постарается прикрепиться к ее стенке.

18 февраля, у врача.

Анна пыталась попасть на прием, но записаться можно было только на следующий день. Она проводит ночь в одиночестве, обшаривая Интернет в поисках информации о «таблетке следующего дня». К своему облегчению она узнает, что таблетку можно принять в течение семидесяти двух часов после незащищенного секса. Пока Анна путешествует по сайтам, ей как бы случайно попадаются на глаза сайты с подробным описанием всех стадий развития плода. Она просматривает их лишь мельком, чтобы ненароком не расчувствоваться, но в этот момент у нее уже возникает подозрение, что сделать выбор будет непросто. Несколько раз она ловит себя на мыслях о том, как мог бы выглядеть этот ребенок, девочка это или мальчик. Она раздумывает о возможной реакции Кевина, проигрывая оба сценария: радость и негодование. Мысль о ребенке заставляет ее ввести в командную строку поисковика название города — «Баренид», но сайта с таким названием не находится. В Интернете нет ни единого упоминания о нем, что совсем уж странно.

В приемной у врача она рассматривает материалы для чтения, сложенные на газетном столике. Сверху лежит журнал про беременность. Вообще-то там сразу несколько экземпляров, как будто глуповатый аист по ошибке вывалил здесь все, что было у него в клюве. Анна не хочет брать журнал в руки. Одного лишь прикосновения может оказаться достаточно, чтобы склонить ее к материнству. Но против воли ее взгляд постоянно возвращается к фотографии улыбающейся беременной женщины на обложке. Женщина очень красива, у нее длинные светлые волосы, струящиеся по плечам. Она одета в светлую, голубую с желтым, блузу, вокруг цветочная поляна. Анна представляет, будто у женщины на

фотографии ее лицо. Это получается легко, ведь у них у обеих светлые волосы и кожа. Затем ее глаза опускаются ниже на раздувшийся до невероятных размеров живот. Чары разрушены. Анна принялась размышлять, отчего на картинках никогда не показывают беременную с татуировками и пирсингом, сидящую на мотоцикле, в кожаной куртке. Материнство для неформалов.

Напротив нее сидит женщина с ребенком на коленях. Анна не может понять, мальчик это или девочка, потому что он одет в желтое. Одежду такого цвета дарят друзья и родственники на веселых, надушенных вечеринках еще до того, как малыш появится на свет.

Анна не может отвести глаз от светлых младенческих волос и пухленького личика. От такого зрелища губы ее непроизвольно складываются в улыбку. Теперь она думает о том, каково быть младенцем. Она не помнит, что когда-то была такой маленькой, совсем игрушечной. Малыш сжимает крошечные пальчики в кулачки и улыбается ей. Анну накрывает волна умиления, она подается вперед и начинает агукать.

Для себя она решает, что это девочка.

В аптеке.

Аптека расположена очень удачно: рядом с приемной. Стоя в очереди с рецептом, Анна думает о врачах. Каждый день ей приходится сталкиваться с множеством разных случаев. Сколько боли, страданий и несчастий ей довелось повидать! Как она с этим справляется? Почему у нее в глазах не видно слез? А что чувствует Кевин? Анне доводилось слышать о женщинах, потерявших младенцев, и о том, как это на них сказалось. Кто-то продолжал жить дальше как ни в чем не бывало, а для кого-то это остается незаживающей раной на всю жизнь. А как бы отреагировала она?

Анна смотрит на маленькую белую бумажку и пытается разобрать название препарата. Это получается у нее с трудом. Она протягивает рецепт фармацевту и отвечает на его вопросы. В это время что-то падает у нее из заднего кармана.

Обернувшись, она видит, что пожилой мужчина нагнулся, чтобы поднять журнал для беременных.

— Прощу вас, — говорит он, поднимаясь и протягивая журнал Анне.

— Спасибо. — Она улыбается и убирает за ухо выбившуюся прядь.

Мужчина смотрит на ее живот.

— Желаю удачи, — произносит он с понимающей улыбкой и кивком.

Вот так все в мире устроено, думает Анна, и улыбается в ответ, чувствуя себя в каком-то смысле обманщицей. Она взяла журнал для работы, чтобы лучше изучить лица и позы беременных женщин. Возможно, она использует это в своей работе. Картины, изображающие беременных женщин, стоящие на артистической шкале немногим выше красной розы, могут быть восприняты как проявление посредственности, если в них будет просматриваться пустота. Но что может выдать пустоту? Отсутствие энергии в ситуации. Картина понравится людям с природной склонностью к материнству, но бездетные могут принять их за чистый цинизм.

Анна поворачивается к фармацевту и видит, что его взгляд устремлен на журнал в ее руках.

— Я взяла в приемной у врача, — признается она, надеясь, что он не подозревает ее в воровстве журналов со стойки.

Фармацевт кивает.

— Подождите минут десять, — говорит он.

День 6-й, 1-я неделя.

Попав в матку Анны, эмбрион выделяет особый фермент, который помогает ему закрепиться в эндометрии — слизистой оболочке, устилающей полость матки. Слизистая уже начала утолщаться и покрываться сетью кровеносных сосудов — это реакция на оплодотворение яйцеклетки, случившееся шесть дней назад. Закрепившись, эмбрион продуцирует особые нити, которые проникают в эндометрий, и с их помощью начинает получать из организма Анны нужные для развития питательные вещества.

21 февраля, дом у моря.

Дорога до Баренида занимает около часа. Двигаясь на запад от Сент-Джонса, Анна смотрит на однообразный пейзаж, расстилающийся по обеим сторонам дороги. Лишь небольшие участки голой земли видны под снежным одеялом, которое простирается на мили вокруг. Заросли темных елей неровными рядами встают вдалеке от дороги. Вчера шел снег, а ветра не было, и теперь земля покрыта мягким пухом. Не холодно, и солнце такое яркое, что без темных очков придется постоянно щуриться.

Вчера вечером Анна решила, что надо сказать Кевину. Они ужинали в «Запатас», и она как бы между прочим сказала ему, что, возможно, беременна. Нет, пока ничего определенно сказать нельзя, но вероятность такая есть.

— Как так? — спросил он. — Ты же принимаешь таблетки?

Анна облизала губы и принялась водить вилкой по тарелке с салатом из курицы и авокадо, раздумывая о правильном питании. Она не решалась посмотреть ему в глаза, как будто ее поймали на чем-то постыдном. Это он внушил ей чувство вины. Единственный выход в такой ситуации — завести разговор о «таблетке следующего дня».

Он тут же стал убеждать ее принять таблетку, чтобы не было никаких неприятностей. Готовность, с которой он это произнес, неприятно поразила Анну. Она увидела в этом недоверие к себе и к ним двоим как единому целому. Они даже не стали обсуждать этот вопрос. Кевин неодобрительно покачал головой:

— А как же наша поездка в Италию?

Анна не могла взять в толк, при чем тут это. Единственное, на чем это скажется, — она не сможет дегустировать вина разных областей, как они планировали вначале.

Последовало молчание — официанты убирали со стола тарелки, и Кевин со вздохом сказал, что они еще не готовы иметь детей.

— Нам по тридцать с небольшим. Детей надо заводить ближе к тридцати пяти, поверь моему опыту.

Больше всего Анну раздражала неколебимость его позиции и его медицинский подход к определению времени обзаводиться детьми. Она внимательно посмотрела ему в лицо и задумалась, какое он имеет к этому отношение. Кто он такой, чтобы ей указывать? Похоже, его абсолютно не волнует маленькая жизнь внутри нее, которую ей вдруг так захотелось защитить. Анна отложила вилку и, не доев салат, встала и вышла на улицу. Она стояла, скрестив руки на груди, чтобы не замерзнуть, и ждала. Когда они подъехали к ее дому, она молча вышла из машины и прошла прямо в спальню, чтобы остаться наедине со своими мыслями.

В ту ночь она не стала принимать таблетку. Лежа в постели, она обдумывала реакцию Кевина, перебирала в уме все сказанное им, стараясь распознать другое значение, незамеченную нежность с его стороны, малейший намек на одобрение, но ничего этого не было. Время от времени она слегка качала головой. Если не «таблетка следующего дня», то что тогда? Эмоции переполнили ее, в носу защекотало, а потом уже брызнули слезы. Она почти сердито смахнула их прочь. Она не позволит чувствам взять над ней верх.

Вспомнив о прошлом вечере, Анна снова расстроилась. Она отвлеклась от красоты пейзажа, и мысли ее вернулись к тягостной сцене, что произошла между ней и Кевином в ресторане. Анна едва не пропускает съезд, резко крутит руль, поднимается на эстакаду и выезжает на Ширстоун-Лайн, по которой за двадцать минут можно доехать хоть до Баренида.

Дом был заперт, но сарай оказался открыт. Она приехала слишком рано. Агент по продаже недвижимости будет только через десять минут. Проваливаясь по щиколотку в снег, Анна бредет к сараю и входит под высокую крышу. Пар от дыхания в воздухе закрывает ей вид. На деревянном полу перед дверьми намело небольшой сугроб. Анна разглядывает длинный ряд стойла. Там когда-то держали коров или лошадей. При мысли о животных она улавливает запах навоза и кожи, слышит слабый шорох от движения и фыркание, с которым большая тяжелая голова поворачивается в ее сторону.

Она стоит в старом сарае, раздумывая о коробочке из аптеки в кармане пальто. Еще немного — и будет поздно принимать таблетку. И тогда останется только хирургическое вмешательство. По всему телу расползается ноющая боль, а взгляд останавливается в пустом углу сарая. Повернувшись, Анна подходит к лестнице и взбирается на чердак. Стоя на краю, она чувствует в руках напряжение от подъема и смотрит на деревянный пол, потемневший в тех местах, где стояли животные. Она старается запомнить различные оттенки цветов, то, как коричневый тон переходит в черный.

Анна непроизвольно кладет руку себе на живот. С благоговейным трепетом она оглядывается вокруг в неведении, что эмбрион выпускает тоненькие ниточки — усики, которые прорастут в слизистую оболочку матки, и через них жизненные соки потекут от ее организма к эмбриону.

От окружавшей ее красоты у Анны слезы навернулись на глаза. Какой сентиментальной она стала. Она плачет уже второй раз за несколько дней! Такого с ней уже много лет не случалось. Но наплыв эмоций принес ей уверенность в том, что надо стать хозяйкой этого дома. Больше всего на свете ей хочется жить на этой открытой всем ветрам земле, с домом и сараем посередине участка.

Снаружи ее окликнули.

Анна не двигается с места, и агент по продаже недвижимости заходит в сарай. Он сразу поднимает взгляд вверх, прямо на нее, как будто заранее знал, где она может быть.

— Детям там нравится, — замечает он.

— Наверное, я так и не повзрослела.

Она поднимает руки в стороны и снова роняет их.

— Не вы одна. Спускайтесь осторожнее.

Анна медленно спускается, аккуратно ступая и перехватывая руками перекладины, а агент стоит внизу с поднятой рукой.

В доме Анна бродит из комнаты в комнату. Хозяева оставили часть мебели — по-

видимому, они не представляли, сколько она может стоить. Анна касается буфета кончиком пальца, решив, что не будет упоминать о мебели, ей кажется, ей выпала невероятная удача, просто подарок.

— Я сам подумывал, не забрать ли мне мебель.

Анна поворачивается к агенту. Она почти смущена, как будто ее застали за составлением плана ограбления.

— Но на свою беду, я слишком честен.

Анна улыбается ему. Агент напоминает ей дяденьку, который поднял в аптеке выпавший у нее журнал.

— Хозяйка очень пожилая. А ее дети живут в Торонто. Они хотят избавиться от дома.

— Почему?

— У них другая жизнь, — говорит агент, глядя в окно гостиной.

На втором этаже из спальни открывается величественный вид на океан. Анна смотрит на залив, где еле-еле движется маленький кораблик.

— Что-нибудь еще?

Анна оборачивается через плечо:

— Это потрясающе.

— Я часто думаю, почему людям так нравится смотреть на океан.

— Не знаю, — отвечает она, смущенно тряхнув головой. — Я просто не могу отвести от него глаз.

— Это жизнь, которую нельзя увидеть. Скрытая.

Анна почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она снова внимательно посмотрела на агента, но он уже отвернулся и направился к двери.

— Не буду вам мешать, — произносит он, спускаясь вниз по лестнице к выходу.

Когда Анна ехала обратно, пошел снег, — это ее взволновало: она внесла заявление на выкуп дома в Барениде, но сомнения ее гложут — не поторопилась ли она. Может, это ошибка и она чего-то не увидела? Но, несмотря на подобные мысли, Анна полна воодушевления. Агент обещал отнести ее заявление и позвонить через пару часов — сообщить, приняли ее заявление или нет.

После того как Анна выехала из Баренида, небо затянуло серыми тучами. Снег падает на шоссе и тут же тает на мокром асфальте. Небо все больше темнеет, в машине становится холодно. Анна включает печку и выключает радио, чтобы сосредоточиться на вождении.

Звонок мобильного заставляет ее перевести взгляд на пассажирское сиденье, где лежит ее телефон. Она дотягивается до него и открывает, мелькает мысль, что не стоит разговаривать за рулем. Интересно, это правило действует и на шоссе или только в городе?

— Алло?

— Анна?

— Да, я слушаю.

Агент по продаже недвижимости представляется, а потом произносит:

— У меня для вас хорошая новость.

— Дали разрешение?

— Да, я рад вам сообщить.

— Правда?

Анна засмеялась от радости и тут вдруг заметила, что на дорогу выкатился белый шарик. Кролик остановился прямо перед ней, и она резко крутанула руль, выронив

мобильный телефон. Асфальт оказался скользким, как каток. Машину занесло, и ужас сковал Анне сердце, внутри нее будто расплзлось огромное темное пятно. Машину несет к обочине, закручивает на гравии и глине, потом кидает в канаву, дважды переворачивает, и, проломив ветки дерева, она со всего маху впечатывается в ствол.

24 февраля, больница.

В глазах у Анны все плывет, как будто она пытается поднять отяжелевшую голову из-под воды.

Она видит какую-то поверхность и постепенно понимает, что это стена. Из стены торчат разноцветные провода. Она слышит приглушенные звуки, доносящиеся как будто через дырку в голове. Это ее стоны.

В комнату входит женщина. Улыбчивая медсестра заглянула в палату для новорожденных, чтобы проверить, все ли в порядке.

— Добрый день, — произносит сестра приветливо. — Вы, я вижу, уже проснулись.

Анна не может понять, почему эта женщина за ней присматривает. Внезапно ее осеняет: это как-то связано с ребенком. Младенцем, которого она оставила где-то далеко.

— Ребенок, — произносит она.

Ей хочется, чтобы его скорее принесли.

— Что? — переспрашивает медсестра, внимательно проверяя показатели приборов.

Анна молчит, стараясь собраться с мыслями и составить слова в предложение. Но ее разум не может вырваться из сковавшей его паутины.

— Вы знаете, где находитесь?

Она тяжело вздыхает. Это какой-то обман.

— Вы несколько дней провели без сознания.

Несколько дней. До Анны с трудом доходит смысл сказанного.

В комнату входит мужчина в белом халате. У него знакомое лицо. Это врач. Гинеколог. Кевин. Она с ним встречалась по какому-то поводу.

— Анна, — говорит он, улыбаясь.

— Не надо, — с трудом произносит она.

— Все хорошо.

— Нет. — Она пытается потряхнуть головой.

— Что? — Доктор смотрит на сестру, как будто хочет, чтобы она объяснила ему, в чем дело.

— Не надо...

— Все обойдется.

Врач садится рядом с ее кроватью, кладет руку ей на живот.

Ей нужно усилие, чтобы следить за его рукой. Ее мускулы напрягаются. Она сжимает ноги, чтобы их нельзя было развести в стороны.

— Не надо...

Организм Анны подвергся кошмарной встряске. Ее машина, дважды перевернувшись, врезалась в дерево. Металл был так искорежен, что его пришлось резать специальными гидравлическими ножницами — иначе ее бы не достали.

Анна потеряла много крови из-за глубокой раны в ноге. Если бы спасатели не приехали вовремя, ее бы уже не было в живых. Руки и грудная клетка — сплошной синяк, каждое движение отдается ужасной болью. По словам Кевина, у нее нет никаких серьезных повреждений, кроме небольшого рассечения ноги, которое со временем может осложниться

артритом.

Лежа на больничной койке, Анна думает о будущем. Она чувствует себя раковиной после шторма, в которой заключена прекрасная маленькая жизнь. Ей остается только надеяться, что крошечная жизнь уцелела. С трудом она ухитряется проверить, не идет ли у нее кровь. Нет, все чисто. Тянущей боли внизу живота тоже не было. Анна не сводит глаз с широкого больничного окна, разглядывая беспорядочное нагромождение одноэтажных строений на другой стороне улицы.

Анна попросила Кевина связаться с агентом по продаже недвижимости относительно продажи дома, но подозревала, что он не выполнил ее поручения. Ее мыслям не хватало последовательности. Она проваливалась в сон, а затем вновь просыпалась, с каждым разом все отчетливее осознавая положение вещей.

В прикрытую дверь постучали.

Анна осторожно поворачивает голову и произносит:

— Кто там?

Агент по продаже недвижимости появляется в дверях, держа рукой в перчатке какой-то предмет, напоминающий кактус в горшочке. Он протягивает это ей.

— Вот, подумал, вам будет приятно, — говорит он.

От смеха ей стало больно.

— Ой, простите, я не хотел вас смешить.

— Хотели, не оправдывайтесь.

Анна бросила взгляд на полочку для цветов.

— Я как раз о вас думала.

— В вашем-то положении?

Анна опять слабо смеется.

— Пожалуйста, перестаньте.

Агент устраивает кактус на полочку и нюхает стоящие рядом цветы в вазе.

— Красивые, а почти не пахнут, — замечает он.

— Вам позвонил Кевин?

— Я был рядом, когда это случилось.

Анна недоумевает. О чем это он?

— Я ехал в город, чтобы забрать документ на право собственности. И видел, как вы слетели с дороги. Я всеми силами души хотел остановить это скольжение. Словами не передать, что я чувствовал. Жуткое зрелище.

— Я беспокоилась насчет дома.

— Все в порядке, не волнуйтесь.

Он стоит в изножье ее кровати, держась руками в перчатках за металлическую перекладину.

— Как вы себя чувствуете? Полагаю, что неплохо, иначе бы меня к вам просто не пустили. Я представился вашим другом. Надеюсь, вы не обидитесь.

Он снимает перчатки, засовывает их в карман пальто и делает знак в сторону пустого стула в углу.

— Да, пожалуйста. Садитесь.

Агент садится.

— Да, кстати, я кормил ваших животных.

У Анны изумленно поднимаются брови.

— В сарае.

Она понимающе улыбается.

— Вы ведь звонили мне, так? Или это мне приснилось?

— Да, прямо перед аварией. Связь не разъединилась. Я слышал, как вы разбились.

— О боже! Это, должно быть, ужасно!

Агент внимательно разглядывает ее лицо. Он качает головой, продолжая изучать ее глаза.

— На что это было похоже?

— На хаос в блендере.

Анна смеется и снова кривится от боли.

— Извините.

— Я, наверно, кричала...

— Да... Потом, уже после удара, вы что-то бормотали, но я ничего не мог разобрать. Вы как будто разговаривали с кем-то, или пели тихую песню, или декламировали что-то нараспев.

— Интересно.

— Я смог разобрать лишь «пожалуйста, детка». Вы повторяли это вновь и вновь, как молитву.

Анна закрывает глаза, потрясенная всепоглощающей глубиной этого воспоминания, от которого у нее не осталось и следа.

После недолгого молчания агент говорит:

— Между прочим, я сбил для вас цену.

— За счет чего?

Когда Анна открывает глаза, она чувствует легкое головокружение.

— За счет боли и страданий. Я сказал продавцам, что вы едва не убились, когда приезжали смотреть дом. Они согласились. Между нами говоря, им не нужны деньги. Для них этот дом — обуза, от которой необходимо избавиться.

— Спасибо.

Анна смотрит на кактус, множество иголок торчат между цветов. Затем она переводит взгляд на агента. Потихоньку она вспоминает его слова о том, что он был рядом, и о том, что доктор сказал ей про потерю крови.

— Значит, вы спасли мне жизнь?

— Не будем об этом. Я не хотел, чтобы в доме поселилось привидение. Такую недвижимость уже не продашь ни за какие деньги.

Два привидения, думает Анна.

День 9-й, 2-я неделя.

26 февраля.

Эмбрион в матке Анны продолжает растворять слизистую оболочку, что создает кровяные лужи и стимулирует рост новых капилляров. Клетки плаценты срастаются с капиллярами, железами и соединительной тканью стенки матки. В клетках плаценты образуются полости, которые заполнятся кровью из организма матери и околоплодными водами. В качестве защитной меры формируется пробка, которая закроет разрыв в оболочке матки, возникший в результате имплантации.

26 февраля, выбор Кевина.

Анна сидит в кресле в смотровом кабинете Кевина на втором этаже больницы. Кевин просил ее зайти к нему, когда ее выпишут, и вот, просидев в приемной сорок пять минут, она наконец дождалась. Она внимательно разглядывает графики и схемы на стенах маленькой комнаты. На них изображены различные стадии развития эмбриона. Ей не терпится узнать, беременна ли она на самом деле или нет. Месячные должны прийти примерно через четыре дня, но из-за стресса возможна задержка. Анна уже думает, что в одной из трех спален на втором этаже дома в Барениде можно устроить детскую. Она проверяет кресло и подставки, представляя себя с поднятыми ногами.

Дверь открывается, и входит Кевин с папкой в руках.

— Привет, — говорит он, прикрывая дверь.

Он целует ее в щеку, кладет папку на стол и усаживается в кресло.

— Привет, — отвечает она.

— Как твое самочувствие? — Он говорит непринужденно, но торопливо, как будто задает этот вопрос исключительно по обязанности и хочет скорее перейти к более важным вещам.

— Нормально.

Кевин переводит взгляд на папку. Барабанит по ней пальцами.

— Я получил твои результаты.

Он складывает руки на груди и втягивает носом воздух.

— Результаты?

— Я попросил сделать анализ крови.

Анна косится на папку.

— Что-то не так?

— Честно говоря, не знаю. Все так, если не считать беременности. Это уже точно.

— Правда?

Она светится от радости. На ее губах появляется радостная улыбка, преображающая ее черты. Счастливая минута для каждой женщины. Так, по крайней мере, должно быть. Но хотя Кевин изо всех сил старается улыбнуться в ответ, он ни капельки не рад. Улыбка у него получилась скорее огорченная. Замешательство — вот что написано у него на лице. Он не обнял ее. Она не обняла его.

Это грустно.

Анна остается в кресле и ждет продолжения. Кевин облизнул пересохшие губы и сжал руками папку. Она смотрит на побелевшие кончики его пальцев. Ей не нравится мысль о том, что Кевин брал у нее кровь для теста на беременность. Это против правил. При этой мысли улыбка сбежала с ее губ.

— Ты всегда это делаешь?

— Что именно?

— Проверяешь, не беременны ли твои пациентки?

Кевин смотрит на нее.

— Это было сделано ради твоего же здоровья. Могло возникнуть кровотечение.

— А-а.

— Я оказался в очень неловкой ситуации. По правилам врачебной этики я не могу быть твоим лечащим врачом, учитывая наши отношения. Так что считай, что у нас с тобой просто дружеская встреча.

— В твоём кабинете, с моими анализами на руках. Друзья обычно не устраивают друг другу тестов на беременность. Поправь меня, если я ошибаюсь.

— У меня есть смягчающие обстоятельства.

— Смягчающие, как же.

— Я полагал, что эта беременность имеет отношение к нам обоим.

Анна пронзила Кевина взглядом. Он отравляет ей всю радость. Еще немного — и она залепит ему пощечину и уйдет. Теперь Кевин стал ей омерзителен. Анна чувствует, что желудок у нее переворачивается и тошнотворной волной накатывает чувство омерзения.

— Я не спала ни с кем, кроме тебя, если ты об этом.

— Послушай, Анна. Все это очень плохо, во многих отношениях.

— Плохо? Для кого?

— Я не могу повесить на себя такой груз.

— Груз? Послушай, Кевин... Мне от тебя ничего не нужно.

Она бросает взгляд на его пальцы, постукивающие по папке.

— И ты подпишешь бумагу, в которой это будет написано?

— Бумагу?

— Да, бумагу.

— Нет, почему я должна что-то подписывать? О чем ты говоришь?

— Пока все хорошо и замечательно, но в будущем ты останешься одна с ребенком на руках. Тебе станет обидно. Я достаточно на это посмотрелся. Так ты решила оставить ребенка?

— Да... Я еще не решила. Я ведь только что узнала, Кевин.

Анна складывает руки на животе. Она полностью осознает значение этого жеста.

Кевин смотрит на ее руки, потом поднимает глаза на лицо.

— Я не буду требовать с тебя денег, если ты об этом беспокоишься. Ты ведь меня знаешь.

— Я тебя знаю, но люди меняются.

— Да, ты изменился. В одно мгновение, между прочим.

Она встает с кресла и направляется к двери, но останавливается. У нее кружится голова, перед глазами проносятся белые искры.

— Ты не можешь просто так уйти.

— Просто так?

Она закрывает глаза. «Просто так». Фыркнув от возмущения, она поворачивается к нему.

— А как же я могу уйти отсюда, Кевин?

— Если ты не собираешься вынашивать беременность, то нужно принять меры. Чем раньше, тем лучше.

— Я приму меры. Уже принимаю.

— Я тоже приму меры. Свои собственные.

— Каким это образом? Как ты собираешься это сделать?

— Я уже все сказал. Я не могу...

— Ты собираешься меня похитить? Связать? — Анна оглядывается в сторону смотрового кресла. — Мясник! — Она смотрит ему прямо в глаза.

Кевин меняется в лице. Нахмурившись, он отводит взгляд.

— Анна...

Она понимает, что произошло непоправимое, но от этого ее ярость только усиливается. Она пулей вылетает из кабинета.

Проходя через приемную, она замечает, что в ее сторону повернулись несколько лиц. Она говорила слишком громко? Анна скользит глазами по лицам и телам. Некоторые женщины явно беременны, по другим ничего не заметно. Интересно, что они думают? Кевин в своем кабинете. Ничего особенного, такая работа.

Мысль о беременности заставляет ее сердце радостно биться, несмотря ни на что. У нее будет ребенок. Она перебирает в уме друзей и членов семьи, которым можно сообщить эту новость, но в голову не приходит никого, кроме Дэвида, владельца галереи, хотя не так уж они близки. Всю жизнь она была одиночкой, и вот цена, которую приходится за это платить. Да и какой смысл созывать людей, чтобы сообщить им о беременности. Но все равно она жалеет, что ее матери нет в живых и она не может сообщить эту новость женщине, которая всю жизнь поддерживала в ней чувство индивидуальности и творческое начало. «Мама, я беременна». Как бы она отреагировала? Как бы отреагировала женщина, неспособная зачать ребенка?

3 марта, магазин строительных товаров.

Эти четыре дня после ее стычки с Кевином оказались невероятно долгими. Он звонил ей днем и ночью и два раза являлся под дверь. Анна связалась с агентом по продаже недвижимости и попросила устроить так, чтобы она могла переехать в новый дом как можно скорее. Тот ответил, что она может на него положиться и что он сделает все от него зависящее. Анна дала ему телефон своего адвоката. Денег у нее на счете вполне хватало, чтобы заплатить за дом сразу. Два года назад она получила наследство после смерти матери, а отец умер от рака, когда ей было десять лет.

На следующий день Анна нашла в почтовом ящике конверт с ключами от дома в Барениде. Агент вложил в него записку: «Дождаться, пока адвокаты оформят дело, — все равно что болтаться между небом и землей. Наслаждайтесь тишиной и спокойствием».

Анна крутит лежащие в кармане ключи и скользит глазами по стеллажу с образцами. Она отчетливо представляет себе цвет каждой комнаты, но нужных оттенков нет. Придется поискать тона близкие к тем, которые она себе представляет, и попросить, чтобы их смешали.

Хотя выбор большой, но нет ничего даже близко похожего на то, что ей надо.

Анна выходит и, отворачиваясь от бьющего в лицо дождя, идет к машине. Обидно будет, если весь снег растает.

В знаменитом магазине, расположенном в дорогом квартале, она наконец находит специальную линию красок, приближающихся по богатству тонов к тому, что она задумала. Когда все краски смешаны, крышки убирают и результат выставляют ей на проверку. Она просит добавлять один из оттенков небольшими порциями, пока не убеждается, что получилось именно то, что нужно. Продавщица терпеливо подсушивает образец феном, чтобы проявился окончательный цвет.

Потом Анна заходит за продуктами. Она складывает в корзину много такого, чего никогда раньше не брала. Полки уставлены баночками с кричащими этикетками, яркие лампы над головой отбрасывают сразу несколько теней, и поэтому пространство лишено объема, как в мультфильме. Неожиданно для себя самой она в огромных количествах закупает консервы. Фасоль, спагетти и компоты. Последний раз она это ела еще в детстве. Похоже, она всерьез опасается, что ее дом занесет снегом. В последнем прогнозе обещали понижение температуры и сильные снегопады. На такой случай в гостиной есть печка, а в углу сарая Анна заметила сложенные аккуратной стопочкой дрова.

Кое-что из продуктов, стоящих на полках, напоминает ей о Кевине: он брал это для себя, когда они вместе делали покупки. Она вспоминает последний разговор в его кабинете и снова начинает злиться. Анна все кладет и кладет товары в корзину и в конце концов покупает гораздо больше, чем собиралась. Дорога чистая, хотя немного влажная после дождя. Анна едет медленно — она еще не оправилась от недавней аварии. Чем ближе подъезжает она к Барениду, тем свободней себя чувствует, оставляя Кевина и его угрозы далеко позади. Дождь кончился, и выглянуло солнце. Анна бросает беглый взгляд в зеркало заднего вида, чтобы посмотреть на съестные припасы, сложенные на заднем сиденье. Она одна, и она сейчас ни в ком не нуждается.

День 16-й, 2-я неделя.

Тонкие нити, из которых впоследствии сформируется пуповина, прикрепляют эмбрион к формирующейся плаценте.

Клетки, движущиеся по поверхности двухслойного эмбриона, собираются в новый, третий слой.

Из внешнего слоя клеток образуется белая кожа, светлые волосы, голубая радужная оболочка глаз, внутреннее ухо и ушные раковины, тонкий нос, пазухи, рот с ангельскими губками, зубная эмаль, гипофиз и молочные железы, анус и миллионы нейронов, составляющих нервную систему.

Из среднего слоя образуются мускулы, кости, клетки крови, лимфатические ткани, селезенка, легкие, репродуктивная и выделительная системы, а также сердце.

Из третьего слоя будут развиваться язык, миндалины, легкие, уретра, мочевого пузыря и пищеварительный тракт.

5 марта, вдали от суеты.

В дверь дома Анны постучали. На пороге стоит агент по продаже недвижимости, держа в руках какой-то бумажный сверток.

— Поздравляю, — говорит он, протягивая ей пакет. На улице валит снег и ложится на плечи его темно-серого пальто густыми пушистыми хлопьями.

Анна озадачена: откуда он может знать о ребенке? Но в следующую секунду она соображает, что он поздравляет ее с покупкой дома. Она берет у него цветок, а в это время в центре грушевидного эмбриона формируется желобок, из которого будет развиваться нервная система ребенка. Анна заглядывает в открытый сверху пакет. Там красная роза.

— Вы, как всегда, с цветами!

— Согласно правилам хорошего тона, я не должен дарить вам красные цветы, — говорит он. — Но других не было.

— Все в порядке, спасибо. Это очень мило с вашей стороны. Заходите, прошу вас.

Агент переступает через порог и приглаживает рукой редеющие волосы на макушке. Его взгляд останавливается на стенах прихожей, выкрашенных в густой темно-алый цвет.

— Вы тут красите.

Нагнувшись, он расшнуровывает ботинки.

— Да.

Анна оглядывается через плечо, одновременно ощупывая пальцами упаковку цветка, чтобы понять, как она скрепляется.

— Никак не могу решить, получается сочно или просто аляповато. Похоже, я теряю остатки чутья, которое у меня когда-то было. — Она снова поворачивается к агенту. — Не снимайте ботинки, прошу вас. Полы деревянные, им ничего не сделается.

Агент снова завязывает шнурки и проходит в дом за Анной. Он замечает слой свежей краски на стенах.

— Уютный получился цвет, теплый. На нем что ни повесь, все будет смотреться.

— Согласна... Только осторожней, не заденьте стену. А то испачкаетесь.

Анна идет за вазой, что стоит в старинном серванте, оставшемся от прежних хозяев. На упаковке цветка обнаружили скрепки, и Анна разворачивает ее осторожно, чтобы не уколоть пальцы.

— Ваза ужасно старая. Она у меня уже сто лет.

Анна на кухне. Расставляя в непрозрачной вазе веточки папоротника и гипсофилы, она чувствует на себе взгляд агента. Затем устанавливает розу в центр композиции.

— С розой ничто не сравнится. Есть в них что-то трогательное.

Анна раскованно улыбается ему. Как здорово общаться с людьми, с которыми тебе хорошо и спокойно. Но в его присутствии она вдруг понимает, что уже довольно давно живет наедине с собой. С приходом агента в ее дом проник внешний мир, сделав ее существование слишком уж реальным.

— Хотите кофе?

— Лучше чаю, если есть.

Он снимает перчатки и кладет их на стул перед собой. Затем садится и принимается разглядывать цветок, который Анна поставила на стол.

— Конечно, есть, — отвечает она. — Я сама пью чай. Терпеть не могу кофе.

— Отлично. — Агент дружески улыбается. — Налейте мне чашечку, если можно.

— Конечно. «Эрл Грей»?

— Да, спасибо.

Агент снова смотрит на цветок.

— Я всегда любил розы. Для мужчины это может показаться странным, но я часто покупаю их для себя. И совершенно этого не стыжусь. Продавщица в цветочном магазине, наверно, считает меня дамским угодником.

— Чего же тут стесняться? Это очень мило.

— Когда у меня в доме роза, я ставлю ее на фортепьяно и постоянно чувствую ее присутствие. Я выключаю телевизор, встаю рядом и люблюсь. Это ли не чудо? И конечно, я не могу не наслаждаться запахом. Да и кто бы мог удержаться? В такие минуты я забываю обо всем на свете. Сентиментально, я знаю. Моя жена любила розы.

Анна не знает, что сказать.

— Сейчас они уже не в моде.

— Нет, неправда.

Он скривил гримасу, как будто дурачась.

— А как насчет кусочка торта?

— С удовольствием. Надеюсь, не обезжиренный с подсластителем? Торты из картона — это для тех, кто не живет, а только притворяется.

Анна смеется:

— Нет, торт настоящий.

Вода в электрическом чайнике закипела, и Анна занялась приготовлениями.

— Как идет продажа недвижимости?

— В последнее время у меня много сделок. Старые дома пользуются спросом. Но кажется, люди сами не знают, чего хотят.

— Как так?

Она достает из серванта чашки и медлит, ожидая ответа, но агент молчит, не сводя глаз с розы.

— Вам тут нравится? — спрашивает он.

Анна оглядывает комнату, собираясь с чувствами для ответа:

— Очень.

— Крадут свет с небес.

Анна улыбается ему, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— Так моя мать говорила о больших городах. Они крадут свет с небес.

Анна кивает и наливает чай.

— Поэтому там не видно звезд. Слишком много огней. Знаете, иногда их надо выключать и наслаждаться первозданной темнотой. Звезд вполне достаточно, чтобы светить людям. Для того они и загораются на небе.

— Вы говорите как поэт, а не как агент по продаже недвижимости.

Она ставит две чашки на стол и садится.

— А как должен говорить агент?

— Не знаю. Наверно, как вы. Я не хотела...

Агент делает ей знак рукой.

— Не волнуйтесь. Я не обиделся. В вопросе не было подвоха.

Анна подносит чашку к губам и ощущает теплый аромат бергамота.

— Ой, я забыла про торт.

Она встает, идет к холодильнику и отрезает кусок для гостя.

— Не слишком большой?

— В самый раз.

Она кладет кусок на тарелку и вручает ее агенту вместе с вилкой.

Он улыбается, глядя на торт.

— Ого! — и тут же принимается за еду, как будто умирает от голода.

Анне это приятно.

— А вы не будете?

— Нет.

— Фигуру бережете?

Анна смеется.

— Нет.

Агент откусывает еще один большой кусок и запивает чаем.

— Вы работали?

— В каком смысле?

— Писали картины.

— У меня было много дел по дому. Стены надо было покрасить.

Ей это все кажется забавным, как будто она берет на себя ответственность за существование дома.

— Это ведь почти одно и то же. Закончив, вы отступаете на шаг и смотрите на свою работу.

— Думаю, да.

— Невелика работа — раскатывать краску валиком по стене, но, когда работа закончена, можно полюбоваться результатом, а потом все остальные комнаты тоже преображаются. Охватить их взглядом невозможно, но если вы представите, что вышли из дома и смотрите на него со стороны, то можно составить впечатление. Что мне нравится в деревне, так это то, что можно смотреть на вещи с разных углов.

— Я никогда об этом не думала.

— В городе нельзя иметь свой дом, потому что там слишком тесно.

Агент закладывает в рот еще один кусок торта и жует. Он останавливается, чтобы отхлебнуть чаю, и удивленно поднимает брови.

— Как вкусно!

— Помогает согреться.

— Да, правда.

Анна смеется и смотрит агенту в лицо. Оно кажется ей смутно знакомым или просто очень обычным.

— Если честно, то я давно не получала такого удовольствия от разговора. С тех пор как была подростком.

— Я рад. Значит ли это, что теперь мы будем друг друга причесывать?

Анна бросает взгляд на его лысеющую голову.

— Мне придется потрудиться. Волосы у вас длинные и густые. — Он похлопал себя рукой по макушке. — Но у вас определенно работы будет немного.

Вечером Анна распахнула входную дверь и встала в проеме, вглядываясь в темноту. Снег перестал, и на ясном темно-синем небе загорелись первые звезды. Она думает о ребенке, стараясь представить, каким он будет, а тем временем по обе стороны желобка эмбриона появляются складки, которые станут зачатками головы.

Откуда-то издали доносится лай собаки. Вода струится в ручье через дорогу, разлетается брызгами по камням и траве, пробивается сквозь снег и лед. Холодает, но Анна все стоит и смотрит на неподвижный пейзаж, таинственные заросли деревьев и холмистую равнину, залитую лунным светом. Она смотрит туда, где, по ее представлениям, должен быть запад, пытаясь отыскать в темноте свет ближайшего дома, но в той стороне не заметно никаких признаков жизни — лишь небо и деревья.

И тут до нее доносится какой-то механический звук, похожий на стук молотка. В первый момент она никак не может понять, что это может быть. Словно по дереву бьют металлической колотушкой. Это мобильный телефон на столе в кухне. Вздохнув, она закрывает дверь и идет в дом.

Взяв со стола телефон, Анна видит на нем имя Кевина и его номер. Ей даже немного жаль его, ведь, возможно, он мучается сомнениями. Он одинок, потому что у него нет ничего, кроме работы, и Анна это знает. Она нажимает кнопку и говорит «алло».

— Анна?

— Да.

— Ты сейчас где?

— А в чем дело?

— Я пытался с тобой связаться. Тебя не было дома.

Анна молчит.

— Ты у друга? — В его голосе слышится почти что отчаяние.

— Нет, — признается она, чтобы он не мучился от мысли, будто у нее кто-то есть.

— Куда ты делась? У меня билеты в Италию.

— Я не поеду, Кевин.

Признание вынуждает ее замолчать, потому что глубоко в душе она еще не рассталась с надеждой на примирение, лишь бы только путешествие стало возможным. Она с нетерпением ждала его с тех пор, как Кевин подарил ей эту поездку на Рождество, два месяца тому назад.

— Правда? Жалко.

Анна поворачивается к окну и смотрит на занесенный снегом двор. В вечернем свете все кажется синим.

— Ты что-нибудь сделала?

— О чем ты?

— О беременности.

Анна медлит, обдумывая ответ:

— Это не твое дело.

— Это как раз и есть мое дело.

Он коротко хмыкает, и до Анны доходит смысл шутки. Но ей не смешно. Скорее грустно.

— И если тебе нужна моя помощь, я все сделаю.

Анна качает головой. Ей представляется, как мужчина извлекает из утробы женщины новую жизнь... Жизнь, которую он туда заронил. От этой картины все у нее внутри переворачивается. Она вздыхает и пытается сглотнуть.

— Мне надо идти.

— Ты сейчас в том доме?

— Каком доме?

— В Барениде.

— Нет.

— Ты его все-таки купила? Я знаю, что ты там. Больше нигде...

— Все, Кевин. До свидания.

Анна захлопывает телефон и боковым зрением видит, как из-за сарая медленно выходит какой-то зверь, похожий на маленькую собачку с острой мордочкой и пушистым хвостом. Хорошо бы предложить ему что-нибудь вкусное, чтобы он зашел в дом. Анна пытается сообразить, что из содержимого холодильника может привлечь животное, с его тонким нюхом.

Когда зверь приближается, Анна, к своему восторгу, понимает, что это лиса. Инстинктивно она протягивает руку к стеклу. Лиса, заметив это движение, останавливается, поворачивает голову и смотрит на нее.

— Вот это да! — тихо произносит Анна.

Лиса какое-то время смотрит на нее, и, пока это длится, края эмбриона смыкаются, формируя прообраз сердечной мышцы. Лиса отворачивается и продолжает двигаться в прежнем направлении.

Анна идет по следу до того места, где лиса перебежала через дорогу и исчезла на другой стороне реки.

10 марта, повестка.

Анна в сарае. Она слышит шум мотора, разносящийся далеко по окрестным полям. Она прислушивается. Машина тормозит и останавливается, мотор работает вхолостую. Анна только что обнаружила два старых ящика из-под чая и сразу подумала об агенте по продаже недвижимости. Ему они, наверно, понравятся, надо будет предложить в качестве сувенира.

В ящиках оказались фарфоровые дверные ручки и бутылки из синего и зеленого стекла, неизвестно каким образом туда попавшие.

Анна слышит, как хлопает дверца машины, и вскоре после этого кто-то стучит в дверь дома. Кто бы это мог быть, недоумевает она.

Выглянув из проема, Анна видит на подъезде к дому черный внедорожник. Через секунду из-за угла дома появляется незнакомый мужчина в шляпе и длинном пальто. С того места он отчетливо ее видит. В правой руке у него кожаный портфель.

Не приближаясь, мужчина произносит ее имя. В неподвижном воздухе каждое слово звучит отчетливо.

— Это я, — с трудом выговаривает она, напуганная официальностью его тона.

Он двинулся к ней, на ходу роясь в портфеле. Еще не дойдя до нее, он извлекает какие-то бумаги и держит их прямо перед собой. На лице его не отражается никаких эмоций. Незнакомец протягивает ей бумаги. Затем достает из нагрудного кармана ручку и протягивает ей.

— Прошу вас, — говорит он, указывая на строчку вверху листка.

— Что это? — спрашивает Анна, в недоумении глядя на бумаги. Это из суда, что еще больше ее озадачивает.

Примерно в трех четвертях расстояния от головы эмбриона выступили два круга — это зачатки глаз.

Мужчина не отвечает.

— Распишитесь вот здесь.

Она расписывается.

— Благодарю вас.

Окинув ее беглым взглядом, он берет бумаги из ее рук и кивает. Затем поворачивается и идет к машине.

Анна читает: «ответчик», и следом стоит ее фамилия. Чуть ниже — фамилия Кевина после слова «истец». Она поднимает глаза и видит, как незнакомец садится в машину, затем снова погружается в чтение, не обращая внимания на отъезжающий автомобиль.

В тексте документа речь идет о зачатии. Зарождении. Беременности. Биологическом отце.

Анна в изумлении читает, не веря своим глазам. Сердечная трубка эмбриона выгибается и принимает S-образную форму. Начинаются сокращения сердечной мышцы. Биения сердца.

Анна смотрит на квадратный двухэтажный силуэт дома, потом оглядывается на пустую дорогу.

Так вот зачем Кевин звонил — ему нужно было определить ее местоположение, чтобы знать, куда присылать повестку.

И в самом конце документа — слова: «иск о возвращении движимого имущества».

День 23-й, 4-я неделя.

Рост клеток эмбриона ускоряется, он увеличивается в размерах, что сопровождается расширением желточного мешка. По обеим сторонам центральной нервной трубки начинают формироваться двенадцать пар квадратных спинных сегментов, из которых разовьются скелетные мускулы, позвонки и глубокие слои кожи, предохраняющие тело от ударов и растяжений.

На конце нервной трубки появляется утолщение — это зачатки головного мозга и черепной коробки.

Эмбрион сейчас чуть больше двух миллиметров в длину.

12 марта, в западне.

Анна удержалась от звонка Кевину. После того как она получила повестку, шок и смятение постепенно переросли в гнев. Мысль о том, что кто-то угрожает жизни ее будущего ребенка, приводит ее в ярость. Она машинально занимается домашними делами, готовит, убирается, и в мыслях у нее ничего нет, кроме проклятий в адрес Кевина.

В доме холодно, а у нее не осталось бумаги для растопки. Она уже сожгла все до последнего клочка, даже салфетки и бумажные полотенца.

Анна садится в машину и едет в Бей-Робертс, расположенный в пятнадцати минутах езды от ее дома. Она минует магазин запчастей, заправку, магазин электроники, автомобильный дилерский центр, два больших молла с продуктовыми магазинами, сетевую аптеку, ресторанчики быстрого обслуживания и мелкие магазинчики, торгующие снегоходами, цепными пилами, одеждой, компьютерами и цветами.

Она заруливает на следующую заправку и наливает полный бак. Затем заходит внутрь, чтобы купить стопку газет.

— Вам будет что почитать, — говорит ей молоденькая девушка в форменной рубашке за кассой.

— Мне для растопки.

Девушка отводит взгляд.

— Если хотите, у меня тут есть вчерашние. Мы только обрываем число.

— Здорово. Спасибо большое.

Девушка наклоняется и достает пачку нераспроданных газет.

Анна возвращает сегодняшние на стойку. По пути она замечает на другом конце просторной комнаты прилавок с молоком и соком и, подойдя к нему, уже тянется к обезжиренному молоку, но внезапно понимает, что ей теперь надо пить цельное молоко. Она берет пакет, бутылку сока и дюжину яиц. Анна смотрит на упаковку сырокопченой колбасы внарезку: она не ела ее много лет. Запах жарящейся на сковороде колбасы заполняет ей ноздри. Ее мама жарила ей яичницу с колбасой. Анна забирает упаковку колбасы, нарезанной толстыми ломтями, и несет все вместе к кассе.

Девушка берет с нее деньги за бензин и продукты и засовывает газеты в пластиковый пакет. Их она в счет не включает.

— Большое спасибо.

— Пожалуйста. — Девушка улыбается. — Похолодало.

— Да, прямо мороз.

Анна несет сумки к машине.

По дороге ее взгляд останавливается на цветочном магазине, но она проходит мимо. Ей сейчас не по силам стоять среди цветов, притворяясь, что все у нее в жизни хорошо, и покупать себе розы.

Перед ней на светофоре остановился грузовичок, разбрасывающий на дорогу соль, с голубым проблесковым маячком. У Анны в памяти всплыл текст присланных из суда документов. Сама мысль, что ей придется отстаивать свое право на рождение ребенка в суде, представляется ей совершенно нелепой. Какой адвокат в наше время согласится взяться за такое дело?

Анна едет за грузовичком по Ширстоун-Лайн, держась подальше от разлетающейся во все стороны соли, и радуется, что дальше она поедет по чистым дорогам.

Когда Анна подъезжает к дому, выясняется, что проехала снегоуборочная машина и намела сугроб, который мешает съехать с дороги. Анна решает преодолеть его с разгону. Она жмет педаль газа и поворачивает — слышно, как снег скребет по днищу машины. Звук так пугает ее, что она совершает ошибку — резко останавливается. Теперь надо попробовать сдать задом: Анна оборачивается через плечо и дает газу. Шины буксуют.

— Этого еще не хватало.

Она пробует проехать вперед. Шины пронзительно визжат. Анна быстро переключается с переднего хода на задний и снова на передний, пытаясь раскачать машину. Ей кажется, что если действовать быстро, то у нее получится освободиться, но машина не двигается с места. Анна не перестает крутить колеса, надеясь, что им удастся обрести сцепление с дорогой.

В конце концов Анна вспоминает о лопате, оставленной рядом с дверью, и вылезает из машины. Она забирает сумки с собой, чтобы занести их в дом. Задняя половина машины так и осталась на дороге. Ей не хочется, чтобы кто-нибудь видел, в какое дурацкое положение она попала, а с другой стороны, ну и пусть!

На дорожке она замечает на свежем снегу следы, ведущие к двери. Это следы сапог. Больших сапог. Она пытается вспомнить, какой у Кевина размер обуви. Она однажды ходила с ним покупать ему кроссовки. При воспоминании о том, как она старалась сделать ему что-то приятное, Анна фыркает от отвращения. У Кевина девятый размер, а эти сапоги, похоже, больше.

Подойдя к двери, она видит отпечатки сапог на пороге. Один ведет туда, и несколько других оттуда. Анна ставит сумки на снег. Она пробует открыть дверь — ручка поворачивается. Может, она по рассеянности забыла запереть дом? Но нет, Анна хорошо помнит, как боролась с ключом, — он поворачивался с трудом, его заедало. Но может, это воспоминания предыдущего дня? Ей хочется вернуться к машине, запереться в ней и ждать, что будет дальше. Тут Анна замечает рукоять лопаты рядом с дверью. Она медленно поворачивает ручку и опасно открывает дверь.

Замерев, Анна задерживает дыхание и прислушивается. Ни звука. Она дотягивается до лопаты и, зажав сумки в одной руке, тихо заходит в дом. Осторожным движением она прикрывает за собой дверь. У нее возникает желание выкрикнуть: «Кто здесь?» В конце концов она так и делает.

В ответ ни звука, ни шороха.

Она идет вдоль кучек нерастаявшего снега, оставленного рифлеными подошвами сапог. Следы ведут на кухню. Она напрягает зрение, чтобы осмотреться, прежде чем заходить. Ее руки угрожающе сжимают лопату. Анна ожидает увидеть стоящего там человека. Он вот-вот выпрыгнет из укрытия. Это не сам Кевин, а кто-то, кого он к ней подослал. Возможно ли

такое? Ее воображение рисует невероятные картины. Нет, Кевин не станет рисковать своей репутацией. Но послал же он эту повестку. Или, может, это не официальные бумаги, а подделка, и Кевин просто пытается таким образом ее запугать? Ведь она даже не знает, что он за человек. Реакция Кевина на ее беременность показала, что он стократ ничтожней того, кем казался ей вначале.

Кухня пуста. Следы сапог ведут к холодильнику. Нелепая повестка по-прежнему лежит на столе. Анна ставит сумки на стол, рядом с розой, которой полагалась быть засохшей, но она стояла свежая, будто ожившая. Это заходил агент по продаже недвижимости — принес розу, а потом угостился тортом. В деревне люди запросто заходят друг другу в гости. Тут это в порядке вещей. Не стоит обращать внимания.

Анна опирает черешок лопаты о стену и заглядывает в холодильник, чтобы проверить свою догадку про торт. На верхней полке лежит прозрачный полиэтиленовый пакет. Он немного запотел, но лежащий в нем предмет длиной около фута был виден довольно отчетливо: коричневая, как будто разлагающаяся кожа, четыре крошечных конечности, измазанные следами крови, узкий лиловатый торс со слабо просвечивающими венами.

У Анны перехватило дыхание, как будто ее ударили под дых. Сердце в панике колотилось. Живот крутило и выворачивало. Если это человеческое существо, то уродство — следствие порока развития.

Но все же умом она понимает, что, скорее всего, это какое-то животное, с которого сняли шкуру. Слюна заливает ей рот. Анна давится рвотой и захлопывает дверь. Потом поворачивается к раковине и наклоняется, сжимая холодную сталь. Она тяжело дышит. Тошнота проходит, но у нее возникает чувство, что кто-то стоит у нее за спиной. Она оборачивается и видит стол, на котором лежат сумки с продуктами и газетами. Роза надломлена. Это она неосторожно сломала ее, когда клала сумки?

В дверь стучат. Анна конвульсивно вздрагивает, из горла вырывается непроизвольный всхлип.

Она кидается к окну, чтобы посмотреть на подъезд к дому, но из кухни его плохо видно. Снова раздается стук, старая деревянная дверь ходит ходуном, стекло в середине дребезжит. Анна идет открывать, на ходу окидывая быстрым взглядом прихожую. На улице стоит какой-то мужчина. Его видно в профиль. На голове у него бейсбольная кепка, щеки и подбородок покрыты щетиной недельной давности. Он поворачивается к двери, и Анна понимает, что он ее заметил. Она снова вздрагивает, но сдерживается и заставляет себя идти вперед, как будто у нее и в мыслях не было прятаться.

Открыв дверь, она видит пикап со снегоочистителем, оставленный на холостом ходу рядом с дорогой. В нескольких шагах от мужчины на снегу лежит маленькая рыжеволосая девочка в розовом комбинезоне, розовых варежках и такой же розовой вязаной шапочке. Она энергично шевелит руками и ногами — делает «снежного ангела».

— Добрый день, — говорит мужчина, слегка улыбаясь. — Вам подъезд почистить не надо?

У незнакомца в машине есть крюк и лебедка с проволочным канатом. Он берет крюк, отматывает кусок каната, встает на колени, изогнувшись так, чтобы подлезть под задний бампер.

— Поставьте на нейтралку, — командует он ей.

— Сейчас.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Анна садится в машину, раздумывая, заводить мотор или нет. На всякий случай запускает двигатель и снимает с передачи. Затем смотрит в зеркало заднего вида. Девочка забралась в пикап, она стоит на пассажирском месте, положив руки на переднюю панель. Мужчина дергает ручку, и грузовичок начинает сдавать назад.

Чувствуется слабый толчок — это натянулся канат, и движение становится плавным. Снег скребет по днищу, и Анна машинально жмет на тормоз и тут же осознает, что делать этого не следует. Можно порвать канат или вообще оторвать бампер. Она заглядывает в зеркало и видит, что мужчина выбрался из грузовика. Он залезает под ее машину и появляется оттуда уже с крюком.

Анна поднимает руку, чтобы помахать ему в знак благодарности, но он уже отвернулся, поэтому она припарковывает машину дальше по дороге, чтобы не загораживать подъезд, и выходит посмотреть. Анна встает неподалеку. Бульдозер опускается и начинает отгрести снег. На расстоянии она видит в кузове пикапа больших белых птиц, связанных вместе по нескольку штук. При виде их Анна вспоминает, что лежит у нее в холодильнике. Это не птица, но какой-то дикий зверь. Наверное, кролик. Может, незнакомец оставил ей в подарок?

Мужчина на нее не смотрит. Она дает задний ход, выкручивает руль, снова отгрести снег и снова разворачивается. Он повторяет это раз за разом, пока из-под снега не появляется щебенка.

Маленькая рыжеволосая девочка машет ей рукой. Она смеется, убирает волосы с лица, а затем натягивает варежку.

Анна машет ей в ответ.

После пяти проходов заезд очищен от снега. Погудев ей на прощание, мужчина сворачивает на дорогу и уезжает.

— Спасибо! — кричит Анна ему вслед, огорченная, что не смогла предложить никакой платы.

Девочка смотрит на Анну с пассажирского сиденья, а затем поворачивается, продолжая разглядывать ее через заднее окно. Пристегнись, думает Анна, мысленно артикулируя слова и показывая жестами, что застегивает ремень безопасности. Она смотрит вслед пикапу, который становится все меньше и меньше и в конце концов скрывается за поворотом дороги. И только заснеженные ели остаются стоять по обе стороны дороги.

Анна садится в машину. Интересно, мужчина случайно проезжал мимо или они соседи? Она сворачивает к дому, довольная, что теперь можно ехать без помех. Выбравшись из машины, она вглядывается в отпечатки ботинок на дорожке. Кажется, все одинаковые. Анна проходит мимо «снежного ангела», очарованная точностью впечатления.

День 25-й, 4-я неделя.

Количество спинных сегментов увеличилось до двадцати пар, и пока еще эмбрион сохраняет форму буквы С.

У зародыша есть хвост, и пуповина связывает его с разрастающейся плацентой. Продолговатой формы голова закругляется к вискам, где расположены два бесцветных глаза. Утолщающиеся хрусталики соединены с первичным мозгом при помощи зрительного нерва. Бугорки под глазами — зачатки носа и рта.

Кровеносные сосуды начинают соединяться, формируя единую кровеносную систему. На этой стадии развития зародыша эта система сформирована лучше всего.

Сердечная трубка ритмично сокращается, прокачивая жидкость по всему организму. Эмбрион сейчас размером с рисовое зерно.

12 марта, потерявшаяся девочка.

Лежа на кушетке в гостиной, Анна смотрит на огонь в печи, и в колыпании пламени ей чудятся непрерывно меняющиеся образы. Они напоминают ей о адвокате, потому что она с трудом удержалась от того, чтобы использовать повестку на растопку. Она все еще откладывала звонок к адвокату, надеясь, что удастся найти какое-то решение, что Кевин образумится, позвонит и извинится.

Ей хочется избежать не только проигрыша в суде, но по возможности и издержек. У нее сейчас просто нет на это денег — все ее сбережения вложены в этот дом. Ей сейчас хочется лишь наслаждаться жизнью в новом доме, и чтобы над ней не висела угроза суда, отравляющая каждую минуту тревожным ожиданием. Если дело дойдет до суда, процесс будет тянуться до конца, и, что еще хуже, чужие люди будут копаться в ее жизни. Если бы она была в городе, она бы искала похожие случаи в Интернете. Анна даже обдумывает возможность подать встречный иск.

Анна вспоминает, что несколько лет назад было громкое дело: мужчина хотел по суду запретить женщине делать аборт, но чтобы дело обстояло наоборот, — такого она не припомнит.

Номер адвоката должен быть у нее в списке недавних звонков — она связывалась с ним по поводу покупки дома. Она может позвонить по поводу оформления прав собственности и мимоходом упомянуть о повестке. Ее ужасно огорчает необходимость посвящать адвоката в подробности ситуации. Он был адвокатом ее матери. Это никого не касается, кроме нее и Кевина. Что будет с ребенком и какое решение она в конце концов примет — это станет известно адвокату сразу же, как только она свяжется с ним по этому делу.

Анна качает головой и недоверчиво вздыхает при мысли, что ей придется платить адвокату за право оставить ребенка. Первую сумму с нее вычтут за звонок, который она сейчас собирается сделать. На первый взгляд это похоже на спор родителей, с кем останется ребенок после развода, но на самом деле тут нет ничего общего. Она знает, ей это обойдется в несколько тысяч долларов, которых у нее нет. Может быть, даже десятки тысяч долларов. Неужели придется продавать дом, чтобы справиться с этой новой напастью? Анна глядит в окно, чтобы понять, сколько еще времени до пяти часов.

Она встает с дивана, идет на кухню и берет мобильник со стойки.

Секретарша просит Анну представиться. Она называет свое имя и ждет.

Адвокат представляется в ответ. Он держится сдержанно, по-деловому.

— Добрый день. Как идут дела с покупкой дома?

— Уже почти все закончено. Я собирался вам звонить, чтобы попросить подъехать ко мне и подписать бумаги.

— Замечательно. Когда я могу это сделать?

— Когда вам будет удобно. Можете завтра или в среду.

— Вообще-то я сейчас в этом доме.

— В Барениде?

— Да, крашу стены.

Анна обводит взглядом кухню: почти половина работы уже сделана. Ярко-желтый эффектно смотрится на тускло-бежевом. Рисунок нанесен ровно до самой кромки потолка.

Никаких разводов. Все линии отчетливы. Вот что значит — рука набита!

В трубке ненадолго замолчали.

— Вам дали ключи?

— Да.

— Хм.

Она не хочет ввязываться в спор насчет того, стоило ей переезжать сюда или нет. Поэтому она быстро переходит к главному вопросу.

— Мне нужно еще кое-что с вами обсудить.

— Что именно? Если вы в этом доме, можно...

— Нет, совсем о другом.

— Да?

— Я получила повестку в суд от Кевина, моего бойфренда.

Адвокат вопросительно произносит фамилию.

— Да, именно.

— И в чем же дело?

Анна смотрит в пол. На ее замшевых зимних сапогах, которые она не стала снимать, войдя в дом после того, как ее машина застряла в снегу, появились пятна от воды. В них нельзя ходить по глубокому снегу. Она обдумывает, что сказать, и решает говорить все как есть.

— Я беременна, и он подал иск о возвращении движимого имущества.

Она раздраженно фыркает и повторяет слово в слово текст повестки, надеясь, что адвокат сразу же скажет ей, что с этим делать.

— Возвращение движимого имущества? Так было написано в документе?

— Да.

На другом конце последовало молчание, а затем слабый звук, похожий на выдох.

— А когда суд?

Анна просматривает документ и читает:

— Двадцать восьмое марта.

— Так скоро? Как это им удалось?

— Не знаю, — беспомощно отвечает Анна и тут же осознает, что вопрос был риторический.

— Полагаю, дело не терпит отлагательств. Но это можно оспорить. Какой судья назначил эту дату? Если хотите, я постараюсь отложить слушания.

— Не знаю.

— Вы намерены сохранить беременность?

— Да... Мне кажется.

— Хорошо. А отец ребенка — Кевин?

— Да.

— Ладно, я свяжусь с его адвокатом и выясню, в чем там дело. Может, удастся прийти к соглашению, избежать суда.

— Но это же бред! Вы слышали о чем-нибудь подобном?

— Да, было несколько случаев, главным образом связанных с замороженной спермой в клиниках лечения бесплодия. Замороженные эмбрионы и все такое. Но эти дела породили кучу вопросов относительно прав собственности, с которыми так до сих пор и не разобрались. Но в данном случае требование нельзя считать убедительным, поскольку

собственность находится, так сказать, внутри вас. Но я должен увидеть повестку. У вас есть факс?

— Нет.

Анна почему-то поворачивается к холодильнику. Наверное, потому, что это одно из немногих современных устройств в доме. В воображении она сразу представила себе ободранную тушу на полке. Она не знала, что с ней делать, и просто оставила ее там. Когда ей нужно взять что-то из холодильника, она отводит глаза. На вид она не такая страшная, как ей показалось вначале. Что она, не видела мяса в супермаркете? Встреча с непонятным явлением — вот что напугало ее так сильно. А в этих краях освежеванный кролик — дело самое обычное. Анна никогда не пробовала кролика, и ей даже интересно, каков он на вкус.

— Ладно, тогда захватите бумаги с собой, когда приедете. У нас на фирме есть женщина, и она, наверное, лучше подходит для такого дела. Вы ведь знакомы с Патрисией?

Анна вздыхает, пробегая глазами документ, и, пока она это делает, нервная трубка эмбриона срастается, закрывая спинную хорду.

— Да.

Она вспоминает высокую серьезную женщину с короткой прической и в очках.

— Тогда я наведу справки и позвоню. Вас устроит?

— Конечно.

— Сочувствую, что так получилось.

— Спасибо.

— Да, и примите мои поздравления!

— Спасибо большое.

Она роняет повестку на стол и смотрит на желтые стены. Оттенок очень близкий к тому, что был на ребенке в приемной у врача.

— Мы будем держать вас в курсе.

Анна лежит в постели и читает книгу при свете лампы, которая стоит на ночном столике. По дороге в Сент-Джонс она купила в сетевом магазине книгу о развитии беременности. Она только сейчас достала ее из сумки.

Если верить книге, то сердце ее ребенка уже бьется. Эта мысль необычайно волнует и усиливает благоговейный трепет, который Анна в последнее время ощущает. В качестве закладки она использует маленький календарик. Крошечные цифры составляют месяцы. С его помощью Анна считает дни. Без этого ей никак не отличить один день недели от другого. Она считает дни с момента своего приезда, и оказывается, что она пробыла тут девять дней. Анна раздумывает о поленьях в сарае. Интересно, надолго ли их хватит? Она уже израсходовала половину штабеля, и, похоже, до весны ей не дотянуть. Она вспоминает мужчину с пикапом. Он должен знать, где берут дрова. Вполне возможно, у него даже есть цепная пила, чтобы валить деревья.

Анна снова возвращается к книге. Время от времени она отрывается от трогательных описаний и диаграмм и переводит взгляд на свежеекрашенные темно-розовые стены. Она собирается нарисовать на них сверху цветы и стебли различных форм и оттенков. Затем ее внимание переключается на потолок, сделанный из узких, находящихся одна на другую досок. По словам агента, дому около ста лет. Его построил человек, который зарабатывал себе на жизнь, делая лодки. Он утонул в море в сильный шторм.

Задумавшись, Анна кладет книгу на стол и встает с постели. Она не стала снимать

носки, потому что пол холодный. Она подходит к окну, чтобы полюбоваться видом, заставившим ее купить этот дом. Ее завораживает царящий здесь покой. Она не может оторваться от окна, в это время на поверхности кожи лица эмбриона формируются два выступа, из которых разовьются пигментированные слои сетчатки и зрачок. Взошла луна. Ее свет отражается на темной поверхности моря, простирающейся до самого горизонта.

В доме так тихо, что слышен каждый шорох. Откуда-то из прихожей доносится звук, похожий на отчаянный детский плач. Анна пугается. Неужели ей мерещатся призраки? Стараясь не дышать, она прислушивается. Немного испуганная, она робко входит в прихожую. С этого места ей видно нижнюю площадку лестницы и немного двора через стекло во входной двери.

Снаружи на земле лежит какая-то темная куча со смутными розовыми пятнами.

Анна топоча кидается вниз по лестнице и на ходу бросает взгляд в окно, рука ее уже на ручке двери. Судя по всему, это маленькая рыжеволосая девочка лежит на примятом снегу там, где она изобразила «снежного ангела». У Анны перехватило дыхание. Это зрелище пугает ее до невероятности, потому что девочка лежит не шевелясь.

Анна распахивает дверь и бежит к ребенку на подгибающихся ногах. Нагнувшись, она видит, что кожа у малышки зеленовато-белого цвета. Обхватив ребенка, Анна поднимает ее, прогибаясь от тяжести. Ступая через порог в безопасное тепло, она прижимается щекой к щеке ребенка и чувствует, какая же она холодная.

Анна набирает на телефоне номер скорой помощи, но не может толково объяснить, как проехать, в волнении бормочет, что она здесь недавно, старается вспомнить хоть какие-нибудь ориентиры — надо ехать мимо почты и пожарной части, повернуть от моря, и оттуда еще десять-одиннадцать миль по прямой. Белый дом, стоящий на открытом участке. У дома машина, и она называет цвет и марку.

Несмотря на ее отчаянные попытки объяснить свое местоположение, никто так и не приехал.

Это было около часа назад.

Сейчас почти полночь.

Анна пристроила ребенка поближе к печке и попробовала делать ей искусственное дыхание, гадая, так ли надо действовать при случаях переохлаждения. Анна уже совсем собралась отнести ребенка в машину и рвануть в ближайшую больницу, когда увидела, что глазные яблоки начали шевелиться под прикрытыми веками. Маленькие пальчики зашевелились в шерстяном коконе варежек, как будто залезший туда зверек вдруг прыгнул. Ротик открылся, и спустя пару секунд послышался медленный выдох.

Анна смотрит с облегчением и ждет. Глаза ребенка медленно открываются и начинают с невинным любопытством ее разглядывать.

— Привет, — говорит ей Анна, но девочка не отвечает. Она сначала разглядывает Аннино лицо, потом ее внимание сосредотачивается на животе. Девочка медленно села, прижалась к Анне, обвила руками ее талию и застыла в такой позе. Прошло немного времени, и Анна решила, что ребенок уснул. Но, заглянув ей в лицо, Анна увидела, что глаза девочки открыты, но ни на чем не сосредоточены, губы полуоткрыты, ухо прижато к животу Анны, как будто она что-то слышит.

Теперь девочка сидит на диване. У Анны в руках чашка. Это растворимый шоколад из пакетика. Анна купила в супермаркете упаковку из шести пакетиков, мечтая о том, как будет

расслабляться в теплом доме после холодных зимних прогулок.

Девочка разглядывает Анну огромными глазами, которые кажутся непропорционально большими для ее лица. Все вопросы девочка оставила без ответа, как если бы она была немая. Анна пытается вспомнить, слышала ли она, чтобы девочка говорила, когда она была здесь с отцом, но не может вспомнить никаких слов, произнесенных ребенком.

— А номер своего телефона ты знаешь? — спрашивает Анна.

Малышка никак не реагирует.

Анна берет телефон со столика и показывает его девочке, но та не показывает вида, что узнала, и не пытается взять в руки.

Анна не разбирается в возрасте. Девочке, может быть, пять, а может, и семь.

— Надо позвонить твоему папе. Он, наверное, волнуется.

Девочка берет у Анны кружку шоколада и обхватывает ее руками в варежках.

— Осторожно — горячо.

Малышка дует в кружку и смотрит на Анну.

— Ты живешь недалеко отсюда?

Анна уверена, что так оно и есть. Иначе как бы она добралась сюда в такой холод.

— В той стороне? — Анна указывает на дальнюю стену.

Девочка поворачивается в указанную сторону, а потом утыкается в кружку.

— Давай искать твоего папу.

Девочка прихлебывает горячий шоколад.

— Идем.

Анна надевает пальто и берет девочку за руку. Малышка встает с дивана, ноги у нее слегка заплетаются.

— Я поведу машину, а ты будешь показывать мне, куда ехать, хорошо?

Вниманием малышки завладело оранжевое колыхание пламени за стеклянным окошком в дверце печки. Хотя внутри все сторает, печь напоминает Анне инкубатор. Внутри нее жар и пульс жизни. От мысли о горящем ребенке Анна в ужасе замирает. Она смотрит до тех пор, пока не начинает различать очертания обгоревших поленьев.

Потом ведет девочку к машине и пристегивает ее на пассажирском сиденье. Ее тревожит мысль, что мужчина мог просто так оставить ребенка. Но это кажется невероятным. Наверное, он уснул, а девочка ушла. Но должна быть еще и мать. Не могли же оба так крепко уснуть и не заметить отсутствия ребенка.

Анна выключает заднюю передачу и выезжает на дорогу. Потом переводит рукоять сцепления вперед и трогается с места.

— Мы правильно едем? — спрашивает Анна, кивая на дорогу.

Девочка почти не смотрит вперед.

Наконец они подъезжают к ближайшему дому. Анна тормозит, вылезает из машины и стучит в дверь. Она понимает, что уже поздно, потому что в доме не горит ни одного окна. Вполне возможно, что там вообще никого нет и дом стоит пустой.

Анна оглядывается на пассажирское сиденье, но малышку едва видно над приборной панелью. Она снова стучит в дверь, на этот раз сильнее, но никто не отвечает.

Вернувшись в машину, Анна пытается уговорить ребенка:

— Можешь сказать мне, где твой дом? Покажи, в какую сторону ехать.

Девочка и не думает никуда показывать, и Анна снова едет по дороге, пытаясь вспомнить, где тут другие дома.

День 26-й, 4-я неделя.

Четыре парные бороздки напоминали рыбки жабры, они появились по обеим сторонам, чтобы впоследствии принять участие в формировании мимической мускулатуры, гортани, языка и нижних челюстей, внутреннего уха и шейных позвонков.

Бугорки на месте будущего лица становятся более отчетливыми и выпуклыми.

На этой стадии мозг и спинная хорда представляют собой самую крупную часть тела.

Клетки крови движутся вдоль спинного мозга и далее, в кровеносную систему матери. Постепенно формируется печень.

Сердце отчетливо выступает на внутренней стороне изгиба тела. Оно начинает разделяться на камеры.

Активность сердечной мышцы составляет около шестидесяти пяти ударов в минуту.

15 марта, завтрак.

От запаха яичницы с колбасой у Анны начинает выворачивать желудок. Но все равно она не сводит взгляда с девочки. Маленькие пальчики держат оставшийся кусочек поджаренного хлеба, ротик непрерывно жует.

Сегодня ужасно болит грудь, и такое чувство, что в любую минуту может стошнить. Малышка ест, она громко сопит, звук резонирует в объеме стакана, когда девочка пьет сок и смотрит на розу в вазе на столе. Роза полностью раскрылась, и лепестки уже начали темнеть и вянуть.

Вчера, после того как она безрезультатно стучалась в двери трех пустых с виду домов, Анна решила, что ехать до поселка не имеет смысла. Воображение нарисовало картину: она привозит девочку к двери незнакомого дома, оттуда выходит мужчина и внимательно разглядывает малышку, прикидывая, кто она и откуда. В этом было что-то непристойное, что напомнило ей ее собственное детство, и она развернула машину. Была мысль отвезти ребенка в отделение полиции в Бей-Робертс. И пусть бы они сами решали, что с ней делать. В конце концов, это их профессия. Но она представила себе хмурого человека в полицейской форме. Ей не хотелось отдавать девочку незнакомым людям. Да ведь для ребенка и она незнакомый человек. Похоже, это совершенно не волновало малышку.

Малышка допивает остатки сока и, встав со стула, подходит к окну. Ее руки ложатся на подоконник.

Анна постелила девочке в комнате, которую она собиралась сделать детской. Пока она подтыкала одеяло, ребенок не отрываясь смотрел на нее огромными синими глазами. Длинные рыжие волосы разметались по подушке. Анна едва не удержалась, чтобы не поцеловать ее в щеку, но сдержалась. Девочка перевела взгляд на стопку книг в углу. Это были детские стишки и книги с картинками. Анна прихватила их, когда покупала книгу о беременности.

— Хочешь послушать сказку?

Девочка не отвечает.

Анна выбирает книгу и присаживается на край кровати. Она читает, и под звуки ее голоса глаза у малышки начинают слипаться и наконец крепко закрываются.

Анна даже не знает, как зовут малышку. Воспоминание о том, как отец девочки чистил

ей подъездную дорожку, занозой сидит в памяти. Как может человек сначала почистить дорожку, а потом бросить девочку.

Анна убирает посуду. Она наклоняется над мусорным ведром, отскребая от тарелки остатки яичницы и крошки хлеба. У эмбриона на уровне сердца появляются два бугорка — это будущие ручки. Анне придется отвезти ребенка в полицию. Иначе придется объяснять, откуда она взялась. А что, если полиции не удастся найти ее отца? Анне самой пришлось пережить нечто подобное. За первые семь лет своей жизни она сменила несколько приемных семей, пока наконец ее не взяли люди, которых она стала звать мамой и папой. Правда, через три года с отцом ей пришлось расстаться.

— Я отвезу тебя в одно место.

Девочка не поворачивает головы, и Анна уже не первый раз задумывается, не глухая ли она. Или отсутствие реакции на окружающее — результат перенесенной травмы. Может, лучше отвезти ребенка в больницу? Это будет правильной. Но Анна боится больниц. Там она может столкнуться с Кевином. Он говорил ей, что иногда ведет прием в больнице Карборер, потому что там не хватает гинекологов. Но почему из-за своих страхов должна подвергать опасности ребенка? У нее явно расшатались нервы. Наверное, это гормоны. Она совершенно утратила способность мыслить логически.

В дверь стучат. Слава богу, думает Анна и мчится в прихожую. Это вернулся отец девочки. Но через стекло она видит, что это агент по продаже недвижимости. В руках у него пакет.

— Я подумал, что пора его поменять, — произносит он, протягивая Анне пакет.

С кухни доносится звук мобильного телефона.

— Проходите.

Анна поворачивается и бежит к телефону. Девочка держит его в руках и смотрит на экран, она явно заинтересована вибрацией.

— Дай мне, пожалуйста, — говорит Анна, бросая взгляд на высветившийся номер, и ждет с протянутой ладонью.

Это ее адвокат.

— Алло.

— Анна?

— Да, я слушаю.

Адвокат представляется и сразу переходит к делу.

— Я только что получил по факсу от адвоката истца копию повестки. На мой взгляд, это совершенно бессмысленно. Я им позвонил и сказал об этом.

— А что они?

— Они не согласились отозвать иск. Я говорил с судьей. Он отказался предоставить отсрочку, поскольку дело не терпит отлагательств. У него сложный характер, это давно известно. Поэтому придется, по крайней мере, явиться на заседание суда. Оно назначено на двадцать восьмое число.

— А сегодня какое?

— Пятнадцатое.

— Господи! Неужели это на самом деле?

— Успокойтесь, успокойтесь. Не стоит волноваться. Судя по всему, это просто спектакль. Иск совершенно безосновательный. Дело будет рассматриваться несколько месяцев, а потом, если потребуется, будет еще и апелляция. Вы спокойно успеете родить

ребенка. Это дело бесперспективно, можете мне поверить.

Анна глядит из окна на задний двор и обдумывает услышанное. Ей кажется, что из еловых зарослей должно вот-вот появиться какое-то живое существо, но оно все не показывается. В ее воображении лес полон разных зверей, скрывающихся в зарослях деревьев.

— Единственное, что меня беспокоит, — это пресса. Газетчики непременно явятся на заседание. Этого следует избегать любой ценой. Лучше не впутывать в это дело публику, иначе все превратится в балаган. Если вы не возражаете, я поговорю с коллегой из отдела по связям с общественностью, пусть они позаботятся о мерах предосторожности.

— Мерах предосторожности? — При мысли, что газетчики разнесут подробности ее личной жизни на всю страну, у нее подкосились ноги.

— Вас это устроит?

— Да, конечно.

— Ладно, я буду держать вас в курсе.

Закончив разговор, Анна чувствует, что задыхается, как будто ее жизнь вдруг вышла из-под контроля и угрожает выскользнуть у нее из пальцев. Она смотрит, как агент разворачивает новую розу, а потом оглядывается в поисках девочки. Ее нигде нет. Анна уже открыла рот, чтобы окликнуть ее, но она не знает имени.

— Что случилось? — спрашивает агент.

— Вы не видели тут маленькой девочки? — Анна делает знак в сторону двери.

— Девочки?

— Да.

Агент смотрит на нее. Качает головой.

— Нет. А что за девочка?

— Я нашла ее во дворе вчера вечером.

— Нашли во дворе?

— Да, она едва не замерзла.

— Вы серьезно? — Агент оглядывается. — А как она выглядит?

— Рыженькая. С голубыми глазами. Вы ее не знаете? Думаю, она живет где-то поблизости.

— А сколько ей лет?

— Лет пять. А может, шесть.

— Мне кажется, тут в округе нет детей такого возраста. Они все гораздо моложе. Вы сказали, что нашли ее во дворе?

— Прямо за дверью. Ее отец почистил мне подъезд к дому. Черный пикап со снегоочистителем.

Агент обдумывает услышанное.

— Он, наверное, ее бросил... Просто не верится.

— Я не припомню такой машины. Большая часть домов в этом районе выставлена на продажу.

Агент вынимает из вазы старую розу и вставляет новую.

— А что с этим делать? — спрашивает он, держа в руке увядший цветок. — Выкинуть?

Анна выходит из кухни в гостиную. Девочки там нет. Она поднимается в спальню на втором этаже и видит какой-то ком под одеялами в детской. Осторожно отогнув покрывало и простыни, она обнаруживает девочку, свернувшуюся комочком. Ее глаза закрыты. Она

спит. Анна улыбается и поправляет одеяла. Убедившись, что все в порядке, она тихо закрывает дверь и возвращается вниз.

— Она наверху. Спит, — произносит Анна с извиняющейся улыбкой. — Не знаю, что мне с ней делать.

— А что мне делать с этим? — снова спрашивает агент.

Роза выглядит совсем засохшей, хотя еще утром она только начинала вянуть.

— Выбросите. — Анна указывает на мусорное ведро. — Кстати, это вы оставили кролика у меня в холодильнике?

Агент хмыкает:

— Живого?

— Нет, он был освежеван.

Анна скрещивает руки на груди. Она вдруг рассердилась. Звонок адвоката настроил ее враждебно.

— Нет, это был не я.

— А может, это вы поменяли розу?

— Только что? — Он наклоняет голову к цветку.

— Нет, еще вчера.

— Ту, которую я вам приносил?

— Да, между этими была еще одна.

— Нет, это не я.

— Первая завяла, и потом появилась другая. Бутон, еще нераскрывшийся. Это не мог быть один и тот же цветок.

— Может быть, она свернулась?

— Разве такое бывает?

Агент смотрит на Анну. Его нижняя челюсть дрожит. Раньше она этого не замечала.

— Я, пожалуй, пойду.

— Нет, я прошу прощения. — Анна прижимает кончики пальцев ко лбу. — Не знаю, что на меня нашло.

— Как вы себя чувствуете?

— Если не считать беременности, то со мной все в порядке.

— Правда? — Агент улыбается.

— Да, серьезно.

— Ну что ж, поздравляю.

— Эти гормоны меня просто убивают.

— Не буквально, я надеюсь.

— Нет, конечно. А может, и да.

Агент смотрит на часы.

— Мне пора. У меня назначен просмотр. Соседний с вами дом, между прочим.

— Это хорошо.

— Постарайтесь не волноваться, — говорит агент, косясь на ее живот. — Ребенку это вредно. — Брови его хмурятся в раздумье.

— Хорошо.

Агент поворачивается и уходит. Проходя по дорожке, он скользнул глазами в сторону спальни на втором этаже.

Анна закрывает дверь и идет наверх посмотреть, как там малышка. Открыв дверь, она

обнаруживает девочку стоящей на коленях у стены. Она добралась до Аннинных кистей и теперь рисует птиц и бабочек. Эти рисунки совершенно необыкновенны. У ребенка поразительные для ее возраста способности.

Анна подходит ближе и осторожно трогает малышку за плечо.

Девочка оборачивается, но ее глаза закрыты. Не размыкая век, она снова поворачивается лицом к стене, и Анна видит ее в профиль. Малышка снова принимается рисовать. Глаза ее по-прежнему закрыты, а на руке нет пальцев. Анна только сейчас заметила врожденное уродство.

— Хорошо у тебя получается, — говорит Анна, имея в виду рисунок. Она не может отвести взгляд от маленькой руки, на которой нет пальчиков.

День 31-й, 5-я неделя.

У эмбриона начинают формироваться глазные хрусталики.

Голова составляет треть от длины тела. В головном отделе появляются крошечные пузырьки, которые станут зачатками переднего мозга, среднего мозга и заднего мозга. Количество нейронов растет со скоростью двести пятьдесят тысяч клеток в секунду. Начинает развиваться отдел переднего мозга, который станет самой большой частью головного мозга. Его отделы будут отвечать за речь, эмоции, координацию движений, обоняние и память.

Уже можно различить носовую перегородку.

Первичная кишечная трубка преобразуется в пищевод и кишечник, который становится такой длины, что даже выступает в область пуповины.

Уже сформированы четыре основные камеры сердца.

Пищевод обрамлен правым и левым легочными мешками. Начинают развиваться почки.

Верхние конечности эмбриона удлиняются, принимая вид бугорков цилиндрической формы, уплощающихся на конце, где должны будут сформироваться кисти рук. В конечностях начинается образование нервов.

Эмбрион начинает перемещаться в своем заполненном водой домике. Если прикоснуться к нему в районе рта, он быстро отвернет голову и изогнет тело.

В ротовой полости появляется язык.

Частота сердцебиений увеличивается с шестидесяти пяти ударов до ста пяти — ста двадцати одного удара в минуту. Средняя частота пульса у взрослого человека составляет семьдесят два удара в минуту.

Эмбрион сейчас размером с яблочное семечко.

20 марта, соседи.

Пять дней назад Анна отвезла девочку в отделение полиции. Перед отъездом она дала ей закончить рисунок из лепестков и стеблей. Наблюдая за ее работой, Анна испытывает огромный прилив вдохновения, ей самой хочется начать совершенно новый проект. Подобные чувства она испытывала, когда разглядывала работы великих мастеров в музеях и галереях больших городов. Каждый раз она выходила из музея, горя желанием поскорее добраться до красок и холста. Зная за собой такую черту, Анна всегда возила с собой все принадлежности, чтобы, вернувшись в отель, со страстным упоением окунуться в работу.

Подъехав к отделению полиции в Бей-Робертс, Анна сказала девочке подождать в машине. Ей казалось, что будет лучше, если она сначала зайдет и посмотрит, есть ли там дежурная женщина-офицер. Тогда девочка будет меньше бояться. Выйдя из машины, она нажала на кнопку электронной сигнализации — все двери автоматически закрылись. Малышка сидела на переднем сиденье, терпеливо глядя перед собой через ветровое стекло.

В отделении Анна подходит к справочному окну, беспечно оглядывая стоящие за ним столы. В помещении трое полицейских, и все они мужчины. Когда один из них поднимает на нее глаза, она говорит:

— Я здесь недавно.

Полицейский улыбается:

— Рад приветствовать.

— Я просто зашла... познакомиться.

Улыбка офицера становится шире.

— Понятно. Хотите наклейки на телефон?

— Наклейки?

— С номером нашего телефона. А еще леденец.

Анна догадывается, что он шутит, но не может понять: про наклейки — это тоже шутка?

Полицейский выдвигает ящик и копается в нем. Наружу извлекаются какие-то предметы. Он выходит к ней и выкладывает на стойку наклейки, карандаши и брелок для ключей.

Анна благодарит и про себя читает имя офицера на жетоне. Затем представляется сама.

— Я поселилась в Барениде.

— Симпатичные там дома.

— Да, очень.

Она раздумывает, можно ли сказать этому человеку про девочку. Он кого-то ей напоминает. Ей кажется, что это тот самый человек, что чистил ей подъездную дорожку. Но на этот раз он чисто выбрит и на нем нет бейсбольной шапочки. Может, он и переживает, что потерял дочь, но по нему это незаметно. Но может, это просто нельзя прочесть по его лицу? Анна в это не верит.

Она уже готова была выпалить, что в машине у нее сидит девочка, его дочка, но тут на его столе заговорила рация. Пока он разговаривал, она думала, что надо что-то сказать. Ситуация становилась все более и более неловкой. Как она объяснит, почему так долго держала ребенка у себя? Ее наверняка об этом спросят. Почему она сразу же не позвонила в полицию. Наконец она собирается с духом:

— Я нашла маленькую девочку.

Полицейские разом поднимают головы от бумаг и смотрят прямо на нее. Первый офицер заканчивает разговор и возвращается к стойке.

— Я нашла маленькую девочку в снегу перед домом. С ней уже все в порядке. Она у меня в машине. — Анна указывает в сторону двери.

Полицейский выглядит одновременно смущенным и обеспокоенным. Он выходит через дверь, устроенную в стойке. Наверное, он думает, что его дочь наконец-то нашлась.

— Она у меня в машине, — повторяет Анна.

Офицер выходит с ней на улицу.

На стоянке головы девочки в машине не видно. Анна думает, что надо подойти поближе, потому что малышка уснула от долгого ожидания и склонилась на бок. Но когда они приближаются к машине, обнаруживается, что пассажирское сиденье пусто. Анна вскрикивает от страха и отчаяния и обегает вокруг машины. Ей хочется позвать девочку по имени, но она его не знает.

— Она пропала. — Анна поворачивается к полицейскому.

Тот удивленно на нее смотрит. В это время еще двое других полицейских выходят из двери участка, натягивая куртки. Еще один офицер только что приехал на работу.

— Пэт, ты видишь маленькую девочку? — спросил один из офицеров.

Приехавший остановился от неожиданности и, оглядываясь по сторонам, произнес:

— Нет. А в чем дело? Что случилось?

Пять дней спустя.

Агент по продаже недвижимости снова пришел со свежей розой. В этот раз его присутствие кажется Анне вмешательством в ее жизнь. Она гадает: неужели этот пожилой человек и дальше будет через каждые несколько дней приходить к ней с новой розой? Такое поведение кажется ей нелепым и бессмысленным, даже немного жалким. Во время его последнего визита Анна держалась с ним холодно. Не грубо, но отстраненно. Он сказал, что супружеская пара приезжала осматривать соседний с ней дом, тот самый, куда она привезла девочку в тот вечер, когда нашла ее в снегу.

Анна замечает, что из ее окна можно разглядеть среди деревьев крышу этого дома. Она очень удивлена этим открытием, ей казалось, что в округе не видно никакого жилья.

Анна поднимается на второй этаж и проходит по коридору к детской, окна которой выходят к дороге.

Когда девочки не оказалось в машине, полицейские, похоже, усомнились в твердости ее рассудка, хотя они осмотрели окрестности здания и заполнили отчет о происшествии. Самым неприятным для нее стал вопрос, почему она не привезла девочку сразу. Ответа на этот вопрос у нее не было. Ей показалось, ребенок нуждается в защите, — вот единственное, что ей удалось из себя выдать. Полицейские сразу стали интересоваться, кто угрожает ребенку, но она больше ничего сказать не смогла.

— Кто-то ее бросил, — выпалила Анна, впившись глазами в офицера, которого она считала отцом малышки.

Полицейские внимательно слушали, и Анна подробно описала внешность девочки.

Лепестки и стебли по-прежнему красуются на стене в детской, когда Анна смотрит туда через открытую дверь. Эти рисунки так совершенны, что, глядя на них, она качает головой и думает про сарай. Она собиралась покрасить его сразу же, как переедет в дом, но оказалось, что работы там очень много. Надо его утеплить и провести электропроводку. Анна решает вызвать кого-нибудь, кто посмотрит и составит смету. Агент по продаже недвижимости наверняка знает каких-нибудь мастеров. Но она сможет себе это позволить, только если ей удастся продать несколько картин.

Три дня назад Анна установила свой мольберт, холст и краски в третьей спальне, окно которой смотрит на сарай. В самом центре розы телесного цвета, над которой она последнее время работала, она поместила лепестки, повторяющие по форме здание сарая — складчатые перекрывающиеся дуги, образующие крышу, и шелковистые изгибы, обрамляющие стены. На другой картине была изображена огромная стая рыб, у которых вместо голов были сияющие бутоны красных роз.

Все это время, что Анна работала над картинами, не было ни единого телефонного звонка. Ни от адвоката, ни от Кевина. И агент по продаже недвижимости больше не заходил. Анна боится, что обошлась с ним грубо, и думает, не позвонить ли ему, чтобы извиниться. И еще она уже не первый день размышляет, не позвонить ли ей Кевину и договориться о примирении. Она, как ее мать, всегда старалась избегать ссор. Она не желает Кевину зла. Если он не хочет иметь с ней ничего общего, ее это вполне устроит. Ей сейчас нужно лишь одно: чтобы ее оставили в покое. Если надо подписать какие-то бумаги — она согласна. Она готова на все, только чтобы избежать угрозы суда и сохранить то блаженное чувство, что охватывает ее при мысли о будущем ребенке.

Не отрывая взгляда от рисунков, Анна проходит в мастерскую. Окно обрамляет

открывающийся из него вид с сараем в центре. Анна пытается сосредоточиться, чтобы нанести на холст несколько точных линий, но воспоминания о полицейских все время ее отвлекают. В ее воображении мысли о ребенке вытесняются размышлениями о том, что сейчас какая-то семья осматривает дом по соседству. Она уже не может думать ни о чем другом.

Анна откладывает кисть, спускается вниз и надевает пальто. Выйдя из дома, она садится в машину и едет к ближайшему дому. Остановившись, она видит припаркованную у дома машину такой же марки и цвета, что у нее. Это зрелище вызывает у нее улыбку. Если в Сент-Джонсе ей навстречу попадалась такая же машина, то довольно часто ехавшие в ней незнакомые люди приветственно махали ей рукой. Это было приятно, и она махала им в ответ, чувствуя свою с ними связь.

Анна подъезжает к обочине так, чтобы было видно дом, и останавливается. В ту же минуту дверца водителя распахивается, и оттуда выбирается женщина. Она тут же открывает заднюю дверь с той же стороны и протягивает руку вперед.

Наружу показались розовые сапожки, и Анна чувствует, как мурашки побежали у нее по спине. Мать ждет, пока ребенок встанет на ноги, потом бережно отводит ее в сторону и запирает машину. Девочка стоит на месте, лицом к деревьям, а не к дому. Похоже, она не знает, где находится. Она стоит смирно, ожидая указаний. На вид она того же возраста, что первая. Однако у этой длинные черные или каштановые волосы.

Мать медленно идет впереди, ведя девочку, которая ступает осторожно, как слепая.

Анна наклоняется поближе к пассажирскому окну, чтобы лучше видеть. На ее глазах мать и дочь подходят к двери и исчезают в доме.

Через некоторое время мать выходит. Она не оглядывается по сторонам и сразу идет к машине. Заведя мотор, она сидит, словно в прострации, а потом уезжает одна, без девочки.

В ту ночь Анна просыпается каждый раз, как ей случится перевернуться с боку на бок. Набухшая грудь и болезненные ощущения в сосках не дают ей уснуть.

Каждый раз при пробуждении в памяти всплывают женщина и маленькая девочка, заходящие в дом. Мать оставляет ребенка одного и проезжает мимо Анны, даже не посмотрев в ее сторону. Анна записывает номер машины и затем подъезжает к дому, чтобы забрать девочку. Дверь заперта, изнутри не доносится ни звука. Анна отчаянно стучит в дверь. Ей страшно, не случилось ли с ребенком чего-нибудь плохого.

На стук никто не вышел, и Анна бегом вернулась к машине, чтобы вызвать полицию, но остановилась. Может, она напрасно поднимает панику? Вполне возможно, что девочка была в машине вместе с матерью, просто она села со стороны пассажирского сиденья и Анна ее не заметила.

Лежа в постели, Анна раздумывает, где может быть отец ребенка. Это напоминает ей о Кевине, и слезы подступают к горлу. Ведь им было хорошо вместе. Ей казалось, что они так хорошо подходят друг другу. Беременность все изменила. Вместо того чтобы сделать их ближе, как это предназначено природой, она превратила их во врагов. Неужели это конец их отношений? Если дело дойдет до суда, то все мосты между ними будут сожжены, но у нее по-прежнему теплится надежда, что Кевин заберет свой иск. Быть может, он уже сейчас о нем жалеет.

Переехав в новый дом, Анна ни разу не чувствовала себя одинокой, но сегодня ночью ею овладела тоска. Она прикасается к животу, водит по нему рукой, и это движение

успокаивает ее. В полудреме Анна ощущает нежные прикосновения, как будто маленькие ручки ощупывают ее тело, изучая его.

— Анна?

Голос доносится до нее сквозь сон. Он звучит издалека, как скрип половиц или шум ветра. Анна просыпается. Теперь она лежит затаив дыхание, прислушиваясь.

— Анна?

Тоненький, далекий голосок.

Рывком она отбрасывает одеяло и сбегает вниз, чтобы выглянуть в окно входной двери. Она ожидает увидеть там рыжеволосую девочку. Ее присутствие станет подтверждением, что она не повредила рассудком.

Маленькое личико смотрит на нее прямо из-за двери. Но это не та рыженькая девочка. Это другая, с темными волосами. Ее губы шевелятся, и она произносит:

— Анна?

Голос из-за двери звучит приглушенно.

Анна распахивает дверь, оглядываясь в поисках машины. Но никакой машины не видно. Она прислушивается, а в это время по обе стороны головы эмбриона появляются маленькие вздутия — будущие ушные раковины. Присев на корточки, Анна смотрит на лицо девочки. Слепые глаза ребенка широко распахнуты. Анну захлестывает бессильный гнев.

— Анна?

— Да.

Девочка улыбается.

— Я потерялась, Анна.

— Не бойся. Я знаю, где ты живешь.

— Я потерялась.

— Не стой на холоде. Заходи.

Она берет в руки холодные ладошки девочки и аккуратно переводит ее через порог.

— Где твоя мама?

— Не знаю.

— Сейчас я возьму пальто и отвезу тебя домой.

— Анна?

— Да... Откуда ты меня знаешь?

— От человека из того дома.

— Какого человека?

— Того, что продает дома.

— А-а. Хорошо, постой тут. Я только надену пальто и сапоги.

— Где она, Анна?

— Кто?

— Моя мама. Я не знаю, как она выглядит.

— Мы найдем ее. — Слезы застилают Анне глаза. — Не волнуйся. У меня есть номер ее машины.

Дом плывет и качается у нее перед глазами, пока она пытается засунуть руки в рукава пальто.

— Наверное, она бросила меня, да?

Слезы текут у Анны по лицу.

— Тише, тише, пожалуйста. Все будет хорошо.

В машине Анна пристегивает девочку на заднем сиденье. Она успела прочитать под солнцезащитным щитком, что не следует сажать детей спереди, поскольку ребенок может погибнуть, если сработает подушка безопасности.

Теперь надо развернуться, и Анна бросает взгляд в зеркало заднего вида. Ей видно часть лица со слепым глазом, уставленным в заднюю спинку сиденья.

Она едет к соседнему дому, опасаясь в душе, что мать так и не вернулась. В конце концов, она ведь просто осматривала дом. За чем ей возвращаться, если не за ребенком? У Анны живот сводит от дурного предчувствия. Она никак не может понять, что происходит с девочками. Чтобы убедиться, что все это ей не приснилось, она снова проверяет зеркало заднего вида.

— Анна?

— Да?

— Разве ты не хочешь знать, как меня зовут?

— Да, конечно. Я должна была спросить.

Девочка замолчала.

Анна ждет. Она снова бросает взгляд в зеркало и видит, что голова ребенка повернута к окну, словно она смотрит на проносящийся мимо пейзаж.

Анна гадает, как она чувствует это движение, сидя в машине и не зная, где она едет, не догадываясь о надвигающейся беде.

— Девочка?

— Да.

Малышка поворачивает голову, и теперь она смотрит прямо в спинку сиденья водителя.

— Ты хотела сказать, как тебя зовут.

— Я думаю.

Анна ждет, переводя глаза с зеркала на дорогу и обратно.

— Я не помню, Анна.

При этих словах Анна тревожно вздыхает. Потом облизывает губы.

— Подумай, дружочек. Как же можно забыть свое собственное имя?

Девочка снова отворачивается к окну, чувствуя движение машины, уносящей неизвестно куда.

— Знаешь что?

— Что?

— По-моему, у меня нет имени.

День 36-й, 6-я неделя.

Между передним мозгом и челюстной костью появляется углубление, на месте которого сформируются рот и ротовая полость. Голубой пигмент проявляется во внешнем слое оптического бокала, оптический нерв удлиняется. В носовом диске появляются два симметричных углубления — будущие ноздри.

23 марта, много шуму.

Три дня спустя девочка по-прежнему с Анной.

Как и ожидалось, когда Анна привезла безымянную черноволосую девочку к дому, где она впервые ее увидела, там никого не оказалось. Ей пришлось вернуться домой вместе с ребенком.

Все попытки отвезти девочку в полицию оказались безрезультатны. Малышка всякий раз исчезала, как только Анна оставляла машину перед отделением, и снова появлялась в Аннином доме. Анна дала полицейскому номер машины, и он заверил ее, что проследит, чтобы машину нашли. Прошло два дня, и от него не было никаких вестей.

Анна размышляет, не уехать ли ей из Баренида, но она не может бросить малышку. Анна уверена, что девочка так же реальна, как любой другой человек. Может получиться, что она заберет ребенка с собой в Сент-Джонс, а в это время мать девочки одумается и вернется за ней. Кроме того, Анна боится, что, если она возьмет ребенка с собой, это могут счесть похищением.

Чтобы чем-то занять ребенка, Анна дала ей кисти, чтобы она рисовала на стенах в коридоре. Малышка рисует зеленой краской длинные широкие линии с растущими из них зубцами. Вторая девочка не такая талантливая, как первая, но у нее есть свой стиль, более реалистичный. Покончив с линиями, девочка принимается выводить слова.

Анна отказалась от мысли отвезти малышку в полицию и оставила ее в покое, надеясь, что мать ребенка скоро отыщется.

Выйдя из спальни, Анна остановилась при виде большого неровного пятна красного цвета на полу в коридоре. Наверное, девочка разлила банку с красной краской и отправилась на кухню в поисках полотенца, чтобы ее вытереть.

Анна спускается по лестнице вниз, гадая, где ребенок мог найти четыре галлона красной краски, и замирает, завороженная сиянием, льющим в окно входной двери, — это солнечный свет отражается от снега. Она заходит на кухню, но девочки и здесь нет.

На столе гудит, вибрируя, мобильный телефон. Уже несколько дней никто не звонил, и Анна рада услышать человеческий голос.

— Анна?

— Я слушаю.

— Привет, это Дэвид. Как твои дела?

Анна улыбается. В голосе Дэвида всегда слышен неиссякаемый энтузиазм.

— Все в порядке, а у тебя как?

— Как тебе известно, я невероятно талантлив.

Анна смеется.

— Я насчет новой работы. Мне тут позвонили сразу из нескольких СМИ. Похоже, ты

проснулась знаменитой. Давно пора, потому что, как ты помнишь, я всегда в тебя верил. Их словно прорвало. Хотят с тобой связаться, требуют твой номер телефона. Но я не дал. Решил сначала поговорить с тобой. Мне кажется, так будет лучше.

— Из СМИ? А по какому поводу?

— Не говорят. Но, видно, ты наделала много шума. Они все очень настойчивы. В чем дело? Тебя похвалил какой-то богатый коллекционер?

Анна вздыхает, подозревая, что это связано с приближающимся судебным процессом.

— Дать им твой телефон?

— Нет.

— Ладно. Коротко и ясно. Немного резко, я бы сказал. Но я не в обиде. У тебя все в порядке?

— Да, да, конечно.

— На тебя не похоже.

— Не веришь?

— А где ты? Я к тебе заходил. Ты от меня прячешься?

— Я купила новый дом.

— Где?

— За городом.

— Не ожидал от тебя.

— И превратилась в деревенскую клушу.

— Понятно. А картины когда покажешь?

— Через пару недель.

— А вообще как дела?

— Отлично.

Рассказать ему о беременности? Анне хочется с кем-нибудь поделиться. Но жалко расставаться со своим секретом. Почему? Неужели она боится сказать, что у нее будет ребенок? Наоборот, она готова сообщить эту новость всем, даже незнакомым людям на улице. Это надо бы отпраздновать.

— Что в галерее?

— Мерзость запустения. Я думал, ты собираешься в Италию со своим другом-врачом.

— Не вышло.

— С Италией или с врачом?

— Так я тебе и рассказала.

— Не хочешь — не надо. А номер для прессы?

— Нет. Я расскажу тебе, в чем дело, сразу как только увидимся.

— Договорились. Ну, пока. Мне тут звонят.

— Счастливо.

Анна захлопывает телефон. Она стоит на кухне, физически ощущая исчезновение голоса Дэвида, связывавшего ее с другой жизнью. Та жизнь ей больше не нужна. Снова воцарилась тишина. Анна касается лица и нащупывает несколько прыщиков. Она проголодалась. Ей хочется чего-то, она сама не знает чего. Надо только вспомнить, как оно называется.

— Кто там? — кричит она, но ответа нет.

Анна выглядывает в окно и видит мальчика, чуть больше года, одетого слишком легко для зимы. Он ковыляет от дороги к ее дому. Во дворе он падает и заходится плачем, но

сквозь стекло звука неслышно. Она барабанит по стеклу, чтобы привлечь его внимание. Костяшки ее пальцев стучат так громко, что Анна боится разбить стекло.

Мальчик замирает и смотрит в небо.

Анна спешит к двери, натягивая по дороге пальто. Сразу же за порогом она наталкивается на мужчину и узнает его. Это тот человек, который расчищал ей дорожку от снега, или офицер полиции из отделения в Бей-Робертсе. Она почти врезалась в него, спеша к малышу.

Мужчина пытается ее остановить, но Анна вырывается и мчится за угол, где она видела мальчика. Но там никого нет. Она решает, что он скрылся в лесу за сараем, и бежит туда. Анна ищет следы, но снег растаял, и ничего не разглядеть. Она летит к деревьям и, приседая и наклоняясь, чтобы заметить движение, всматривается в путаницу веток.

— Эй! — кричит она.

В ответ доносится хруст сучьев под ногами, и Анна торопится дальше, пригибаясь, чтобы ветки не хлестали ее по лицу.

— Эй!

Пройдя почти двадцать футов в глубь зарослей, она оглядывается в поисках тропинки, но ничего не видно.

Анна слышит за собой шум шагов и, повернувшись, видит идущего к ней по лесу мужчину. От этого зрелища она лишь отчетливей понимает, что надо найти ребенка, и поэтому спешит вперед. Мужчина идет за ней.

Она продирается сквозь ветки, которые так и норовят схватить ее, корни, выступающие из земли, коварно ставят ей подножки. Анна спотыкается, выставляет вперед руки, но все же удерживается на ногах. Она останавливается, только дойдя до небольшого ручья. Рядом с поверхностью воды кружат маленькие рыбки.

Мужчина возникает рядом с ней. Высокий и широкий в плечах, он подавляет одним своим присутствием.

— Что случилось? — спрашивает он.

Анна смотрит ему в лицо. Он тяжело дышит, его глаза изучают ее лицо, а потом обшаривают окружающий лес.

Анна не знает, говорить ли ему о маленьком мальчике. Что он о ней подумает? Две потерявшиеся девочки, а потом еще и мальчик. И никого нет. Что тут можно подумать? Что она сошла с ума — и больше ничего. Она лихорадочно оглядывается, надеясь, что мальчик вот-вот появится.

— Ничего, — бормочет она.

— Вы что-то заметили?

— Что?

— Вы кого-то преследовали?

Она изучает его лицо. Он напоминает ей Кевина.

— Никого. Лису.

— Лису?

— Ну да.

Она поворачивается и оглядывается в поисках тропинки, чтобы выбраться из леса.

Мужчина идет за ней.

Анна пробирается сквозь густые заросли, пока вдали не появляется просвет. Это двор ее дома, и тут она может вздохнуть свободней.

Анна заваривает чай для полицейского. Чем больше она на него смотрит, тем больше крепнет у нее уверенность, что это именно он оставил рыжеволосую девочку у нее во дворе. Анна не хочет спрашивать его об этом, чтобы еще больше не усложнять ситуацию, которая, она надеется, разрешится простым объяснением. Тем не менее она напоминает ему, как в отделении офицеры обернулись на него, когда она упомянула черный пикап со снегоочистителем.

Полицейский смотрит на цветок в центре стола. Он усох и согнулся, красный превратился почти что в черный.

— Я должен кое в чем признаться, — говорит он.

От его взгляда Анне хочется бежать куда глаза глядят.

— Это я чистил вам дорожку.

Анна чувствует, как слабость разливается по всему телу. Губы у нее кривятся от отвращения.

— Так где же ваша дочь? — спрашивает она сердитым шепотом.

Полицейский смотрит на Анну, потом переводит взгляд на струйку пара, вылетающую из носика кипящего на плите чайника, и собирается с духом, чтобы посмотреть ей прямо в глаза.

— У меня нет дочери.

Анна качает головой:

— А кто был с вами в машине? Вы бросили ее...

— Никого не было. У меня нет дочери. Честно. Нет, и все.

Она поворачивается и выключает конфорку. Снимает чайник с плиты, с трудом сдерживаясь, чтобы не плеснуть в него кипятком. Потом она ставит чайник на холодную конфорку и на секунду закрывает глаза. Скрестив руки на груди, она поворачивается к нему.

— Почему вы не сказали этого в отделении?

— Я не хотел вам противоречить на глазах у остальных.

— Но я же ее видела.

Офицер качает головой:

— Не было никакой девочки. У меня вообще нет детей.

— О господи!

— Мне жаль.

— Это просто...

Анна вскидывает руки в отчаянии.

— Я не понимаю, что происходит.

— Вы говорите, она была рыженькая?

— Да.

Он сглатывает и смотрит в сторону окна.

— А почему вы спрашиваете?

— Просто так.

Полицейский уходит, и Анна смотрит ему вслед через окно входной двери. Его машина разворачивается перед ее домом. На пассажирском сиденье — маленькая рыжеволосая девочка, ее лицо повернуто к Анне.

Анна распахивает дверь и кричит: «Стойте!» Она размахивает руками, чтобы привлечь внимание полицейского. На подгибающихся ногах она выбегает на дорожку, но машина уже отъезжает.

Возвращаясь в дом, Анна кипит от негодования при мысли, что полицейский ее обманул. Неужели он оставил ребенка в машине, пока сидел у Анны? Наверное, даже сказал ей, чтобы она сидела в машине и не выходила. Офицер сказал Анне, что они нашли машину, принадлежащую матери слепой девочки с черными волосами. Женщина, ее владелица, поклялась, что у нее никогда не было дочери.

Анна не верит ни единому слову полицейского. При мысли о черноволосой девочке она вспоминает о краске, разлитой наверху в коридоре. Надо было сразу убраться, но Анна понимает, что это без разницы. На деревянном полу все равно останется большое красное пятно. Может, удастся отодрать его одним куском, когда краска засохнет.

Пока Анна ходила, чтобы забрать из-под раковины посудное полотенце и металлическую щетку, в голове у нее возник план отыскать черный пикап со снегоочистителем. Бей-Робертс — городок маленький. Она наверняка сумеет отыскать такую машину. Когда она застанет офицера с рыженькой девочкой, она потребует от него объяснений. Потом уже можно будет вернуться в Сент-Джонс.

Пора ехать.

У нее уже нет никаких сил. Как может быть столько потерявшихся детей? Что-то странное творится с ней, оно грозит разрушить ее рассудок. Может быть, это гормональная перестройка, о которой она читала в книге, делает ее психику такой неустойчивой?

Наверху пятно потемнело, оттенок и текстура выглядят упреком. Встав на колени, Анна пытается промокнуть пятно, но только размазывает краску. Полотенце становится ярко-алым. Анна усиленно трет, но, как она и думала, избавиться от пятна не удастся. Она берется двумя руками и нажимает еще сильнее, но пятну ничего не делается. Все еще на коленях, Анна останавливается и смотрит на пол, разглядывая оттенки цвета. Потом переводит взгляд на свои ладони. Они измазаны в краске, и от этого запутанная схема ее «линий жизни» выглядит особенно отчетливой. Встав с колен, она идет в студию и прижимает ладони к чистому холсту. Отпечатки — как тонкие лепестки.

Кровь течет через недавно сформировавшиеся правый и левый желудочки в сердце эмбриона, когда Анна сворачивает с главной улицы Бей-Робертс, минуя торговые центры, рестораны быстрого питания и заправки. Теперь она едет вдоль набережной, направляясь к старому центру города, где рыбацкие домики соседствуют с одноэтажными дачами. Здесь нет сетевых магазинов, только небольшие лавчонки и мастерские. Она проезжает белый дом с эмблемой Королевского канадского легиона.

Слева от нее — узкий залив, а за ним — противоположный берег. Вдали лежит океан. На дорожке у дома Анна замечает темно-синий пикап. Неподалеку на лужайке перед домом стоят два снегохода с надписью «Продается», прилепленной к ветровому стеклу. Она проезжает дорожку с ярко-желтым пикапом, затем, на другой стороне дороги, — док с большими зданиями холодильных складов, расположенных у самой воды.

Анна поворачивает налево и продолжает поиски, провожая взглядом каждый пикап, пока не находит другую дорогу, которая, по-видимому, раньше была главной торговой улицей. Здесь находятся почта и магазин электротоваров. Она проезжает магазин «все для дома», склад пиломатериалов со старой лесопилкой в середине. Анна не торопится, оглядывая дома и подъезды к ним, поворачивая в переулки.

Со временем Анна осознает, что город больше, чем ей казалось, и начинает сомневаться в успехе своего предприятия. Уже темнеет и пора поужинать. Анна испытывает желание

сегодня же вернуться в Сент-Джонс и забыть про Баренид. Она устала и проголодалась. Хорошо бы съесть гамбургер с молочным коктейлем. При одной только мысли о молочном коктейле она воодушевляется. Непреодолимое желание сразу же оттирает прежние планы на задний план. Она выезжает из старой части города и направляется к ресторанам быстрого питания рядом с шоссе.

Анна заезжает на автораздачу и заказывает гамбургер и коктейль. Потом, пробежав глазами меню, добавляет луковые колечки. Картошки она бы тоже взяла, но останавливает себя. Девушка на раздаче спрашивает:

— Это все?

Нет, конечно, хочется ответить Анне. Это совсем не все. Как это может быть всем? Но вместо этого она подтверждает, что да, все, и ждет, пока ей отдадут ее заказ, вместо того чтобы вступать в споры о том, как надо правильно говорить.

Отъехав от ресторана с бумажным пакетом, источающим на весь салон чудесные аппетитные запахи, она краем глаза замечает черную машину и резко поворачивает голову, чтобы ее разглядеть. Черный пикап со снегоочистителем. Анна выезжает со стоянки и едет вслед за грузовичком, пока он не сворачивает к супермаркету и не останавливается на парковке. Анна въезжает на стоянку и движется мимо пикапа, глядя, кто из него выйдет. Как она и ожидала, со стороны водителя вышел знакомый полицейский. Анна видит, что дверь с другой стороны открывается, и вынуждена вытягивать шею, чтобы увидеть, кто оттуда появится, но грузовик неожиданно скрывается из вида. Она делает круг по стоянке и возвращается как раз в тот момент, когда офицер и идущая рядом с ним рыжеволосая женщина заходят в магазин.

Анна находит свободное место и паркует машину.

В супермаркете она старается успокоиться. Свет ламп очень яркий, раздражающий. Он режет ей глаза. Взяв тележку, Анна хватается за ручку обеими руками и машинально складывает туда фрукты, в то время как ее глаза обшаривают зал в поисках пары. Их нигде не видно, и Анна движется дальше.

Через три ряда она наконец замечает полицейского и рыжеволосую женщину. Они ее не видят, и она объезжает следующий ряд, чтобы перехватить их.

Повернув, она сталкивается с офицером и его спутницей лицом к лицу.

Полицейский сразу замечает ее и краснеет.

— Добрый день, — говорит Анна.

— Добрый, — произносит он в ответ.

Анна молчит. Рыжеволосая женщина смотрит на нее, потом на мужчину.

Полицейский как язык проглотил.

После неловкого молчания Анна спрашивает:

— А ваша дочь не с вами?

Брови у женщины ползут вверх. Она смотрит Анне в лицо, а потом снова переводит взгляд на своего спутника.

Рассматривая женщину, Анна замечает, что она невероятно похожа на девочку. От этого она еще больше сердится.

— Где ваша дочь? — спрашивает она. — Рыжеволосая девочка?

Женщина ошарашена.

— Успокойтесь, — говорит офицер, поднося ладонь к ее лицу.

— И не говорите мне, что у вас нет дочери. Девочка выглядит в точности как она. —

Анна указывает на женщину.

Лицо женщины еще больше напрягается.

— Послушайте, — говорит офицер, следя глазами за старушкой, которая появляется в проходе. — Вам надо успокоиться.

— Ой-ой! — Ответ Анны пронизан подозрительностью и сарказмом.

— В чем дело? — спрашивает женщина.

— Эта женщина уверена, что видела меня с маленькой девочкой.

Анне не нравится, когда про нее говорят «эта женщина», но еще больше не нравится тон, которым это сказано.

— Он оставил ее рядом с моим домом, — выпаливает она.

— Я этого не делал.

— О чем вы говорите? — спрашивает женщина.

— С ним была рыжеволосая девочка. Он ее бросил.

Женщина называет мужчину по имени.

Полицейский качает головой:

— Никого со мной не было. Пожалуйста, не кричи.

Анна снова указывает на женщину.

— Она была похожа на нее. В точности.

Полицейский сердито отворачивается и двигается прочь. Он произносит имя женщины, и следом:

— Идем!

Женщина встревоженно смотрит на Анну, а потом разворачивается и следует за офицером.

Анне хочется крикнуть им вслед «Вы врете!», слова рвутся у нее из груди. Она зажимает себе рот, чувствуя жар дыхания.

Она бросает тележку прямо там, где она стояла, и бросается прочь из магазина.

Вернувшись в свой дом в Барениде, Анна собирает в сумку одежду и туалетные принадлежности. Она хочет уехать сегодня же вечером, несмотря на то что уже стемнело. После аварии она боится ездить в темноте, а тут еще пошел снег. Однако прогноз по радио не обещает сильного снегопада.

В дверь стучат, и Анна решает, что офицер вернулся, чтобы объясниться или отчитать ее за ее поведение в супермаркете. Она выходит на лестницу, откуда видно окно во входной двери.

Там стоит какой-то мужчина.

Анна не торопясь спускается по ступенькам, размышляя, что ей делать с этим новым вторжением.

Она обреченно открывает дверь, заранее смирившись с поражением.

Это Кевин. В руках у него медицинский чемоданчик.

— Что тебе от меня нужно? — спрашивает Анна, вглядываясь в темноту, где за спиной Кевина стоят мальчики и девочки. Они прячутся в тени и глядят на него, словно зачарованные ужасом.

День 37-й, 6-я неделя.

Верхние конечности эмбриона теперь выглядят совсем как руки, предплечья и кисти.

Зачатки нижних конечностей закругляются на сужающихся концах, преобразуясь в ноги. От спинного мозга к мышцам конечностей подходят отростки нервных клеток.

24 марта, игла.

Анна просыпается оттого, что на лицо ей падает луч зимнего солнца, пробившийся сквозь жалюзи ее квартиры в Сент-Джонсе. Блеск бесцеремонно вторгается в ее сон, и она переворачивается на живот, стараясь снова уснуть, но невероятно яркие воспоминания о событиях прошлой ночи окончательно ее будят. Поднявшись на локтях, она оглядывает комнату.

Вчера в Барениде она так и не поняла, чего хотел от нее Кевин. Сидя за столом в кухне, он спокойно и взвешенно рассуждал о последствиях того или иного выбора. Анна не могла понять, то ли он хочет окончательно ее сломить, то ли ищет примирения. Слова его не значили ровным счетом ничего. Его манера напомнила Анне бюрократический жаргон, на котором говорили правительственные чиновники, когда она общалась с ними по поводу артистических стипендий. Его слова сбивали Анну с толку, но больше всего ее пугало присутствие на столе рядом с усохшей розой медицинского чемоданчика. Зачем Кевин принес инструменты? Он хочет ее осмотреть? Зловещий визит напомнил ей о днях ее юности.

Прежде чем пустить Кевина в дом, она спросила, что у него в чемоданчике.

— Вещи, которые могут нам понадобиться, — ответил Кевин, и Анна предположила, что у него там образцы лекарств или витамины для беременных.

Потом она попросила его оглянуться через плечо и описать, что он там видит. Он сказал про траву и деревья на другой стороне дороге, но не упомянул никаких детей. Когда он оглянулся на нее, на лице у него было вопросительное выражение. Он как бы спрашивал, сдал ли он экзамен. Анна уже готова была напрямую спросить его, видит ли она детей, которых, как ей казалось, невозможно было не заметить, но потом решила, что не стоит. А вдруг это галлюцинация, вызванная взбесившимися гормонами? И если вспомнить о надвигающемся судебном процессе, то точно не стоит давать Кевину повод, чтобы объявить ее психически неуравновешенной. Хотя она уже сама этого опасалась, и страх надвигался на нее зловещей темной тучей.

Анна неохотно впустила Кевина в дом, надеясь, что им удастся восстановить прежнюю непринужденность и тем самым избавиться от тревожного покалывания, которое она чувствует под кожей при одной только мысли о будущем. Она слушает его, опершись на кухонный столб. Из его слов она наконец улавливает, что он стремится ей помочь.

— Что значит «помочь»? — уточняет Анна, полагая, что он все-таки одумался и предлагает свою поддержку.

Кевин вздохнул и нахмурился, почесывая бровь.

— А какая помощь тебе нужна?

Анна внимательно смотрит ему в лицо.

— Не знаю. Чем может помочь отец?

Кевин перевел взгляд на свой чемоданчик.

— У меня тут все, что нужно.

Анна проследила направление его взгляда, и внутри у нее все сжалась. Если и была у нее маленькая надежда на примирение, то она исчезла. И дело было не в словах, а в тоне, которым это было сказано. Намерения Кевина были ужасны. Онапустила его в дом, полагая,

что он хочет достигнуть какого-то понимания, а на самом деле он пришел с намерением причинить вред ее ребенку.

Когда он снова заговорил, в его голосе слышалось раскаяние:

— Анна, это моя работа.

— Это только часть твоей работы. А как насчет помощи при родах? Такую-то помощь ты оказываешь!

Кевин молчал.

Анна фыркнула от отвращения.

— Убирайся!

Он встал и замер, остановив взгляд на черном чемоданчике. Повернувшись к ней спиной, он одной рукой открывал застежку, а другая была поднята. Раздался щелчок, и чемоданчик открылся.

Анна увидела, как движутся его локти, пока руки копались внутри.

— Кевин?

Он замер, а потом обернулся. В руке у него был шприц. Он произнес ее имя.

— Что? — сказала она, вытягивая перед собой руку. — Кевин! Не смей.

Но как будто она ничего не говорила, и ее слова не достигли его. Он сделал шаг по направлению к ней.

Сразу, не сводя глаз с Кевина, она потянулась рукой к ящику с ножами, отчаянно пытаясь защититься, в любой момент ожидая укола иглы, который будет означать гибель ее ребенка. Не глядя, она выдвинула ящик и сунула руку внутрь, пытаясь нащупать хлебный нож. Если понадобится, она вонзит его в Кевину прямо в сердце.

Анна на секунду отвела глаза — увидела рукоятку ножа и схватила ее, но тут же ощутила легкий укол в ногу. Осознав случившееся, она замерла, и вздох вырвался из ее груди. Опустив взгляд, она увидела, как Кевин убирает руку с зажатым в ней шприцом.

— Тебе лучше присесть, — сказал Кевин, пододвигая ей стул.

Нож выпал у нее из руки, и голова запрокинулась назад, как будто в полусне. Ног Анна не чувствовала. Чья-то рука взяла ее за плечо, и в голове раздался звон, который, как ей казалось, свалил ее без сознания.

Спустя какое-то время над Анной склонилось чье-то лицо, и она застонала.

— Анна, — спокойным тоном произнес агент по продаже недвижимости.

Анна уже сто лет не видела агента, другие заботы вытеснили из ее головы все мысли о нем. И только когда ее взгляд упал на засохшую розу на кухонном столе, она осознала, кто перед ней. Чувство вины заставило ее смутиться.

— Все хорошо.

Анна не сразу поняла, что лежит на кушетке в гостиной своего дома в Барениде.

— Доктор ушел.

— Доктор?

В сознании у нее все перепуталось, концы не сходились с концами. Зачем приходил доктор? Она что, заболела?

— Он оставил вас на мое попечение. Я его вызвал.

— Ничего не понимаю.

Голова у Анны раскалывалась, как будто изнутри стучал паровой молот. Она попыталась привстать, но вынуждена была снова лечь. Сама не зная почему, она ощупывала руками живот.

— Зачем вы вообще пустили его в дом? — спросил агент, переводя взгляд на стены гостиной. — Не нужно было этого делать.

— Кевин? — спросила она, сощурившись, стараясь сопоставить слова «доктор» и «Кевин». Агент имеет в виду Кевина или какого-то другого доктора? — Я думала, он хочет...

Агент смотрит на нее, а потом переводит взгляд на ее живот.

— Вы впустили его, и теперь он подал на вас в суд. Требуется возврата собственности.

Лежа на водном матрасе, Анна чувствует, как от одного только воспоминания о столкновении с Кевином сердце у нее начинает стучать быстрее. Она почти не помнит, как добралась до своей квартиры, но полагает, что не без помощи агента. Он объяснил ей насчет врача. Это был другой врач, не Кевин. Она вспоминает, как вставала с дивана и шла в ванную, а агент шел рядом с ней на случай, если ее надо будет поддержать. Заперев дверь, она осмотрела все тело: нет ли следов физического вмешательства. Но кажется, ничего такого нет. Если Кевин сделал, что хотел, то у нее, скорее всего, будут схватки.

Анна встает с водного матраса и идет в ванную. По дороге ей вдруг приходит в голову: как агент узнал об иске? Мысль о предстоящем судебном процессе вновь разжигает в ней ярость. Надо сейчас же позвонить адвокату и рассказать ей про Кевина и иглу. Это называется «физическое насилие». Это даст им в руки козыри на процессе.

Она оглядывается на кровать, стараясь сообразить, какой сегодня день недели. Как долго она спала?

Дверь в ванну почти полностью закрыта. Осторожно она толкает дверь рукой, ожидая увидеть там глядящего на нее ребенка, нуждающегося в опеке, но там никого нет.

Анна мочится и подходит к зеркалу, чтобы осмотреть на себя. Она проголодалась. Просто умирает от голода. Она идет на кухню, гадая, что могло остаться в холодильнике. Открыв дверь, Анна видит пакеты с молоком и соком, разные бутылочки на полке. Ничего существенного. Почему бы ей не поесть в ресторане? Побаловать себя. При мыслях о еде она проверяет, не вызовут ли образы яиц, ветчины, жареного хлеба и чая тошноты? Но ничего такого не происходит.

Телефон звонит. Она достает из кармана пальто и смотрит на номер. Это адвокат. Как раз вовремя.

— Алло?

— Анна?

— Я слушаю.

— Это Патрисия.

— Да?

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает адвокат, и ее тон подразумевает, что она уже знает, что случилось между ней и Кевином.

— Со мной все в порядке, — говорит Анна. — Кевин приезжал ко мне в Баренид. Он пытался...

— Что пытался?

— Не знаю. Он сделал мне укол. Наверное, хотел избавиться от ребенка. Потом я потеряла сознание. Но никаких последствий не было. По крайней мере, пока.

— Что? Сделал вам укол?

— Да.

— Против вашей воли?

— Да.

Адвокат молчит, явно обдумывая информацию.

— Это нападение, — произносит она.

— Вот именно. Я так и подумала.

— Я так понимаю, что свидетелей этому нет?

— Агент по продаже недвижимости зашел сразу после ухода Кевина.

— Невероятно. Вы заявили в полицию?

— Пока нет.

— Не тяните с этим. И сдайте кровь на анализ. Нужно определить, что он вам ввел.

Должны остаться следы. Как думаете, он ничего с вами не делал, пока вы были без сознания?

— Я...

— Простите, откуда вам это знать. Надо провести осмотр и сдать анализы. Мазки.

Анна представляет, через что ей предстоит пройти. Сначала больница. Потом объяснения в полиции. Нескромный ритуал осмотра.

— Анна?

— Да.

— Вам надо связаться с полицией. Я пойду с вами.

Давление у Анны в голове усиливается. Она чувствует начало схватки и замирает. Еще одна схватка.

— Анна, мне к вам подъехать? Или вы заедете сюда?

— Мне надо идти.

— Вы так решили?

— Да.

— Я только вспомнила, насчет чего я звонила. Вы видели бумаги?

— Нет, а что?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Еще одна схватка заставляет ее согнуться и скривиться от боли.

— Они получили что хотели.

— Что именно?

— Все.

— Я должна идти.

Анна захлопывает телефон. Живот распирает, как будто вот-вот начнутся месячные. Ей срочно нужно пописать. Похоже, у нее угроза выкидыша.

Добежав до ванной, она садится на унитаз. Схватки продолжают, и она в ужасе.

— Только не это, — шепчет она и потом встает, чтобы посмотреть в чашу унитаза. Теперь надо как можно скорее добраться до больницы, иначе будет поздно.

Врач, осматривавший Анну, стоит в изножье ее кровати с медицинской картой в руке.

Анна ждет, пока он просматривает результаты обследований. При осмотре у нее снова начались схватки, хотя он старался все делать осторожно, все время разговаривая с ней, спрашивая, не больно ли ей, и извиняясь, когда она морщилась.

— У вас срок шесть недель? — спрашивает он.

— Да, — отвечает Анна.

— Да, у вас по-прежнему шесть недель. Все в порядке.

Он кладет карту и присаживается на край кровати.

— Схватки бывают оттого, что ребенок растет. Не стоит волноваться. Вы, вероятно, и сейчас чувствует слабые схватки.

— Да.

Из-за своих односложных ответов она чувствует себя маленькой девочкой.

Врач улыбается доброй улыбкой и похлопывает ее по руке.

— Но если у вас будут какие-то сомнения, приходите, не стесняйтесь. Договорились?

— Спасибо вам.

От радости у Анны слезы наворачиваются на глаза. Врач разговаривает с ней так доброжелательно, так искренне и естественно, что Анна просто счастлива своей беременностью. Это не сложная жизненная ситуация, а благословение свыше. По крайней мере, так ей кажется после разговора с врачом.

— Договорились? — повторяет врач.

— Да, спасибо.

— Вот и отлично. У меня есть приемная в больнице. У вас есть свой гинеколог?

— Нет, только семейный врач.

— Ну, тогда приходите, когда будет нужно.

— Хорошо.

Анна набирает в грудь побольше воздуха. Она вспомнила о разговоре с адвокатом. Надо сделать анализ крови.

— Скажите, а на что вы проверяли мою кровь?

— Какую кровь?

— Ту, что вы у меня взяли.

— Мы сделали общий анализ. Гемоглобин, лейкоциты, РОЭ. И тому подобное. А почему вы спрашиваете?

— Меня укололи иглой.

— Случайно?

Анна колеблется, стоит ли продолжать.

— Да. И я хотела бы знать, не было ли там каких-либо наркотиков.

— Иглой?

— Да.

— Вы можете сдать анализ на ВИЧ, а кроме того, если хотите, мы можем сделать токсикологические пробы. Вам кажется, что вам вкололи наркотик?

— Я не уверена.

— Хорошо, я отмечу, чтобы сделали пробы.

— А можно это сделать, пока я тут?

— Конечно, я распоряжусь. Приходите на прием. — Он переводит взгляд на ее живот. — Можете опустить ноги.

День 38-й, 6-я неделя.

У эмбриона начинает развиваться передний мозг, ответственный за работу сердца, дыхания и сокращения мышц.

Продолжают формироваться череп и лицевые кости. Уже видна нижняя челюсть, верхняя челюсть уже образовалась.

Ноздри пока еще представляют собой две разделенные пластины. Они сдвигаются к передней части головы, лицо становится шире. Появляются нервы, связующие нос с мозгом. Закладываются молочные железы. Протоки, по которым моча будет вытекать из почек в мочевой пузырь, удлиняются по мере деления клеток. На концах рук начинают формироваться ладони. Нижние конечности подразделяются на три части: бедро, голень и ступню.

Сейчас эмбрион размером с виноградину.

26 марта, у адвоката.

Когда Анна входит в зал для переговоров вместе с Патрисией, ее внимание привлекает лежащая на столе газета. Конечно, она уже видела эту газету. Заголовок: «Судебное разбирательство относительно права собственности на эмбрион». На первой странице фотография Анны — снимок взят с сайта галереи. Фотография Кевина отличного качества. Он в белом халате, сфотографирован где-то в коридоре больницы.

— Это ужасно, — произносит Анна.

— Согласна с вами. — Адвокат садится и указывает Анне на предназначенное для нее кресло. — И это притом, что суд еще не начался.

— Пресса обычно следит за предстоящими процессами.

— За мной тоже следят. Два репортера дожидаются меня внизу.

Анна складывает руки на коленях и смотрит на адвоката, надеясь, что от ее предписаний положение хоть немного улучшится.

— Откуда они?

— Из местной газеты и с радиостанции.

Адвокат скашивает глаза на газету.

— К счастью, пресса свое дело сделала. Они поговорили с несколькими авторитетными юристами, и те в один голос заявили, что это дело нельзя рассматривать как вопрос о собственности. Редакционная статья обвиняет судью в том, что он пытается вернуть судебную систему обратно в Средневековье.

— Почему мы вообще должны являться в суд?

— Потому что адвокат Кевина подал заявление, точно зная, что оно попадет к этому конкретному судье. Он просто динозавр в вопросах прав женщин. И еще ему очень льстит внимание прессы.

Анна смотрит на газету. Адвокат пододвигает ей редакционную статью, чтобы она могла ознакомиться.

— Это не может так продолжаться. Кто-то должен вмешаться. На правительство обрушится такой огонь критики, что министр юстиции вынужден будет что-то сделать.

Анна читает статью. Несмотря на обличительный тон, между строк проглядывает

банальное любопытство. Видно, что автору интересно посмотреть, чем все это кончится, словно перед ним разворачивается увлекательный сериал.

— Я говорила со знакомыми парламентариями — они уверены, что этой истории суждено получить общенациональную огласку. А если вмешается телевидение, то еще и международную.

Анна вздрагивает, как будто ее обдали холодом.

— Понимаю, — говорит адвокат, — это чудовищно.

Она ободряюще улыбается и открывает лежащую перед ней папку.

— Но мы с этим справимся, — шепчет Анна, читая лежащий сверху документ.

— Насчет визита Кевина, — произносит адвокат, глядя на Анну и привычным жестом поправляя очки на носу.

— Да?

Адвокат делает паузу, будто тщательно взвешивает то, что собирается сказать:

— Согласно заявлению его поверенного, в день предполагаемого нападения Кевин не мог быть в окрестностях Баренида.

Она ожидает реакции, внимательно глядя Анне в лицо.

— В его письме указывается, что он в это время был в больнице, — там срочно потребовалась его помощь. Тому есть множество свидетелей.

— Какая помощь?

— Не знаю.

Анна не может выдержать пристального, изучающего взгляда адвоката. Она переводит взгляд куда-то за окно и медленно качает головой, не веря своим ушам.

— Вам плохо? Что-нибудь нужно?

— Нет, все в порядке.

— Вы очень побледнели.

Анна судорожно вздыхает и отрицательно качает головой. Она откидывается в кресле и старается дышать глубже. Пот выступает у нее на лбу и ладонях. Она напрягается, пытаясь сглотнуть, пока наконец ей это не удастся.

— Вам помочь?

— Нет, не надо.

— Может, приоткрыть окно?

— Нет, все в порядке.

Анна хочет лишь одного: чтобы адвокат замолчала. Комната плывет у нее перед глазами, и у нее такое чувство, что она вот-вот упадет в обморок. Так с ней уже бывало. Она знает симптомы. Анна наклоняется вперед в своем кресле, уставившись лицом в пол. Она смотрит на свои ботинки и на ковер, прикидывая, не давит ли она в таком положении на ребенка.

— Я принесу вам воды.

Адвокат встает, открыв дверь, просит кого-то в коридоре принести стакан воды. Ее голос тверд, но без суеты. Затем она снова садится.

Через пару мгновений Анне протягивают чашку с водой.

— Спасибо.

Слова звучат неразборчиво, как будто уши у нее забиты ватой. Анна пьет из чашки, чувствуя, как вода холодит горло и живот. От этого ощущения ей становится лучше. Медленно она выпрямляется в кресле и смотрит на адвоката.

— Полегчало? Вы даже немного порозовели.

— Да.

Анна ставит чашку на стол.

— Я не знаю, что со мной происходит.

— Все это очень тяжело. Я понимаю, вам мой вопрос может показаться странным, но вы уверены, что вам это не приснилось?

Анна не отвечает. Она сама пытается понять, может ли такое быть.

— Не знаю.

Она уже почти готова рассказать адвокату про потерявшихся девочек и мальчиков. Ей надо с кем-то это обсудить, и сейчас, по-видимому, самый подходящий момент. Но она решает, что лучше позвонит Дэвиду и попробует поговорить об этом.

— Ваши анализы уже готовы?

— Я не знаю.

— Давайте посмотрим, что там будет. Когда вы должны их получить? У нас суд через два дня.

27 марта, у гинеколога.

— Забирайтесь... — Доктор похлопал рукой по смотровому креслу. — И давайте посмотрим.

Анна кладет ставшие вдруг ватными ноги на подставки. Она зашла, чтобы получить результаты анализов крови, но гинеколог настоял на осмотре, чтобы убедиться, что плод развивается как положено.

— Жалобы есть?

— Нет.

Не отрывая взгляда от ее лица, гинеколог натягивает резиновые перчатки, наносит на них гель и растирает его.

Анна отворачивается и принимается разглядывать плакат на стене, на котором изображены стадии развития эмбриона. Она вздрагивает, когда руки врача прикасаются к ее бедрам.

— Прошу прощения, — говорит он. — Руки холодные.

Анна слегка улыбается в знак того, что готова потерпеть. Ее глаза по-прежнему устремлены на плакат.

— Как ваши дела?

— Нормально.

— Эта история, про которую пишут в газетах, наверное, здорово портит вам кровь?

Анна чувствует, как два пальца продвигаются в нее. Она откидывается назад и вытягивает шею, словно пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

— Прошу прощения. Немного болезненно, да?

— Да.

Анне стоит больших усилий произнести это слово. Ее пальцы впились в черную виниловую обшивку подлокотников.

— Еще одну секунду. — Он издает едва слышный звук, как будто проталкивает что-то.

— О-о-о! — Анна дергается, с трудом сдерживаясь, чтобы не отодвигаться от края кресла.

— Прошу прощения. Еще немного потерпите.

Опять боль и давление. У Анны вырывается стон:

— Перестаньте! Прошу вас!

— Все в порядке.

Опять давление.

— Что вы делаете?

Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на него. Он смотрит на свои руки, которые сейчас находятся у нее между ног. Теплой рукой он проводит вдоль лобка и кладет ее на живот, как будто успокаивая пациентку, а в это время смазанная гелем рука продвигается чуть выше.

— Потерпите. Потерпите. Уже почти все.

Следует сильный толчок, и Анна вскидывает руки, сжатые в кулаки. Она кричит:

— А-а-а!

— Почти дошел. Надо чуть-чуть глубже.

Анна пытается сжать ноги, но мешают подставки.

Врач снимает руку с живота и упирает ее Анне в бедро.

— Не шевелитесь, пожалуйста, — говорит он.

Следующий толчок настолько силен, что боль доходит до позвоночника. Анне кажется, она вот-вот потеряет сознание.

— Все, — произносит врач, не двигаясь с места. — Ну как? Лучше?

Анна закрывает глаза и качает головой.

— Уже извлекаю. — И он медленно и аккуратно вынимает руку. — Подождите, — говорит он чуть погодя. Он берет бутылочку геля и брызгает капельку ей между ног. — Тут что-то есть.

Со звуком, от которого ей становится не по себе, его рука снова погружается глубже. Слезы наворачиваются ей на глаза, волосы на висках становятся мокрыми от пота.

Доктор прочищает горло и медленно убирает руку.

— Все в порядке, — говорит он.

Вытирая слезы, Анна смотрит ему в спину. Гинеколог снимает перчатки и кидает их в ведро. Потом он садится за стол и начинает заполнять ее карту.

Боже, как жестоко, думает Анна, чувствуя, что схватки начинаются снова. Она убирает ноги с подставок и садится на край кресла. Она дотягивается до своей одежды и торопливо натягивает на себя трусы и брюки. Ей кажется, существует правило, согласно которому при осмотре должна всегда присутствовать медсестра, но она не знает, относится ли это только к семейным докторам или и к гинекологам тоже. Глядя, как врач что-то пишет в карту, она вспоминает о Кевине. Интересно, они знакомы? Наверняка. Ведь они коллеги, работают в одной и той же больнице. Может, они даже друзья? Этот осмотр был очень болезненным. Неужели он пытался погубить ребенка по просьбе Кевина? У нее снова схватка, и она сгибается чуть не пополам от боли.

Одевшись, Анна садится в кресло рядом со столом врача.

— Что ж, — говорит врач. Закончив писать, он кладет ручку.

Анна смотрит на карту, раздумывая, что он мог там написать, но слова неразборчивы. Написано много. Врач закрывает папку.

— Мои анализы крови готовы?

— Да. Все в порядке. Вам не стоило волноваться.

Он открывает папку и отодвигает верхний листок. Перелистывает еще один.

— Результат теста на ВИЧ — отрицательный. — Он берет другой листок. — Токсикология. Ничего не обнаружено. — Еще один листок. — И тут ничего. Все чисто. — Он складывает листочки и закрывает папку. Приветливо улыбается ей. — Поосторожнее с иглами в будущем.

— Хорошо.

— Приходите на прием через неделю. Или раньше, если хотите.

Он встает, идет к двери, открывает ее и ждет, вынуждая ее встать. Поднявшись, она осознает, что не может смотреть ему в глаза. Он касается его плеча, когда она проходит мимо.

«Или раньше, если хотите» — эти слова звучат у Анны в голове, когда она выходит в приемную, где сидит несколько женщин. Они провожают ее глазами.

Приближаясь к дому, она замечает белый фургон, припаркованный у двери. На боку у него нарисована эмблема и девиз телевизионной компании.

Анна едет дальше. У подъезда стоит какая-то женщина и наблюдает за улицей. Анна направляется в студию, чувствуя, что спазмы от схваток только усиливаются. Она вспоминает лицо врача во время осмотра, и у нее возникает подозрение, что он пытался спровоцировать у нее выкидыш. Кому можно пожаловаться на такое обращение с пациенткой?

Подъехав к студии, она издали осматривает пространство перед дверью. Вроде бы все чисто. Она припарковывает машину и идет мимо цветочного магазина к двери студии, перебирая связку ключей. Найдя наконец нужный, она вставляет его в замок.

— Привет, Анна, — произносит мужской голос рядом с ней.

Анна поворачивается и видит мистера Оливера, вышедшего на улицу в рубашке с коротким рукавом. Он держит одну руку за спиной.

— Привет, — отвечает она и вежливо улыбается.

— Как дела? — спрашивает он. Из рта у него идет пар.

— Да так, ничего.

— Это вам. — Он вынимает из-за спины руку. В ней зажата красная роза. — В последнее время вас что-то не видно.

Анна улыбается и делает шаг ему навстречу, чтобы взять подарок.

— Спасибо. Вы очень добры.

— Не стоит благодарности. — Он кивает, его щеки горят от мороза. — У вас все хорошо?

— Да.

— Не поддавайтесь этому ублюдку! Вот и все, что я хотел сказать!

Анна улыбается и хмыкает:

— Ни за что!

Он кивает и сжимает руку в кулак:

— Стойте твердо!

— Постараюсь.

— Вот и хорошо.

Мистер Оливер снова кивает, словно в подтверждение договора, и поворачивается к двери магазина.

Анна рассматривает розу и снова поворачивается к двери студии. Повернув ключ, она

заходит внутрь и запирает за собой дверь.

На втором этаже она меняет завядшую розу на новую и оглядывает студию. Ее охватывает чувство покоя, все, что волновало и тревожило, отступает на второй план. Ощущение благополучия непонятным образом придает ей силы. Она устраивает смотр своих работ. Некоторые уже закончены, другие на разных стадиях завершенности. Все свое детство и юность она боролась за право быть художницей, хотя сверстники довольно часто отворачивались от нее, считали неудачницей. Ей пришлось пережить и самодовольное глумление критиков, когда они в своем невежестве разносили ее работы в пух и прах, отказывая в таланте. Она всегда оставалась верна своей мечте. Хотя приходилось сражаться не только с внешними силами, но и внутренним голосом, мучившим ее бесконечными вопросами.

Успехи наделили упорством, вселили уверенность, что она сможет вырастить ребенка в одиночку. Она никогда и никому не позволяла вмешиваться в свое творчество, а ведь создание новой жизни — это самый главный творческий акт. Она чувствует, что ребенок принадлежит ей, и только ей.

Теперь она совершенно точно знает, что хочет его сохранить.

28 марта, суд.

За квартал до здания суда Анна замечает толпу, собравшуюся перед его дверьми.

— Запомните, — повторяет адвокат, — говорить буду я.

Они идут пешком от адвокатской конторы, расположенной неподалеку на Уотер-стрит.

Когда они приближаются, Анна видит камеры и репортеров, не сводящих глаз с улицы, провожающих взглядом каждую проезжающую машину. Тут же стоят люди с плакатами.

Адвокат сжимает Анне руку и тут же отпускает. Они в двадцати футах от суда, когда один из репортеров замечает их, и остальные тут же поворачиваются в их сторону, будто повинуются неодолимому инстинкту.

Волна сфокусированной энергии обрушивается прямо на Анну, заставляя сердце биться чаще. Множество людей кидаются к ней, другие, стоя в стороне, с любопытством разглядывают ее. Через мгновение Анна оказывается в самом центре толпы. Адвокат что-то говорит перед камерами, до Анны доносятся лишь отдельные слова. Она читает надписи на плакатах и изучает фотографии эмбрионального диска, приклеенные к картонным табличкам. Среди собравшихся она замечает женщину с ребенком на руках и мужчину с младенцем в рюкзаке.

Когда адвокат закончила говорить и двинулась дальше, взяв Анну за руку, репортеры начали выкрикивать ее имя; трудно притворяться, что ты ничего не слышишь, — репортеры так настойчивы. Ей кажется, она должна им что-то сказать, но не знает, что именно. Наверное, поэтому адвокат велела ей молчать.

В здании суда еще больше людей. В фойе и обшитых деревянными панелями коридорах толпятся люди. Мужчины и женщины с фотоаппаратами пятятся, когда она идет по коридору, одна за другой срабатывают вспышки.

Адвокат ведет Анну к нужной им комнате, они заходят. Головы сидящих на скамьях поворачиваются в их сторону. Непонятно, как они здесь оказались. Ее друг и любовник. Какими судьбами они оба оказались в одной комнате с этими людьми, желающими знать, чем разрешится спор, касающийся только их двоих.

Анна садится, и адвокат в сотый раз инструктирует ее, как вести себя в том или ином

случае. Она оглядывается через плечо: все глаза уставлены на нее и на Кевина. Люди нагибаются друг к другу и перешептываются.

— Всем встать.

Люди начинают вставать, в зале становится шумно.

Повернувшись, Анна смотрит, как судья в черной мантии подходит к своему креслу, словно он делал это тысячу раз, и в этом конкретном случае нет ничего особенного.

Судья что-то говорит, и адвокат Кевина встает и приводит сводку прецедентов рассмотрения подобных дел о возвращении собственности.

Судья слушает. Смотрит на Кевина. Потом на Анну. Выражение его лица серьезно, почти мрачно. Он нетерпеливо кивает, и адвокат Кевина садится.

Адвокат Анны встает, читает по бумажке. Упоминаются предыдущие дела, имеющие отношение к данному судебному процессу. Строгим тоном она, как дважды два, доказывает, что данное дело никак нельзя отнести к вопросу о собственности.

Адвокат садится.

Судья вздыхает. Он смотрит в лежащие перед ним бумаги. Переворачивает страницы. В зале стоит тишина. Все присутствующие ждут. Наконец судья поднимает глаза. На этот раз он не смотрит на Кевина или на Анну. Его глаза устремлены в пространство над головами собравшихся. Он произносит:

— Суд не находит оснований для отказа в иске.

Зал за спиной у Анны сразу ожил и зашевелился. У двери образовалась толпа — все заспешили на выход. Судья не делает ничего, чтобы успокоить волнение. Анна ждет стука молотка. Но судья лишь смотрит на суетящихся людей, презрительное выражение на его лице приобретает оттенок мрачной скуки.

— Ответчику запрещается покидать провинцию до дня судебного разбирательства, назначенного на... — Судья поворачивается к судебному клерку.

— Что? — вырывается у Анны. Она близка к истерике, а в это время в мозгу у эмбриона возникают первые электрические колебания, и мозг начинает посылать сигналы телу.

Еще одна волна шепота проходит по толпе присутствующих.

Адвокат Анны берет свою клиентку за руку и тревожно смотрит прямо перед собой.

Покопавшись в книге, клерк называет дату. Через три дня. Судья повторяет дату и смотрит на адвоката Кевина. Тот сверяется с ежедневником и соглашается. Тогда судья переводит взгляд на адвоката Анны.

— Это немного преждевременно, — отзывается она.

Судья смотрит на клерка, который предлагает другой день.

— Нет, — говорит судья. Он произносит фамилию адвоката Анны, как будто дело только за ней. — Учитывая, что в данном вопросе время имеет решающее значение, я предлагаю остановиться на первоначальной дате.

Адвокат открывает рот, чтобы ответить, но снова закрывает его, а потом говорит:

— Хорошо.

— Вы уверены? — переспрашивает судья.

— Да, ваша честь.

Судья медленно, устало вздыхает, потом без дальнейших комментариев поднимается.

— Всем встать.

Все встают и молча смотрят, как судья покидает комнату.

День 43-й, 7-я неделя.

У эмбриона начинают формироваться нижняя челюсть и лицевые мускулы. Бороздка, отделяющая нос ото рта, размягчается и становится отчетливой, словно проведенной резцом. Главная дыхательная мышца — диафрагма — представляет собой скопление тканей, отделяющих грудную клетку от брюшной полости.

Кишечник начинает расти внутри пуповины, а когда брюшная полость эмбриона расширится настолько, что сможет его вместить, он опустится туда. Первичные семенные клетки собираются в генитальной области, чтобы начать формирование половых органов. На концах верхних конечностей уже можно различить запястья и ладонь с пятью пальцами. Нижние конечности окончательно разделились на бедро, голень и ступню. Появляются пальцы на ногах.

30 марта, пресса.

Из-за толпящихся под дверью газетчиков Анна чувствует себя как в осаде. Распоряжение судьи не покидать пределов провинции лишь усилило внимание. Репортеры настойчиво пытаются вызвать ее на разговор, выкрикивая торопливые провокационные вопросы всякий раз, когда она выходит из квартиры.

Утренняя газета лежит у нее на журнальном столике. Заголовок: «Судья дал разрешение на то, чтобы дело об эмбрионе рассматривалось в рамках иска о возвращении собственности», с подзаголовком: «Министр юстиции хранит молчание».

Каждый раз, когда она наталкивается глазами на заголовок, у нее перехватывает дыхание. Она представляет, как женщины в своих домах и квартирах читают этот заголовок, качают головами, сердце их наполняется яростью, прямо как у Анны. Она берет газету, относит на кухню и выкидывает в мусорное ведро.

Звонит мобильный телефон. Он звонит постоянно. Газетчики неизвестно как ухитрились раздобыть ее номер.

Вернувшись на диван, она принимается за бутерброд с арахисовым маслом и джемом. По телевизору идет программа новостей на общенациональном канале. Двое комментаторов обсуждают ее дело. Первый возмущен тем, что с Анной обходятся как с преступницей, в то время как второй согласен с судьей, указывая на необходимость придерживаться рамок закона.

«Перестаньте», — говорит первый комментатор, возмущенно хмыкая и ерзая в кресле.

«Если она сбежит, — заявляет комментатор, — она заберет с собой собственность».

При слове «собственность» на лице первого комментатора появляется гримаса отвращения.

«Прекратите использовать это слово, или разговор закончен».

Второй комментатор молчит.

Вступает ведущий новостей:

«Мы вернемся к этому обсуждению через пару минут».

Когда Анна слышит слово «собственность», ей становится нехорошо. Интересно, что скажет ее ребенок, когда через много лет он об этом узнает. Ребенок, который родится, несмотря на то что его отец пытался этому воспрепятствовать.

Жуя свой бутерброд, Анна не сводит глаз с экрана. Реклама закончилась, и показывают видеосюжет: ребенок рисует на плакате. Подпись гласит: «Меня могло не быть». Женщина признается, что хотела сделать аборт.

«Но мы так счастливы, что решили оставить Джереми. — Женщина целует ребенка в макушку. — Это была бы ужасная ошибка».

В репортаже сказали, что уже планируются демонстрации. Представитель «Права на жизнь» называет дату и время. Они выбрали известную больницу, где делают аборт, как место для своего выступления. Организация «Право на выбор» планирует другую акцию протеста. Она состоится на ступенях здания суда. Обе стороны осуждают решение судьи.

Анна убирает звук. У нее больше нет сил это терпеть, она обдумывает, куда бы скрыться. Дом в Барениде — очевидный выбор, но при мысли о маленьких мальчиках и девочках ей становится не по себе.

Если она сядет в машину и поедет куда глаза глядят, возможно, ей удастся оторваться от газетчиков.

Куда еще она может спрятаться? Есть еще Дэвид, но он говорил, что репортеры и так в последнее время зачастили в галерею. А кроме того, она по-прежнему будет в городе, и, следовательно, за ней все равно будут следить. Во время последнего разговора с Дэвидом он сказал, что спрос на ее картины подскочил до небес.

— Мне трудно сосредоточиться, — сказала Анна в ответ на вопрос Дэвида о новых работах.

Он сказал, что люди спрашивают, не рисовала ли она детей или младенцев. Цены за эти картины могли бы быть в десять или двадцать раз больше, чем обычно.

Какие-то ее картины с прошлой выставки даже показали по телевидению. Они показались ей жестокими. Фрагменты человеческих лиц вперемишку с разрубленными животными. И среди них несколько голов младенцев. При виде их она морщится от отвращения. Как можно было так легкомысленно к этому относиться!

Анна увеличивает громкость, чтобы послушать, что говорят.

Камера поворачивается к репортеру, он кивает и мрачно провозглашает:

«Все это пугает и вызывает дальнейшие опасения».

Анна переключается на американский канал. В эфире новости, но о ней — ни слова. Несмотря на это, Анна ждет, что эта новость может появиться в любую минуту, поскольку на некоторых фургонах, стоявших у ее дома сегодня утром, она видела эмблемы американских телекомпаний.

Она переключается на другой американский канал. На врезке в правом верхнем углу экрана появляется деталь картины. Роза с лепестками телесного цвета. Она встает и подходит поближе к телевизору, а тем временем ведущая произносит:

«Суд должен решить спор между канадской художницей и ее бывшим возлюбленным, врачом-гинекологом, относительно того, кому из них принадлежит право распоряжаться судьбой их нерожденного ребенка. Основание для иска крайне необычно: „Возвращение собственности“».

Ведущая обрисовывает ситуацию, а в это время на экране появляется студия Анны. Незаконченная картина с изображением розы. Камера выхватывает ее работы, прислоненные к стенам или стоящие на мольбертах. Анна не появляется в кадре ни разу.

У нее в студии кто-то был!

Она хватается пальто и выходит из квартиры, заперев за собой дверь. На улице ее окружают газетчики, которые всю дорогу идут следом за ней. Анна не обращает внимания на их крики, ей хочется заткнуть уши руками.

Подойдя к студии, она берется за ручку двери. Все закрыто, нет никаких следов взлома.

Отперев дверь, она быстро заходит и захлопывает дверь прямо перед толпой, рвущейся внутрь. Фыркая от ярости и отвращения, она бежит вверх по ступеням, входит в студию и торопливо оглядывается по сторонам, в ее глазах тревога. Все на месте. Как они вошли сюда без ее согласия? Насколько ей известно, ключей нет ни у кого, кроме нее и хозяина.

Мог мистер Оливер пустить их? Анна сильно сомневается. Вряд ли он способен на такую низость.

Проверяя холсты, чтобы убедиться, что все на месте, она чувствует вибрацию мобильного телефона. Анна снимает перчатки и достает телефон из кармана, чтобы проверить номер. Это звонит ее адвокат.

— Я слушаю.

— Анна?

— Ко мне в студию кто-то заходил.

Она продолжает оглядываться, поворачиваясь на месте, чтобы окинуть взглядом все помещение.

— Кто?

— Репортеры с телевидения. Вы видели американские каналы?

— Нет, я не смотрела. Какой канал?

Анна называет канал.

Адвокат отвечает:

— Да-да. — Ее тон говорит о том, что она записывает. — Я поручу кому-нибудь проверить.

— Мне нужно уехать отсюда.

— Уехать куда?

— Не знаю.

— Вы не можете уехать, вы же знаете.

— Я имею в виду из города.

— Только не очень далеко. До суда осталось всего три дня.

Адвокат снова начинает говорить о том, что не ожидала от суда такой оперативности.

Анна ждет, ее глаза скользят по рабочим столам.

— Вам нужен сопровождающий?

— Нет, я обойдусь.

— А где вы намерены остановиться?

— Газетчики будут следить и за вами.

— Мы можем снять вам гостиницу.

— Не надо, я просто на пару дней уеду за город.

— Хорошо, но оставайтесь на связи. И, Анна, пожалуйста, не пытайтесь уехать из провинции. Я понимаю, вы об этом даже не думаете, но это очень осложнит все дело. Я уверена, общественное мнение приведет судью в чувства.

— Я не собираюсь этого делать.

— Вот и замечательно. Женщины по всей стране выступают в вашу защиту. Те, кто выступает за свободу выбора, тоже на нашей стороне, как и ожидалось, и, что удивительно, даже противники абортот — в нашем лагере. Никогда не думала, что буду рада получить поддержку от этих людей. — Она смеется.

Анна обдумывает это замечание.

— А что плохого в противниках абортот?

Адвокат замолчала.

— Ну... они все слегка тронутые. Но в данном случае мы их потерпим.

От этого разговора у Анны портится настроение. Какое отношение имеют политические взгляды людей к ее ребенку? В трубке раздается гудок.

— Кто-то пытается до меня дозвониться.

— Хорошо. Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится.

— Спасибо. До свидания. — Анна жмет кнопку ответа. — Я вас слушаю!

— Анна, это Дэвид. Почему ты не сказала мне о картинах с розой? Господи, телефон у меня просто разрывается.

У Анны кровь приливает к лицу при мысли, что ее картины показали по телевизору до того, как она сама решила их выставить.

— Сколько их у тебя?

— Не знаю. — Она оглядывает комнату. — Пятнадцать.

Тут она вспоминает о картинах, оставшихся в Барениде:

— А может, двадцать.

— Потрясающе! Сохрани их.

— Я не собиралась их сжечь.

Дэвид смеется почти истерически, как безумная птица.

— Не надо это делать. Ты готова к выставке? Мне кажется, уже пора.

Анна сомневается.

— Не знаю, я еще не поняла, то ли это.

— Интерес просто невероятный. Давай заканчивать. У меня тут еще звонки. Еще поговорим.

Анна закрывает телефон. Она подходит к окну и смотрит на улицу. Считает людей. Их четырнадцать. Несколько лиц поднимаются вверх, губы беззвучно произносят слова.

Анна ведет машину. Глядя в зеркало заднего вида, она убеждается, что репортеры едут за ней по пятам. Она поворачивает в переулки и проезжает на желтый, чтобы оторваться от преследователей. Уходя от погони, она чувствует необычайное возбуждение.

По дороге из города она проезжает салоны, торгующие машинами, и рестораны быстрого обслуживания, расположенные вдоль Кенмаунт-роуд. Тут ей приходит в голову, что, если пресса по-прежнему следует за ней, они могут подумать, что она решила бежать. Вероятно, их охватывает охотничий азарт при мысли, что им удалось ее застичь. Они будут первыми, кто сообщит об этом факте, который потянет на серьезное правонарушение.

В конце Кенмаунт-роуд она поворачивает на запад, на шоссе. Она так часто отвлекается, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида, что уже начинает опасаться за свою безопасность.

Она замечает вдали несколько фургонов и прикидывает, как бы от них оторваться. Неужели они будут ехать за ней до самого Баренида? Это в часе езды. Что им там делать?

Снова одна в Барениде.

Устав от неотступного внимания прессы, не оставлявшей ее в покое ни на минуту, Анна представляет себе жизнь в Барениде как долгожданный островок тишины, забыв о возможном появлении потерявшихся мальчиков и девочек. Но теперь, когда она действительно уезжает из города, ей страшно остаться одной. Но, с другой стороны, ей хочется привести прессу к этим детям в надежде узнать, кто или что притягивало их к ней.

Она заезжает на последнюю заправку перед открытым шоссе. Она выходит из машины и стоит у двери водителя, глядя, как проносятся мимо два фургон без опознавательных знаков.

Наверное, это ее фантазии. У прессы масса других дел. И ее история, по-видимому, не самая важная. Она заходит в кафе и покупает колу с яблочным пирожком. На кассе пожилая женщина со значком «менеджер» на груди пробивает чек. Она называет цену и поднимает глаза на Анну. По-видимому, ей что-то приходит в голову, и она оглядывается на газеты на стойке у двери. Вернувшись к деньгам, которые протягивает Анна, она говорит:

— Все в порядке. За мой счет, милочка.

Анна недоумевают:

— Точно?

— Точнее не бывает. — Она пододвигает ручки пластиковой сумки к Анне и, наклоняясь, шепчет: — Берегите своего ребенка. — Женщина улыбается, а затем шепчет еще тише: — Мужчины такие чудовища.

Анна оборачивается на мужчину в бейсболке, стоящего за ней в очереди. Он оглядывает ее с ног до головы, а затем делает вид, что внимательно рассматривает пачки сигарет, выставленные на прилавке.

Анна улыбается женщине и берет пакет:

— Спасибо.

— На здоровье. Не принимайте этот бред близко к сердцу.

Анна кивает:

— Постараюсь.

На парковке она замечает две стоящие рядом машины. Мужчина на водительском сиденье смотрит, как Анна садится за руль. Она отъезжает. В зеркале заднего вида она видит, что две машины следует за ней. Машина Анны останавливается у выезда со стоянки, ожидая провета в потоке движущихся машин. Завидев довольно большую дистанцию между двумя подъезжающими машинами, Анна рвет с места. Вторая машина, идущая на скорости больше ста километров в час, скрежещет тормозами и возмущенно сигнализирует.

Впереди она видит два фургона, отброшенные к обочине дороги. Мелькнуло лицо — женщина с причудливой стрижкой. Анна видела ее по телевизору. Пронесшись мимо, она видит в зеркало, что фургон тоже выехал на шоссе.

Вереница огней в зеркале заднего вида наводит ее на мысль, что газетчики предупредили полицию, и сразу несколько машин преследуют ее, чтобы задержать. Когда огни ее настигают, сердце у нее чуть не выпрыгивает из груди и она съезжает на обочину. Мимо проносится пожарная машина и фургон скорой помощи.

Анна с облегчением понимает, что проблемы возникли дальше по дороге. Красные огни горят уже где-то далеко впереди, и Анна снова выезжает на шоссе. Пятна огней движутся где-то вдаль, пока не останавливаются. Они становятся все больше и больше, и Анне кажется, что это оптическая иллюзия. Наконец она их настигает.

Подъезжая к месту аварии, она видит груды искореженного металла. Столкнулись сразу три машины, на дороге творится сущий ад. Она прижимается к правой стороне, едва удерживая машину, чтобы не упасть в кювет, а за ее спиной пожарный начинает устанавливать желтый барьер. Осторожно пробираясь по обочине, она ухитряется проехать вперед, и тут ей становится понятна причина столкновения. Сбоку от дороги лежит что-то огромное, покрытое мехом. Рогов нет. Это лось, самка. Анне она кажется огромной, и тут она замечает, что бедное животное все еще живо. Лосиха поднимает голову и пытается встать, но не может двинуться, как будто ноги ее не слушаются.

Анна смотрит в зеркало заднего вида. Бездна борьба лосихи надрыгает ей сердце. Что они с ней сделают? Пристрелят?

Сообразив, что машины преследователей не смогут проехать мимо места аварии, она жмет на газ, но мысли ее заняты несчастным животным и людьми в столкнувшихся машинах. Почему она не заметила там людей? Когда Анна мысленно прокручивает увиденное, она убеждается, что машины были пусты. Неужели людей успели извлечь из

обломков и поместить в машину скорой помощи за то время, пока она доехала до места происшествия?

Анна снова смотрит в зеркало заднего вида. Дорога пуста.

Вскоре она сворачивает на Ширстаун и едет дальше, в Баренид.

31 марта, снова в Барениде.

Пока Анна спит, у эмбриона появляются зачатки зубов. Под поверхностью десны образуются крошечные эмалевые узелки.

В 3:27, когда Анна переворачивается поудобнее в постели, у эмбриона формируются трахея и голосовые связки.

Проснувшись, Анна постепенно понимает, что тревога ушла. Она не забыла, где находится, и с ней не случилось приступа дезориентации. Пробуждение было плавным скольжением от беспомощности к сознанию. Освежающий сон без пробуждений. Она не помнит, что ей снилось. Анна чувствует себя уверенной и отдохнувшей.

Видения потерявшихся детей — необъяснимое явление, оставшееся в прошлом. Несомненно, это как-то связано с гормональной перестройкой. Вернувшись в Сент-Джонс, она много читала об этом в Интернете и узнала множество удивительных историй, связанных с беременностью и гормонами. Самый поразительный случай — это женщина, убившая своего мужа. Суд постановил, что она была не в своем уме из-за гормонов. Врач свидетельствовал в ее пользу. Анна попыталась отыскать случаи, когда мужчина требовал бы от женщины сделать аборт, ссылаясь на право собственности, но не смогла пробиться через юридический жаргон на разных сайтах. Из всего, что ей удалось найти, ближе всего по смыслу были случаи с замороженными эмбрионами. Они действительно рассматривались как собственность. Это открытие ее глубоко встревожило.

Несмотря ни на что, первый раз за всю неделю она чувствует, что мысли ее ясны, как никогда. Рисунки на стенах в детской и коридоре, вероятно, ее собственные. Красное пятно на полу потемнело до черноты. Анна пытается вспомнить, что она здесь пролила.

Спускаясь по лестнице, Анна с радостью видит, что за окном во дворе никого нет. Ни детей, ни толпы журналистов, требующих ответов.

На кухне она оглядывает стол, но свежей розы там не оказывается. Только старая, сухая и черная, со слабым оттенком красного.

Анна проверяет телефон и видит, что пропущено двадцать семь вызовов. Она просматривает номера, но ни одного знакомого среди них нет. Рядом с телефоном лежит коробка патронов, которую она купила в Сент-Джонсе перед отъездом в Баренид. Она решила на эту покупку, поскольку много думала о своей стычке с Кевином, реальной или мнимой. Найденную в доме старую двустволку она оставила в сарае. Ей не хотелось держать такую вещь в доме. В магазине были пустые гильзы, которые Анна вынула, чтобы сравнить в магазине перед покупкой.

Двустволка стоит у окна, в дальнем углу, дулом вверх.

Анна не помнит, чтобы она приносила ружье из сарая, хотя она могла это сделать после истории с Кевином. Или агент по продаже недвижимости мог сделать это за нее. Ей смутно помнится, что она что-то такое ему говорила.

При виде двустволки она вспоминает сбитую лосиху. Как ее прикончат? Ножом или из ружья? Обычно такие вещи делает егерь — это входит в его обязанности.

Анна заглядывает в холодильник — посмотреть, не надо ли что-нибудь докупить в

супермаркете. Молока, конечно, и сока. Анна не помнит, есть ли в здешнем магазине сок, который она любит. Она открывает дверцу морозилки и видит, что она забита замороженным мясом. Бифштексы и стейки лежат на подложках из пенопласта, полиэтилен заиндевел от мороза. Мясо темное, этикеток на пакетах нет. Она вынимает стопку и смотрит на нее, а в это время в мозгу эмбриона формируется центр, отвечающий за обоняние. Кусок мяса ей незнаком, и Анна подозревает, что это лосятина. Она вынимает мясо, чтобы разморозить к ужину.

1 апреля, за работой.

Когда на следующее утро Анна открывает краны, оттуда не вытекает ни капли воды. Но несмотря на это, Анна исполнена чувством благостного удовлетворения, когда работает за холстом. Даже мысль о том, что трубы могли замерзнуть, которую подтвердил ей агент по продаже недвижимости по телефону, не мешает ей рисовать. Она разберется с этим позже. У нее есть план.

Забыв про неудобства, она торопится воспользоваться этим счастливым состоянием, потому что такие дни выпадают очень редко. Слишком много факторов определяют настроение. Иногда, рисуя, она чувствует себя так, словно не выспалась, и выпитый чай приносит не бодрость, а, наоборот, упадок сил. Ей удается себя преодолеть, но в таком состоянии она быстрее устает и творческая энергия быстро гаснет. А бывает, к ней приходит чувство абсолютной ясности, как будто все вокруг имеет четкие, точно определенные границы.

Факторы, которые влияют на эти состояния, слишком многочисленны, чтобы судить однозначно. Еда. Сон. Погода. Стресс. Но как правило, несмотря на плохое настроение, она все же работает, стараясь претворить свое состояние в образы, жаждущие воплощения. Сегодня она блаженствует. Солнце за окном ее спальни, превращенной в студию, сияет не белым, а желтым светом. Безупречным и яростным.

Анна делает мазок умброй, а сердце эмбриона, не переставая биться, начинает разделяться на четыре камеры. Восходящие штрихи умбры смешиваются с кармином, создавая изысканную напряженность в сплетении двух цветов. Анна видит два цвета, а не картину в целом, в ее воображении существует связь этих контуров с рисунком, и вся картина отходит на второй план. Рождение нового происходит помимо ее воли, Анне кажется, она может наносить краски, закрыв глаза, ничего не чувствуя.

В своем последнем интервью журналу «Современный художник» в Торонто она говорила, что, по ее ощущениям, картины почти не имеют отношения к ней самой. Она и раньше слышала от других художников нечто подобное. Совсем недавно Анна прочла у какого-то писателя, имени которого она никак не могла вспомнить, что он каждое утро садится за пишущую машинку, кладет пальцы на клавиши и произносит: «Я готов».

К несчастью, такие признания получаются немного претенциозными, как будто творчество происходит под диктовку высшей силы. Анна пыталась объяснить (но точная формулировка пришла, когда статья была уже в печати, и Анне было неприятно, когда ее цитировали), что мозг действует как на автопилоте, и главную роль тут играют навык и опыт.

По словам матери, Анна начала рисовать, когда ей было два года. Картины у нее получались сложные и неординарные. Мать вставила несколько работ в рамки и повесила на стену в гостиной. Остальные она держала в особой папке большого формата, куда она потом

добавляла статьи в газетах, в которых упоминалось о работах Анны. Лица на ее ранних рисунках были больше похожи на чудовищ, однако отчетливо проступали и человеческие черты. Образы были сложные и фантастические, с элементами линий и форм, которые свидетельствовали о глубоко скрытом страдании. Но удивительнее всего были детали. Невероятно отчетливые для такого маленького ребенка. Сколько Анна себя помнила, потребность рисовать была для нее такой же жизненной необходимостью, как еда или сон. Небо затягивалось серыми облаками, погода, похоже, портилась.

Анна снова повернулась к картине и сделала мазок охрой. Она пока не может представить, что возникнет в центре этой розы.

За домом есть люк, ведущий в подпол. Дом опирался на сложенные друг на друга осколки сланцевых пород, они возвышались над фундаментом на восемь дюймов. Этот метод часто применялся для того, чтобы дом можно было перемещать с одного места на другое. Их можно было разобрать и перенести стену за стеной, а затем собрать в другом месте.

В задней комнате на первом этаже есть толстый черный шланг. Он подсоединяется к насосу и идет горизонтально, а потом поворачивает на девяносто градусов и через отверстие в полу уходит вертикально вниз, в подпол, а оттуда через отверстие в полу — под землю. Под землей шланг проложен ниже уровня замерзания почвы. Он доходит до колодца, откуда и поступает вода.

Эти сведения сообщил Анне агент по продаже недвижимости.

— Та часть, что в подполе, вероятно, замерзла. Я приеду, — предложил он, но Анна отказалась, сказав, что в этом нет необходимости. — Вам надо отогреть трубу.

— А как?

— В задней комнате должен быть старый обогреватель.

Анна вспоминает, что видела его.

— Поставьте его в подпол. Только вам придется ползти. Я бы и сам попробовал, но мне уже так не изогнуться. Годы не те.

Анна стоит на заднем дворе, глядя на люк. Морозный воздух холодит нос и кончики пальцев. Люк запирается только лишь на простую деревянную щеколду, которая поворачивается на одном гвозде. Анна идет в дом за перчатками и фонариком. Копаясь в ящиках, она замечает маленькие коричневые катышки. Мышиный помет.

— Этого еще не хватало, — бормочет она.

В журнале про беременность она читала про болезни, которыми можно заразиться от мышиного помета, особенно опасные для беременных женщин. А она сейчас не может даже руки помыть. Анна наконец находит фонарь, но вдруг замирает, услышав, что над головой у нее что-то скребется. Она поднимает голову и прислушивается. Это мышь. Анна сразу же представляет, что где-то там гнездо. Маленькие голые мышата сбились в кучу для тепла. Когда-то в детстве у нее были две морские свинки, и у них были детеныши.

Анна выходит из дому и, присев на корточки у люка, поворачивает щеколду. Она пытается отвалить дверцу, но ей приходится встать и отгрести ногами снег, чтобы дверца открылась.

Согнувшись, она встает на колени и обводит помещение фонариком. Камни и грязь. Лучи выхватывают небольшой прямоугольник дерева с проржавевшим металлом примерно в трех футах от входа. Большой капкан.

Анна фыркает от негодования и пытается посветить как можно дальше, под дом, но мощности фонарика не хватает, луч теряется в темноте. Анна просовывает голову внутрь, пытаясь найти угол, при котором ей будет видно дальнюю стену дома, где, как она знает, шланг торчит из пола.

В подполе пахнет мокрой глиной. Она осторожно продвигается вперед. Приходится перемещаться на корточках, втянув голову в плечи. Время от времени приходится опираться рукой о землю, но она старается этого не делать.

Приблизившись к шлангу, она видит, что он покрыт льдом. Она также замечает несколько просветов в обшивке дома, через которые видно дневной свет. Через эти дыры сюда попадает холодный ветер. Шланг обмотан черной проволокой, и удлинитель просунут через отверстие в полу. Она сможет включить обогреватель. Но ей неприятна мысль, что для этого придется снова возвращаться сюда.

Анна поворачивается, и у нее вырывается стон. Краем глаза она замечает промелькнувший серый комочек. Мышь бежит вдоль камней. Анна вглядывается в темное пространство под домом, куда не достает свет фонаря. До ее слуха доносится какое-то бульканье. Как слизь в узком горле. Шлепанье ног по луже.

— Все хорошо, — говорит детский голосок, отчетливо различимый в пустоте. — Детка, все хорошо. Мама с тобой.

По спине у Анны побежали мурашки. Испуганная, она пытается встать и с глухим звуком ударяется головой об одну из балок пола.

Анна вздрагивает, прижимает руку ко лбу и кричит:

— Кто здесь?

Она пытается направить луч фонарика в темную дыру. Что-то серое и коричневое. Какие-то смутные контуры. Глина и камни, за которыми Анна пытается разглядеть силуэт. Макушка саднит. Она кривится от боли и потирает голову. Потом проверяет перчатку. Влажного следа нет.

Снова слышится булькающий звук.

— Тс-с-с! — напевный шепот. — Тс-с-с!

— Кто там?

— Не плачь, малыш.

— Кто здесь? — кричит Анна в панике, в горле ее дрожит всхлип. Она внимательно прислушивается. Запах земли становится более отчетливым. Она продвигается вперед, но не к люку, который угадывается вдали по тонкой полоске дневного света, а ближе к черной дыре, как того хочется ее телу.

Луч проникает вглубь, выхватывая из темноты босую ногу, стоящую в грязной луже. Анна поднимает фонарь и видит светловолосую девочку, которая смотрит прямо на нее. На каждой руке у нее лежит крошечный голый младенец.

Анна рефлекторно вздрагивает. Фонарь ударяется о темную стену, свет гаснет.

— Мама?

Анна поспешно пробирается к люку. Свет сочится внутрь, но не развеивает тьму вокруг Анны. Мускулы ног мучительно ноют, колени подкашиваются, она падает ничком на живот около люка, в отчаянной попытке выбраться к морозному воздуху и свету солнца.

2 апреля, суд.

— Собственность, — произносит адвокат Кевина, читая по бумажке. Он стоит между судьей и столом, за которым сидит Анна. — В словаре Вебстера определяется как «право владения, право пользования и право распоряжения имуществом, в особенности чем-то материальным». — Ваша честь, я бы хотел привлечь внимание суда к делу 1993 года «Хект против Верховного суда». В результате рассмотрения Верховный суд постановил, что мужчина может завещать замороженную сперму своей гражданской жене и что к замороженной сперме применим термин «собственность» и на нее распространяется юрисдикция суда по наследственным делам Калифорнии.

В данном случае суд по наследственным делам первоначально дал распоряжение уничтожить замороженную сперму, руководствуясь при этом как общественными, так и личными интересами. Хект добивалась права на обладание спермой, которую она согласна была получить либо в дар, либо как наследуемое имущество.

Хект подала апелляцию, требуя отменить решение суда и прекратить производство по этому делу. Ее прошение о прекращении производства было удовлетворено. Суд низшей инстанции постановил, что Хект имеет право на двадцать процентов имеющейся в наличии замороженной спермы как на наследуемое имущество. Суд принял постановление, дающее Хект право распоряжаться тремя из пятнадцати сосудов с замороженной спермой.

Дети Кейна обжаловали это решение, и душеприказчик Кена отказался выполнить предписание суда низшей инстанции. Хект подала заявление, в котором требовала исполнения решения суда низшей инстанции. Апелляционный суд Калифорнии постановил, что замороженную сперму можно рассматривать как собственность, по крайней мере в делах о наследстве, поскольку, как я уже цитировал, «юрисдикция суда по наследственным делам распространяется только на вопросы собственности».

Суд по наследственным делам постановил, что Кейн имел право принимать решения относительно своих гамет, и ему принадлежала доля в собственности, которую составляет сперма.

Адвокат Кевина на мгновение останавливается, давая словам проникнуть в сознание слушателей, и обводит глазами зал суда. С листком бумаги в руке и свободной рукой в кармане, он возвращается на свое место.

Судья прочищает горло, делает несколько пометок на лежащем перед ним документе и поднимает глаза на адвоката Анны.

Адвокат Анны встает:

— Господин судья, если, как предлагает мой уважаемый коллега, мы будем рассматривать сперму и яйцеклетку как собственность, мы должны учитывать, что истец по своей воле отдал свою собственность моему клиенту. Во время передачи между двумя сторонами существовало понимание, что собственность истца не может быть ему возвращена ни при каких обстоятельствах.

Адвокат Кевина вскакивает на ноги:

— Да, но при этом не предполагалось, что собственность будет сохранена, ваша честь. Между сторонами существовало понимание, что данная собственность не будет намеренно использоваться для создания другой собственности без согласия моего клиента.

— Ваша честь, я прошу не перебивать меня.

Судья строго смотрит на адвоката Кевина. Однако не произносит ни слова.

Адвокат Анны продолжает:

— Ваша честь, я бы хотела обратить внимание суда на прецедент, имевший место во Флориде 15 августа 1973 года. Федеральный суд города Майами постановил, что женщине не требуется согласие мужа, чтобы осуществить свое право на медицинский аборт. Этот случай стал основополагающим для многих вопросов, касающихся аборта. В частности, на основании решения суда можно утверждать, что плод является не совместной собственностью, а исключительно собственностью жены.

Адвокат Кевина вскакивает на ноги:

— Это решение было обжаловано, ваша честь. В случае развода муж должен будет платить алименты на содержание ребенка. Если он умрет, плод будет иметь право на свою долю в наследстве. Это решение противоречит недавнему постановлению Верховного суда, где утверждается, что мать не может отдавать детей на усыновление без согласия отца.

— Ваша честь, я прошу дать мне возможность договорить.

Судья смотрит на адвоката Анны с едва скрываемым раздражением. Затем кивает в сторону адвоката Кевина:

— Продолжайте, но я прошу вас говорить кратко.

— К настоящему моменту более полудюжины судов высшей инстанции высказали мнение, что при наличии замороженных эмбрионов каждый из разводящихся супругов имеет право не становиться родителем против своего желания.

— Первое такое дело слушалось в Теннесси. В 1992 году Джуниор и Мэри Сью Дэвис подали заявление на развод. В их брачном контракте не было никаких указаний на то, кому будут принадлежать замороженные оплодотворенные яйцеклетки в случае расторжения брака. Суд низшей инстанции самоуверенно провозгласил замороженные эмбрионы «человеческими существами» и отдал их в распоряжение Мэри Сью. Джуниор подал апелляцию, и Верховный суд штата Теннесси вынес решение в его пользу, заявив, что воля партнера, не желающего принимать участия в деторождении, должна иметь решающее значение. Это решение стало прецедентным для всех судов в делах подобного рода.

Суд также постановил, что эмбрионы не являются ни человеческими существами, ни собственностью, но относятся к промежуточной категории, требующей соответствующего отношения. Согласно постановлению суда, эмбрионы были уничтожены. Чего мы и добиваемся, ваша честь, надеюсь, что суд последует прецеденту.

Истина.

— Мой клиент утверждает, что вы сознательно прекратили принимать противозачаточные таблетки за несколько дней до инцидента, приведшего к возникновению собственности, являющейся предметом данного разбирательства. Так?

— Да.

— Вы намеренно старались обмануть моего клиента?

— Возражаю.

— Возражение отклоняется.

— Благодарю вас, ваша честь. Однако я задам вопрос по-другому. Вы сделали это с целью создания собственности, о которой идет речь?

— Нет.

— Тогда почему вы прекратили принимать противозачаточные таблетки?

— Вероятность забеременеть есть всегда, даже если бы я принимала таблетки. Если происходит половой акт между мужчиной и женщиной, то это может привести к беременности. И ему это было известно.

Адвокат истца поворачивает голову к адвокату ответчика и чуть улыбается, признавая, что инструктаж был проведен на должном уровне.

— Но разве истец не предполагал, что вы используете противозачаточные таблетки?

— Не знаю. Мы не обсуждали этот вопрос.

— Разве мой клиент не был удивлен, когда вы сообщили ему о возможности возникновения спорной собственности? По моим сведениям, это произошло в мексиканском ресторане? — Адвокат истца перекладывает бумаги.

— Да, это было в мексиканском ресторане.

— И он был удивлен?

— Не могу вам точно сказать.

— Говорил ли он вам, что не желает обладать собственностью, о которой идет речь, и не желает принимать участие в ее создании?

— Да.

— В таком случае можно было предположить, что он был удивлен, не так ли?

— Возражение.

— Принимается.

— То есть вы допускаете, что мой клиент был удивлен, когда вы сообщили ему о создании собственности.

— Прекратите немедленно! — выкрикивает ответчица.

— Прекратить что?

— Прекратите повторять «создание собственности»!

Адвокат истца понимает, что ответчица вот-вот расплачется, и это вызовет сочувствие, на минуту останавливается, проходит к своему столу, кладет бумаги, набирает в грудь воздуха и поворачивается.

— Когда вы сообщили моему клиенту о... сложившейся ситуации, выразил ли он желание каким-либо образом в ней участвовать?

Ответчица не желает отвечать на этот вопрос.

— Прошу вас ответить на вопрос, — вмешивается судья.

Ответчица смотрит на судью:

— Да, заявил, что не желает иметь ничего общего с этой беременностью, с зачатием ребенка, который...

— Спасибо, у меня больше нет вопросов.

Адвокат истца садится, пока адвокат ответчицы встает.

— Как вы себя чувствуете?

Ответчица подавленно качает головой:

— Немного обессиленной, как мне кажется.

Адвокат кивает:

— А как ребенок?

— Возражение, ваша честь. Использование термина «ребенок» недопустимо, поскольку спорную собственность, а именно эмбрион, нельзя рассматривать в этом качестве.

— Принимается.

— А как ваш эмбрион, который станет ребенком, если суд даст ему такую возможность?

— Возражение.

— Отклоняется.

— Нормально.

— Вы были у врача?

— Да.

— Все идет по плану?

— Да, ребенок здоров.

У адвоката истца вырывается стон:

— Возражение.

— В чем дело? — интересуется судья.

— Я протестую против использования термина «ребенок».

— Прошу вас придерживаться термина «эмбрион», — предупреждает судья ответчицу.

— Да, ваша честь.

Адвокат ответчицы делает шаг вперед и поднимает книгу. Это книга для будущих мам.

— Ваша честь, я бы хотела ознакомить собравшихся с особенностями эмбрионального развития человека. И вы, и адвокат истца получили копии этих материалов.

Судья кивает.

— На этой стадии развития спорной собственности... — Адвокат ответчицы на секунду останавливается, чтобы взглянуть на адвоката истца. — Сеть пересекающихся нервов начинает развиваться в черепе эмбриона. Веки начали формироваться и могут закрываться. На груди у эмбриона уже просматриваются соски. Почки производят первую мочу. Руки полностью сформировались и соответствуют размеру эмбриона, на ладони заметны пять пальцевых пластинок. Сердце сокращается с частотой сто ударов в минуту.

Адвокат закрывает книгу и возвращается к своему столу, давая слушателям возможность проникнуться значением ее слов. Адвокат поднимает глаза, потому что ей послышался всхлип. Она оглядывает публику и замечает двух женщин, вытирающих глаза.

— Суд может принять решение об удовлетворении требований истца посредством процедуры ее уничтожения спорной собственности. Желаете ли вы подвергнуться этой процедуре?

— Нет, — произносит ответчица не раздумывая, глядя прямо перед собой.

— Так, значит, в случае подобного решения суда вы подвергнетесь этой процедуре против вашей воли?

— Да.

— Вы не дадите на это согласия?

— Нет.

Адвокат делает шаг к ответчице и кладет руку ей на плечо.

Судья молча наблюдает.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь.

7 апреля, вердикт.

— Решения подобного рода всегда даются с трудом. Современные технологии дают нам основания рассматривать человеческие эмбрионы в качестве собственности, и суд должен идти в ногу с изменяющимися условиями.

Адвокат Анны едва слышно ахает и складывает руки на столе.

— Аргументы, высказанные поверенными обеих сторон, основаны на прецедентах. Хотя в большинстве представленных случаев, а также в тех, которые я изучил самостоятельно, суд старался избегать открытого признания человеческого эмбриона собственностью, но сложившаяся практика требует от нас принятия данного предположения.

— В данном случае, согласно действующему законодательству, ответчик будет вынужден оказывать материальную поддержку своему плоду в случае, если он появится на свет. И в то же время по существующим правилам биологический отец не имеет права воспрепятствовать рождению ребенка. Такое положение дел представляется абсурдным.

При этих словах судья чуть улыбается, его щеки округляются, а глаза осматривают зал, чтобы не пропустить одинокие ухмылки и смешки.

— Не подлежит сомнению, что создание эмбриона невозможно без участия семени.

Адвокат Анны беспокойно ерзает в кресле. Она резко качает головой и что-то горячо шепчет. За спиной Анны раздаются тревожные вздохи и бормотание.

Судья ждет, пока эти звуки не утихнут.

— Создание этого эмбриона — результат слияния собственностей двух индивидуумов. Их вклады в создание новой собственности можно считать равноценными. Хотя в силу естественных причин данная собственность в настоящий момент находится в теле одного из них. Я не готов признать, что обладание этой собственностью означает полное право распоряжаться ею, поскольку данная собственность была создана совместно и в настоящий момент просто находится в труднодоступном месте, но и за закрытой дверью закон по-прежнему имеет силу. Случаи, имеющие отношение к данному делу и касающиеся совместного создания собственности, были тщательно изучены в зале суда. Однако во всех рассмотренных делах речь шла о возвращении собственности, данной по взаимному согласию сторон. В данном же случае собственность истца была получена обманным путем. Именно обман можно усмотреть в сознательном решении ответчицы прекратить прием противозачаточных таблеток, в котором она призналась в ходе процесса. В таком случае собственность должна быть возвращена истцу.

Судья делает паузу, обводит глазами публику и, наконец, останавливает взгляд на лице Анны.

— Суд полагает возможным удовлетворить требования истца.

В зале начинается суматоха.

Судья остается сидеть на своем месте, глядя, как люди вскакивают и спешат к двери.

— Что это значит? — спрашивает Анна, чувствуя шум у себя за спиной.

Адвокат Анны лишь крепче сжала побелевшие губы. Она вздыхает и качает головой.

Скелет эмбриона в утробе у Анны начинает затвердевать, мягкие ткани превращаются в кость.

9 апреля, под чужим именем.

В своем номере в отеле «Гандер» Анна входит в ванную и запирает дверь. Она ставит сумку на пол и смотрит на себя в зеркало. Она не спит уже несколько дней, и по ее лицу это видно. Она дышит, ощущая, как бьется сердце, и беспокоится, как там ее ребенок.

Она добралась от Сент-Джонса до Гандера за четыре часа. По дороге пришлось проезжать множество маленьких городков, глядя в зеркало заднего вида, нет ли за ней подозрительных машин. Она парковалась у больших магазинов, чтобы быть уверенной, что ее не преследуют. Ее адвокат взяла для нее машину в прокате, оформив документы на свое имя. Адвокат не спрашивала, зачем ей понадобилась машина, хотя она явно догадывалась, что Анна намерена скрыться.

Адвокат ждала Анну у себя в кабинете, а потом вывела из здания через черный ход, ведущий к подземной парковке. Она вывела машину из гаража, в то время как Анна сидела, скрючившись, на полу перед задним сиденьем.

Выехав из гаража, адвокат сказала:

— Вроде все в порядке.

Газетчики не следили за выездом из гаража.

Передавая Анне ключи от машины, адвокат спросила, не надо ли поехать с ней.

— Вам понадобится помощь.

— Нет, я просто хочу уехать из города на пару дней.

Адвокат внимательно посмотрела Анне в глаза:

— Только поосторожней, хорошо?

— Хорошо.

Анна села за руль, захлопнула дверь и опустила стекло.

— Спасибо.

— Не за что.

Анна отъехала, размышляя по дороге о документах на машину и о том, что случится, если ее остановят. Она подозревала, что документы остались у адвоката. И конечно, в них была указана марка и номер машины. Мысль, что у адвоката есть вся информация, заставляет Анну еще больше волноваться.

Приехав в Гандер, Анна останавливается у аптеки, надеясь, что в этом маленьком городке ее никто не узнает. Похоже, никто и не узнал, но это, скорее всего, из-за солнечных очков и вязаной шапочки.

В сумке у Анны черная краска для волос, ножницы и крем для автозагара. Относительно автозагара Анна сомневается, не будет ли это бросаться в глаза, особенно сейчас, в самом конце зимы.

Она открывает коробку с краской и вынимает содержимое, кладя бутылочку, тюбики, перчатки на столик. Потом берет ножницы и отделяет длинную прядь волос. Анна смотрит на свое лицо, изучая его черты, как будто хочет сохранить их в памяти такими, а потом начинает резать.

Аэропорт.

Анна останавливает прокатную машину на краткосрочной стоянке аэропорта. Она

заглушает мотор и кладет в карман ключи. С собой у нее только самые необходимые вещи. С вчерашней сумкой на плече Анна направляется в зал вылетов.

Раньше ей, может быть, и удалось бы купить билет на самолет на другое имя, но теперь правила авиаперевозок ужесточились, и она должна показать удостоверяющий личность документ, на котором есть фотография. При мысли об этом ей становится нехорошо. Но она надеется, что люди здесь не слышали о ее деле.

На регистрацию стоит очередь, но за билетами — никого. Она подходит к стойке, раздумывая, не снять ли очки. Вместо того чтобы прятать ее, они только подчеркивают тот факт, что она старается спрятаться от взглядов публики. Но, несмотря на это, она оставляет очки на месте. Ей не хочется, чтобы был виден бессонный тревожный блеск, появившийся в ее глазах.

— Могу я купить билет?

— Да, конечно. — Девушка за стойкой что-то набрала на своей клавиатуре. — Куда вы хотите лететь?

— В Торонто.

— Следующий рейс через три часа. Вас это устроит?

— Через три часа?

Надо было посмотреть расписание, прежде чем покупать билет.

— А есть какие-нибудь рейсы пораньше?

Девушка внимательнее всматривается в лицо Анны.

— Сейчас начнется посадка на рейс в Лондон, в Англию.

— Хорошо. — Чем дальше, тем лучше.

— У вас есть паспорт?

— Да.

Анна открывает сумочку, копошится в ней и, наконец, находит нужный документ. Протягивает его девушке.

— Благодарю вас, — произносит та, начиная выписывать билет. Она смотрит в паспорт, а затем поднимает глаза на лицо Анны. — Могу я попросить вас снять очки?

Анна старается не нервничать, но чувствует, что уголок рта у нее начинает дрожать. Ей остается только гадать, на самом деле она улыбается или только пытается изогнуть губы. Медленно она выполняет просьбу, лицо женщины проясняется, краски возвращаются к нему. Все становится понятно. Под пристальным взглядом этой женщины Анна едва в силах сохранять самообладание. Она чуть встряхивает головой, слезы наворачиваются ей на глаза.

Девушка смотрит на нее, разглядывая черты ее лица, и Анна вспоминает, как смотрела на себя в зеркале ванной комнаты в отеле, как будто стараясь принять решение, которое даст ей помилование.

— Все в порядке. — Девушка снова защелкала клавишами. — Как вы будете платить?

— Кредитной картой. — Анна открывает сумочку и достает бумажник. Движения ее слишком порывистые, почти панические. Она облизывает губы, стараясь успокоиться. Открыв бумажник, она достает кредитку.

Девушка ее принимает.

— Желаете место у окна?

— Лучше у прохода, — выдыхает Анна с явным облегчением. Воздух, вырвавшийся из ее легких, похож на смешок.

— Вы возьмете сумку с собой?

— Да. Это можно?

— Конечно.

Раздается звук принтера, печатающего посадочный талон.

Анна протягивает руку за талоном. Она так тронута добротой девушки, что вытирает слезу в уголке глаза.

— Прошу вас, — говорит она, отдавая Анне талон, с искренней улыбкой. — На всякий случай вам надо поторопиться.

На всякий случай, думает Анна.

— Я позвоню и предупрежу, что вы сейчас подойдете, чтобы они вас дождались.

— Большое спасибо.

Девушка поднимает телефонную трубку и произносит при этом:

— Желаю приятного полета.

И глаза ее опускаются на Аннин живот.

Подойдя к зоне предполетного досмотра, Анна напрягается при виде мужчины в белой рубашке и черных брюках. Наверняка он попросит ее предъявить посадочный талон и паспорт. В очереди впереди нее двенадцать путешественников. По пути к терминалу Анна уже заметила несколько пристальных взглядов, направленных в ее сторону. Люди конечно же узнают ее по телепередачам и снимкам из газет. Крашеными волосами никого не обманешь, и несколько пассажиров продолжают на нее тарачиться. Какая-то женщина нажимает кнопки на коммуникаторе. Вполне возможно, она посылает сообщение в полицию. Рядом с Анной мужчина держит за руку маленькую девочку и разговаривает по мобильному телефону.

Анна считает количество охранников в зале. Семеро. Большинство из них мужчины, но есть и несколько женщин. Она надеется, что ее посадочный талон возьмет женщина. Но если ее поймают и задержат, получится, что она нарушает решение суда. И тогда ее посадят за решетку? Тогда ее положение будет безнадежно. У ее ребенка не останется никаких шансов. Но если она уйдет сама, пока ее не заметили, у нее еще будет возможность спрятаться где-нибудь в провинции. И станут ли охранники ее задерживать, если она бросится бежать? Или в их обязанности не входит ничего, кроме безопасности полетов?

Теперь впереди нее только семь человек. Она считает людей и прикидывает, попадет ли она к мужчине или женщине, которые стоят по разные стороны прохода и проверяют посадочные талоны. По ее расчетам, ей достанется мужчина. Он высокий, широкоплечий, с суровым выражением лица. Сначала он смотрит в документы, а потом на лицо, проверяя сходство. У нее необычная фамилия. Он прочтет ее и сразу все вспомнит.

Анна поправляет ручку сумки на плече.

— А я видела тебя по телевизору. — Это говорит ребенок, маленькая девочка.

Анна смотрит вниз и видит девочку, которая держится за руку мужчины, разговаривающего по телефону.

Анна сжимает губы, как будто хочет заставить ребенка замолчать.

— У тебя будет ребенок, — говорит девочка, смеясь и прикрывая рот ладошкой.

Лица поворачиваются к Анне. Она смотрит прямо вперед, в сторону прохода. Охранники не слышали. Они по-прежнему заняты своим делом.

Анна хочет нагнуться к девочке и попросить ее замолчать. Потом она замечает, что отец девочки внимательно на нее смотрит.

— А как ты назовешь своего ребенка?

Анна сглатывает и прочищает горло.

Люди начинают переговариваться.

Пожилая дама смотрит на нее и хмурится, шумно втягивая воздух и, по-видимому, не одобряя Анну.

Мужчина прощается и захлопывает мобильник.

— Папа, вот та тетя, о которой вы говорили. — Девочка указывает на Анну.

Анна наклоняет голову, как бы возражая.

— Помнишь, ты говорил маме, что она поступает неправильно.

Анна пытается улыбнуться и оглядывается. Вокруг них собралась толпа.

Когда она снова поворачивается, она видит мужчину с направленным на нее сотовым телефоном.

— Дай мне посмотреть, — говорит девочка, которая не раз видела, как отец делает снимки с помощью телефона.

Анна поворачивается и спешно направляется к выходу.

— Прощу прощения, — говорит она, расталкивая людей.

На эскалаторе она бежит вниз по ступенькам. Оглядывается через плечо. Никаких людей в форме не видно. Внизу, у схода с эскалатора, проходит охранник. Он смотрит вперед, не обращая на нее внимания.

Анна мчится к выходу, на весенний воздух. Перебегая через дорогу, она едва не попадает под колеса проезжающего такси. Она находит свою машину, садится и подъезжает к контролерской будке. Она протягивает парковочный талон. К счастью, контролер даже не смотрит ей в лицо.

Выехав из аэропорта, она размышляет, задержат ли из-за нее самолет. И тут она проезжает фургон с эмблемой местного телевидения на борту. В зеркало видно, что фургон сворачивает в аэропорт.

Анна пытается решить, куда же ей теперь ехать. Обрато в Сент-Джонс. Мысль, что газетчики опять будут следовать за ней по пятам, кажется невыносимой. И она не предстанет перед властями, как было предписано судом. Она не придет в больницу в назначенный день. Что ей сделают, если она не придет? Арестуют? Посадят в тюрьму? Свяжут и сделают аборт силой? Мысль кажется нелепой. Абсурдной. Как в наше время такое возможно?

Баренид? Она вспоминает, что пресса ей там не докучала, ее там не нашли. Откуда они могут узнать об этом доме? Но, так или иначе, от закона там не спрятаться. Кевин знает об этом доме, и повестка в суд была прислана на тот адрес. Дом в Барениде, ее тайное убежище, теперь в опасности.

Она думает о лесных зарослях, начинающихся сразу за ее сараем. Ей нужно спрятаться, продержаться еще неделю. Можно ли считать лес надежным убежищем? Всего на неделю. Через неделю по закону ей уже нельзя будет сделать аборт. Но остановит ли их это? Две недели? Три недели? Имеет ли в данном случае это хоть какое-нибудь значение?

Она спрячется. Если понадобится, она родит ребенка в лесу. Она не даст им убить свое дитя.

Еда.

Двигаясь по шоссе в направлении Баренида, Анна включает радио. Звучат последние

аккорды какой-то незнакомой песенки, и в заголовках часовых новостей сообщается, что Анна Н. предположительно пыталась покинуть страну. Далее следует несколько телефонных разговоров со свидетелями, которые заметили Анну Н. в аэропорту Гандера. Она пыталась сесть на самолет, улетающий в Лондон.

«Неудивительно, — говорит репортер в заключительной фразе, — несчастная женщина отчаянно пытается спасти своего нерожденного ребенка».

До Баренида три часа езды.

Анна едет по шоссе, минуя редкие съезды. Время от времени она посматривает в зеркало, но не замечает никаких признаков погони. Прокатную машину никто не знает, разве что массмедиа стало известно об аренде адвокатом Анны машины, и они связали это с ее именем. Сообразительный журналист может легко догадаться. Сколько в Сент-Джонсе агентств по прокату машин? Не слишком много. Несомненно, репортеры уже всюду побывали и предложили вознаграждение каждому менеджеру по работе с клиентами.

Через час, обдумав всевозможные варианты развития событий, Анна останавливается на заправке, чтобы наполнить бак и перекусить. Ей ужасно хочется есть. Она просто умирает от голода. У нее кончилась еда в дорогу, и надо зайти в туалет. Она уже три раза останавливалась у обочины и отходила в лес, чтобы облегчить мочевого пузыря.

Перед тем как въехать на заправку, Анна пытается унять сердцебиение. Она не преступница. Она не в бегах. Она не покинула провинцию. И не совершила никакого преступления. Она ничего плохого не сделала. Она человек, которому надо перекусить в дороге, такой же, как и все остальные путешественники.

Никто не обращает на Анну внимания, когда она заходит в помещение. Ее не узнают, хотя один из пассажиров в очереди на самолет снял ее камерой в своем мобильном телефоне. При современных цифровых технологиях вполне вероятно, что снимок уже показали по телевизору.

Анна проходит мимо прилавка и направляется в прилегающий ресторан. Ждет, пока женщина в форменном переднике не укажет ей, куда можно сесть.

Официантка улыбается ей и берет со стойки меню.

— Вы одна?

Вопрос на мгновение озадачивает ее, а потом она отвечает:

— Да.

— Тогда сюда.

Официантка подводит ее к отдельному кабинету.

Анна проскальзывает внутрь и, поблагодарив, берет меню.

— Вы не могли бы принести мне чизбургер прямо сейчас? — говорит она. — А я пока полистаю меню.

— Конечно. — Официантка улыбается. — С картошкой?

— Да, пожалуйста.

— Одну минуту.

Анна открывает меню. Рядом с каждым блюдом есть фотография. Анна оглядывает публику. Пожилая пара спокойно обедает. Молодые родители с мальчиком в бейсбольной кепке. Женщина кормит с ложки маленького ребенка, сидящего на высоком стульчике. У Анны вот-вот потекут слюнки. Еды все нет. Она поворачивается и видит официантку, выходящую из кухни с тарелками в обеих руках. Видно, у нее много заказов.

Анна чувствует, что начинает все больше волноваться. Ей хочется выхватить тарелку из

руки официантки, когда та проходит мимо.

Стакан воды ей все-таки приносят. Анна смотрит на официантку.

— Подождите, осталось недолго.

Анна ничего не говорит. Она берет стакан и одним глотком осушает его. Вода холодная, и кубики льда стучат о зубы, пока она пьет. Освежает, но голод этим не утолишь.

Подождав еще немного, Анна чувствует, что лицо у нее начинает гореть, и решает уйти. По дороге можно перехватить сэндвич и пакет чипсов в магазине на заправке.

Она говорит себе, что подождет еще десять секунд. Она оглядывается через плечо и видит, что двери кухни распахнуты. Внутри официантка разговаривает с каким-то мужчиной, который вытирает руки полотенцем, а за ее спиной, на полочке, работает маленький телевизор. В руках у официантки тарелка с чизбургером и жареной картошкой. Мужчина забрасывает полотенце себе на плечо, затем забирает у официантки тарелку и поворачивается в сторону кухни. Официантка провожает его взглядом, а потом поворачивается к Анне, которая уже готова закричать: «В чем дело?»

Но вместо этого она поднимается с места и спешно направляется к выходу, не решаясь даже остановиться, чтобы купить сэндвич и чипсы. Вылетая из дверей, она сталкивается с женщиной, входящей внутрь. Женщина отступает, и Анна окидывает ее беглым взглядом. Женщина обхватила руками большой живот и с негодованием смотрит на Анну.

Отыскав машину, она садится за руль и заводит мотор. От страха и голода ей сводит живот. Стук в стекло заставляет Анну съежиться, ей показалось, что беременная женщина подошла, чтобы ее отчитать. Но тут она узнает официантку, которая держит в руках пластиковый пакет. Внутри коробочки из пенопласта.

Хотя Анна и боится, что это может быть ловушка, но голод берет верх и она быстро опускает окно.

— Все еще горячее, — говорит официантка. — Возьмите, прошу вас.

— Хорошо, — говорит Анна и тянется за кошельком.

— Нет, нет, не надо. Менеджер сказал, что все бесплатно. Он взял у меня тарелку, чтобы положить побольше, когда вас увидел, но вы сразу ушли.

— Спасибо. — Анна берет у нее пакет. — Вы так добры.

— Не всегда, но иногда случается.

Анна смеется, чувствуя запах еды из коробок. С близкого расстояния Анна замечает толстый слой тонального крема у официантки под глазом. Под кремом проглядывает кровоподтек.

— Только не сдавайтесь, — говорит официантка.

— Хорошо.

— Обещайте, что будете бороться до конца.

Анна решительно кивает:

— Буду, можете не сомневаться.

— Удачи вам, Анна, — произносит официантка. — Сохраните своего ребенка. Не дайте этим сволочам добиться своего и уничтожить маленькую жизнь.

День 53-й, 8-я неделя.

Передняя часть головы эмбриона приобрела сходство с человеческим лицом.

Нервы удлинились и соединились с мозгом. Эта связь позволяет ему совершать спонтанные движения, верхние конечности свободно перемещаются. Начинают

формироваться внешние половые органы.

Эмбрион сейчас размером с 25-центовую монетку.

19 апреля, в леса, к морю.

Приближаясь к Барениду, Анна раздумывает, где оставить машину. Если она оставит ее где-нибудь около дома, это вызовет подозрения.

Она уже обогнала несколько легковушек и пикапов по дороге от Ширстоун-Лейн, и водители могли ее заметить. Анна понимает, что после поворота на Баренид узнать ее будет гораздо легче. Однако ей кажется, что это самое подходящее место, чтобы спрятаться. Она останется в доме и будет ждать, там она под защитой. Перед ней встают видения потерянных детей, которые возьмут ее за руку и отведут в потайные места, которые они знают лучше других.

Анна смотрит в зеркало. Ни одной машины. Дорога, обсаженная высокими елями, пуста. Ей надо только столкнуть машину с утеса в таком месте, где никто не увидит. Тогда ее адвокату придется платить за разбитую машину. А может, ей просто не вернут залоговую сумму — и все? Тогда Анна легко ей это возместит. Ведь, в конце концов, это не адвокат вела машину! А кто в таком случае был за рулем?

Размышляя над этим вариантами, Анна забывает думать о дороге. Неожиданно она оказывается перед своим домом.

На дорожке перед домом стоит машина. От этого зрелища Анну охватывают гнев и страх одновременно. Надо полагать, что хозяин машины зашел в дом в ее отсутствие. Цвет и марка машины ей знакомы. Проезжая, она замечает, что мотор работает, а за рулем сидит какой-то человек. Дверь машины открывается, и Анна видит, как из нее выходит мужчина. Его руки — в карманах длинного пальто.

Мужчина смотрит вслед ее машине. Это агент по продаже недвижимости.

Анна жмет на тормоза, и машина останавливается. Она смотрит в зеркало заднего вида. Агент по продаже недвижимости стоит не двигаясь. Он, наверное, гадает, она это в машине или нет.

Ей очень хочется дать задний ход и подъехать к нему. Может, он сможет ей помочь, спрятать ее. Однако что-то еще, какое-то пустячное подозрение говорит ей, что верить нельзя никому.

Агент просто стоит на месте. Потом он начинает двигаться в сторону Анны, и сердце у нее чуть не выпрыгивает из груди. Она смотрит, как он все ускоряет шаг, раздумывая, как он может ей помочь. Она может поехать с ним, избавиться от прокатной машины, а потом он отвезет ее обратно в Баренид. Тогда не останется никаких улик. Однако торопливый шаг агента по недвижимости ее озадачил. Теперь он вынул руки в перчатках из карманов.

Когда агент подходит к машине на расстояние шести футов, Анна жмет на педаль газа. Видно, что агент останавливается и оглядывается на свою машину. Неохотно он поворачивается и возвращается назад.

Анна едет дальше по дороге, которая петляет по лесистой местности и возвращается назад по шоссе, расположенному выше. Но в конце круга Анне открывается еще одна дорога, проходящая мимо старой заброшенной церкви и кладбища. Анна раньше уже побывала здесь из интереса, разглядывала надписи на могильных плитах, пытаясь разобрать имена и даты. Грунтовая дорога ведет к крутому утесу, возвышающемуся над океаном.

Въехав на большой скорости в поворот, ведущий к кладбищу, Анна почти теряет

контроль над машиной. Она резко жмет на тормоз, и машину заносит на середину дороги. Вскрикнув, она снимает ногу с тормоза и отчаянно пытается выпрямить руль, ожидая, что вот-вот свалится в кювет.

Наконец машина останавливается. Анна смотрит вперед и понимает, что снова развернулась по направлению движения. Она смотрит в зеркало и видит там отражение другой машины, у себя за спиной. Анна едет дальше и сворачивает направо, на подъем к грунтовке. Шины скользят по рыхлому снегу и льду, но ей удается въехать в гору.

На грунтовке чисто. Она прикрыта зданием церкви, и снега тут скопилось немного. Анна едет по дороге, надеясь, что не застрянет. Через проволочную сетку, огораживающую кладбище, она видит, что вторая машина поднимается в гору. Почему она боится агента по продаже недвижимости? Почему? Он ей ничего плохого не сделал, вот только его постоянное присутствие выводило ее из себя.

Дорога тянется две сотни футов перед тем, как исчезнуть за краем обрыва. Анна прибавила скорости. Она видит небо и море, солнечный свет начинает слабеть, уступая место сумеркам. Анна много раз видела это в кино, но чувствует, что у нее кровь стынет в жилах. Она боится, что в нужный момент не сможет прыгнуть, а если и сможет, то убьется сама и убьет ребенка. Сердце бешено колотится у нее в груди. Если решат, что она умерла, ее оставят в покое, но агент, скорее всего, позвонит в полицию, чтобы ее спасли, как он уже однажды сделал.

Анна снимает ногу с педали газа. До обрыва осталось чуть меньше ста футов. Что можно будет сделать? Послать на ночь глядя водолазов? А может, агент не станет никуда звонить? Если она его боится, то, наверное, потому, что он желает ей зла?

Анна жала на газ, время от времени поглядывая на прыгающее на неровностях дороги отражение в зеркале заднего вида. Она открывает дверь. Земля со страшной скоростью проносится под колесами. До обрыва осталось пятьдесят футов. Надо прыгать. Нет, рано. Тридцать футов. Пора. Анна пытается выпрыгнуть, но ремень безопасности не пускает. Двадцать футов. Ей не выпрыгнуть. Анна старается отстегнуть ремень. Десять футов. Она жмет на тормоз, надеясь выбраться из крутящейся машины.

Падая, не смея дышать, Анна все-таки сохраняет присутствие духа. Она отчаянно крутит ручку, опускающую стекло, и к моменту, когда машина обрушивается в океан, ей удается полностью ее опустить. Какое-то время машина взмывает вверх и падает вниз на волнах, потом ее задняя часть начинает погружаться в воду, а нос задирается в небо. Анна откидывается назад и закрывает глаза. Ее дыхание глубоко, как будто она мирно спит и во сне погружается в бездну моря. Через открытое окно вода хлещет в машину. В это мгновение, пока машина еще не ушла под воду, эмбрион поднимает руку и засовывает пальчик в рот. Потом икает.

Анна плывет куда-то по течению, не чувствуя головы, рук и ног. Ее тело существует отдельно от нее.

Она не знает, открыты ли у нее глаза. Она видит лишь расплывчатые красные и розовые пятна, как будто приглушенный свет пробивается сквозь веки. Анна пытается шевельнуться, но тело наливается тяжестью. Глаза не открываются, как будто веки исчезли.

Через секунду у нее возникает подозрение, что веки уже подняты. Анна пробует закрыть глаза. Теперь она ничего не видит.

Когда она снова открывает глаза, она уже может различать детали. Мимо проплывает

стая медуз. Ее конечностям постепенно возвращается чувствительность, зрение проясняется, а красная пелена рассеивается. Анна различает черты в каждом желеобразном облике. Это совсем не медузы. У этих существ есть конечности, тела и головы. Это человеческие эмбрионы.

Анна наконец набирается духу сделать несколько гребков руками. Поднимаясь к поверхности, она понимает, что сдерживает дыхание, но не испытывает срочной необходимости вырваться на поверхность, где воздух заполнит легкие. Ее плечо задевает за что-то твердое. Тело медленно поворачивается, и Анна видит на камне черные окаменелые отпечатки позвонков и костей рук. Она поднимется и выныривает на поверхность. Где-то вдали слышен шум прибоя.

Анна оказывается в небольшой, закрытой от ветра бухте. Ее относит к пещере, где она видит группку детей, выстроившихся вдоль изгиба берега. Они смотрят на воду, их общее дыхание шелестит вдохом и выдохом. Некоторые дети стоят в ожидании, другие наклоняются и вылавливают что-то из неожиданно теплой воды. Анна решает, что у нее шок. Она не чувствует лица. Никаких симптомов нет, только ощущение онемения. Зубы у нее стучат, как в лихорадке, но, как ни странно, она не замерзла.

При виде Анны дети подходят к ней и протягивают маленькие ручонки. Они бормочут ободряюще:

— Идем.

— У тебя все получится.

— Вот так.

Так много маленьких ладошек. Что они могут сделать? Они берут ее за руку и медленно вытаскивают из воды на берег, на землю, где она ложится на спину.

Глядя на лица детей, она узнает двоих: рыжеволосую и темноволосую девочек. Они подходят к ней, снова берут за руки и тянут, пока ее ноги не будут выше воды. Дети подходят к ней и прикрывают ее от ветра. От их тел исходит тепло. Они наклоняются ниже, их дыхание сливается в глухой шум.

Один за другим они ложатся на Анну, пока полностью не укрывают и согревают ее.

Через какое-то время Анна обнаруживает, что идет по берегу с детьми, ведущими ее за руки. Они нетерпеливо подталкивают ее, как будто торопятся показать одно из своих самых больших сокровищ. Уже почти стемнело, и Анна даже не видит своих ног. Перед ней три ребенка показывают дорогу. В кулачке у каждого зажат какой-то предмет, от которого исходит розоватое сияние, указывающее дорогу. Какие-то дети борются между собой за место рядом с ней, а остальные следуют позади, в руке у каждого — светящийся шар с медленно движущейся сердцевинкой, от которой льется свет.

— Теперь моя очередь, — говорит одна девочка другой, той, которая держит Анну за левую руку.

— Нет, еще нет.

— Хочешь, — говорит девочка, идущая справа, — возьми эту руку.

Она разжимает пальцы, давая маленькому мальчику взять Анну за руку. Мальчик смотрит на нее большими глазами и сосет нижнюю губу.

— Куда мы идем? — спрашивает Анна.

Ее подхлестывает страх, что спасатели будут ее искать. Она бросает взгляд на темную поверхность воды. Сколько времени пройдет, прежде чем они поймут, что ее нет в

утонувшем автомобиле? Как скоро они поймут, что она жива, и начнут прочесывать окрестности?

— У нас тут есть свое тайное место, — говорит мальчик.

— Вон там, — говорит одна из девочек, указывая на склон утеса, поднимающегося из вод.

Анна всматривается и видит темное пятно на глинистой поверхности. Она снова поворачивается в сторону океана в поисках судов, но затянутая дымкой водная даль остается пустой.

Потихоньку она начинает карабкаться на утес. Подъем нетрудный, поскольку уклон не очень большой, но Анна чувствует, как напрягаются мышцы и сухожилия ее икр и бедер. На полпути ей приходится согнуться и опереться руками о землю. Теперь она передвигается, хватаясь за камни и пучки травы.

Дети поменьше убегают вперед, к темному пятну, которое теперь становится отчетливее, и Анна узнает в нем вход в пещеру.

Анна рада почувствовать под ногами ровную землю.

Дети сразу же спешат к темным углублениям по обе стороны пещеры и кладут светящиеся сферы на землю. Они собираются по трое рядом с каждой сферой и смотрят как будто в оцепенении.

— Жизнь, которую мы отдаем, сохраняет нас детьми, — говорит черноволосая девочка. Ее слепые глаза уставлены в пространство над головой у Анны. — Как еще могут вырасти малыши? Только взяв у нас. Мы знаем, что должны отдавать.

Она прислушивается, сосредотачиваясь на дыхании, чтобы убедиться, что она не сбивается с общего ритма.

— Все потому, что те, кто их сделал, не понимали этого.

— Не понимали чего? — спрашивает Анна.

— Что им нужно будет отдать часть себя. Они не могли этого сделать. Они хотели оставить ее себе, потому что считали, что тогда у них будет больше жизни.

Анна смотрит на пульсирующий свет, льющийся из углов пещеры.

— Но это не дает им больше жизни. Так не получается.

Анна почти уверена, что в пещере ее не найдут. Она стоит у края пещеры, откуда ей открывается возвышенное зрелище лунного цвета, мерцающего золотом на темно-синей поверхности океана. Она знает, что, если ей удастся прятаться еще три дня, время для легального аборта будет упущено и ее ребенку ничего не будет угрожать. Адвокат намекнула на такую возможность, добавив, что совсем не подбивает ее скрываться от закона. По решению судьи Анне оставили свободу.

— В конце концов, — добавил он шутливым тоном, — ответчица не закоренелая преступница.

Перед процессом адвокат Анны ясно дала понять, что есть вероятность, что ее возьмут под стражу, если сочтут, что она решила скрыться. Судья мог потребовать залог или наложить арест на ее имущество — дом в Барениде.

Зачем им понадобилось убивать ее ребенка? Анна постоянно задает себе этот вопрос. Она поворачивается, чтобы посмотреть на детей в полумраке пещеры. Их тела едва видны в слабых лучах лунного света. Почему? Это противоречит здравому смыслу. Как смог Кевин сделать так, что ее положение ужасно, а он тут ни при чем?

Один за другим дети начинают ложиться и сворачиваться клубочком рядом друг с другом.

— Тебе надо поспать, — говорит кто-то из них.

Анна не может определить, откуда исходит голос, — все погружено во тьму.

— Если ты не будешь спать, Анна, то никогда не вырастешь.

Анна просыпается от чьего-то близкого присутствия. Ее дыхание натывается на что-то и возвращается к ней уже теплее. Она открывает глаза и видит прямо перед собой детское лицо, маленькие глаза смотрят ей прямо на нее. Хотя Анна никогда раньше не видела этого ребенка, ей чудится что-то знакомое в крохотных чертах. Девочка с каштановыми волосами сидит на земле, почти касаясь ее. Но столь близкое соседство Анну не пугает. Наоборот, ей хорошо и спокойно, она гладит ребенка по голове и улыбается.

— Тебя едва не убили, Анна.

Анна переводит взгляд на детские пухлые губы.

— Кто?

— До того, как ты родилась. Твоя мама. Она ходила туда.

— Куда?

— Туда же, куда и ты. Ты вернулась туда, сама не зная.

Девочка опускает руку в карман и, покопавшись, протягивает к лицу Анны светящийся изнутри кулачок. Она поворачивает руку и раскрывает ладонь. Крохотное существо с маленькими ручками и ножками плавает в прозрачном пузыре. Его глаза закрыты, голова наклонена, маленький рот открывается и закрывается. Размером оно как раз с ладошку. Это ребенок.

— Но твоя мама не смогла этого сделать.

Анна смотрит на ребенка в руках у девочки. Лунный свет, судя по всему, стал ярче, потому что ребенок и лицо девочки видны совершенно отчетливо. Постепенно полумрак окрашивается красным. Анна оглядывается и видит, что луна висит прямо над входом в пещеру. Ее свет багрян и желт.

— Ты могла бы быть одной из нас, — объясняет девочка, убирая маленькое существо обратно в теплый карман. — Ты была бы одна, без отца и матери.

Анна протягивает руку и касается щеки ребенка.

Девочка с интересом разглядывает поверхность Анниного лица, внимательно изучая каждую деталь.

— Если я тебя кое о чем попрошу, ты сделаешь?

— Я постараюсь, — отвечает Анна, убаюканная красотой ребенка.

— А я не знаю, трудно это или нет.

— О чем ты?

— Можешь дать мне имя?

У Анны дрожат губы, и она слегка встряхивает головой, чтобы отогнать слезы.

— Ну, пожалуйста!

— Хорошо. — Она смеется от радости и сочувствия. — Я попробую.

Девочка отстраняется и садится, скрестив ноги. Она нетерпеливо облизывает губы, пока Анна приподнимается.

Анна смотрит на лицо, шею, грудь и ноги. Потом снова поднимает глаза на лицо девочки, смотрит на нее несколько минут, и имя само собой слетает у нее с языка:

— Эмили.

— Эмили? — повторяет девочка в восторженном ужасе. Она на мгновение замирает, чтобы имя срослось с ней. Кивнув, она улыбается Анне. Потом она поворачивается к остальным и громко кричит: — Эй, вы слышали? Меня зовут Эмили!

Дети постепенно просыпаются. Один за другим они бормочут:

— Что?

— Меня зовут Эмили.

— Откуда ты знаешь? — строго спрашивает маленький мальчик, еще не до конца проснувшись. — Откуда? Скажи!

— Мне Анна сказала.

— Но она не твоя мама.

Эмили смотрит на Анну, а другие дети продолжают просыпаться. Они собираются вокруг Анны, стараясь устроиться как можно ближе к ней.

— Ты будешь моей мамой? — спрашивает Эмили.

Анна гладит девочку по щеке:

— Да, если хочешь.

— Я бы очень хотела, — отвечает девочка и торжествующе улыбается.

— И моей мамой тоже? — раздается тонкий писклявый голосок с другой стороны от нее.

Анна смеется и смотрит на мальчика:

— Да.

— И моей тоже? — спрашивает еще один мальчик. Он протискивается между другими детьми, пока не оказывается совсем рядом с Анной.

— Да.

— А как меня зовут? — спрашивает девочка с расщепленной губой, такая маленькая, что еще плохо произносит слова.

— А какое имя тебе нравится? — интересуется в ответ Анна.

— Я не знаю никаких имен.

Анна долго смотрит на лицо ребенка, обдумывая ее слова и то, как она говорила. Она вспоминает жесты и движения.

— Я бы назвала тебя Кэтрин, — говорит Анна.

Кэтрин хихикает и прикрывает рот ладошкой. Потом опускает руку и быстро говорит:

— А когда мой день рождения? Я хочу пирог.

— Может, восьмое декабря?

— Годится.

Анна отвечает на вопросы об именах до тех пор, пока все дети не успокаиваются и не усаживаются смирно. Они сидят и улыбаются, словно в оцепенении от волшебной тишины, наполняющей пещеру.

И тут раздается одинокий детский крик.

Анна пытается разглядеть что-нибудь в глубине пещеры, но ничего не видно.

Еще один младенец присоединяется к первому, потом еще один, их дребезжащие вопли заполняют пещеру.

Крошечная рука прикрывает Анне рот, как будто приказывая ей молчать. Девочка с каштановыми волосами по имени Эмили произносит:

— Тсс!

Вопли младенцев становятся все громче.

9 апреля, спасение.

Эти крики, звучащие у нее в ушах, заставляют Анну осознать, что пространство пещеры сжимается и несется куда-то, и она посередине этого движения. Судя по всему, она упала навзничь, потому что лежит на спине. Рука, зажимающая ее рот, превращается в растрескавшуюся трубку, через которую она дышит. Маска, думает она. Ей кажется, она в каком-то чужом облике. Вой нарастает и замирает, снова нарастает и замирает в странном, сбивающем с толку ритме.

Какой-то мужчина присел на корточки у нее в ногах и смотрит ей в лицо.

— Доброе утро, — говорит он, похлопывая ее ноги под одеялом. Спокойный пожилой человек, она с ним явно знакома.

Анна закрывает глаза. Открыв их, она смотрит мимо мужчины, в сторону двух окон.

Рядом с ней движется что-то белое, и она поворачивает голову. Мужчина в белом халате проверяет пластиковую трубку, прикрепленную к ее руке.

— Мне пришлось позвать их, — говорит тот, которого она знает. Этот человек продал ей дом. — Простите. Но я не хотел, чтобы вы умерли.

Анна гадает, что значат его слова. «Кого?» — хочется ей спросить. Позвать кого, но она устала и закрывает глаза. Он говорит о детях? Где дети, которым она только что дала имена?

— За что? — пытается сказать она в ответ на вопрос, который был задан давным-давно. От ее слов под маской образуется туманный шелест.

Но агент, по-видимому, понимает.

— Что я позвал их на помощь.

Хотя мысли у нее путаются, голова кружится и к горлу подкатывает тошнота, Анна уверена, что с ней случилось что-то прямо противоположное спасению.

11 апреля, лишение свободы.

Анна не чувствует своего тела. Это ощущение совершенно необычно. Мысль не может преодолеть этого мгновения. То, что она видит, — лишь иллюзия.

Мужчина в длинном белом халате сидит на краю кровати. Это тот самый, что обследовал ее раньше, в больнице. Он похлопывает ее по руке.

— Все в порядке, — говорит он.

— Что? — пытается произнести Анна и понимает, что слова даются с трудом. Губы у нее распухли.

— С ребенком все в порядке.

От этой новости Анне становится невероятно хорошо. Все в порядке, думает она. Ребенок в порядке.

Врач смотрит на Анну, и улыбка тает у него на губах. Но еще того, как она превращается в клоунскую гримасу, он отворачивается и утыкается взглядом в землю.

«Что со мной?» — хочет она спросить.

Доктор снова поднимает на нее глаза.

— Что со мной? — спрашивает она, слова сливаются в один звук.

Доктор сглатывает и кивает, как будто ему больше нечего сказать. Он похлопывает ее по руке. Он едва ощутимо пожимает ее.

— У вас множественные повреждения, — произносит врач.

— Где?

Врач смотрит куда-то ей на макушку. Отводит взгляд, как будто в раздумье.

— Множественные повреждения, — повторяет он как бы самому себе. Он снова смотрит на Анну. Вздыхает и встает. — Я зайду попозже, хорошо?

Анна пытается кивнуть.

Доктор успокоительно улыбается и выходит, а на смену ему появляется женщина.

— Пора сделать укольчик, — говорит она, кладя что-то на столик у кровати, а потом наполняя шприц из флакона.

Не вредно ли это ребенку, спрашивает себя Анна, но ее вниманием тут же отвлекается на необычного вида ресницы медсестры.

Сестра поднимает край одеяла и протирает бедро Анны, прежде чем всадить острый наконечник иглы ей в тело.

— От этого вы уснете, — говорит сестра, кладя иглу. — Включить телевизор? Это может помочь вам уснуть.

Анна прослеживает направление взгляда медсестры, не в силах сказать ни слова, а сестра выдвигает маленький телевизор на металлической полочке перед лицом Анны. Она включает экран, разворачивает провод от наушников, включает штекер в разъем и вставляет наушники Анне в ухо. У Анны такое чувство, что что-то маленькое и живое забирается ей в голову.

Анна смотрит на оживший экран. Ее одолевает сон. Она слышит слова:

«Я не припомню, чтобы когда-нибудь до этого правые и левые объединили силы, чтобы продемонстрировать свое недовольство происходящим, руководствуясь при этом совершенно разными соображениями».

Хотя она отчетливо слышит слова, Анна не видит, кто их произносит. На экране мелькают изображения множества людей, собравшихся в темноте с зажженными факелами. Маленькие точки светятся и мерцают, как в сказке.

«— От министра юстиции по-прежнему нет никаких известий, и осталось всего десять часов до того момента, когда женщина, снискавшая любовь всей страны, будет подвергнута унижительной процедуре, являющейся вопиющим нарушением прав женщин.

— Что они себе позволяют? — спрашивает чей-то голос.

— Разве это по закону?

— Я слышала, она дала ребенку имя.

— Какое?

— У нас пока нет этой информации.

— Разве не удивительно, что столько людей пришли выразить поддержку.

— Они приехали со всех концов страны.

— А также из-за границы. Тут есть люди из Англии, Германии, Швеции и даже Японии».

Пока звучат все эти слова, Анна спит.

Бдение.

Анна просыпается, ее мыслительные способности парализованы, как будто голова забита мокрой глиной. Она вяло пытается высвободиться и осознать, где находится. В ноздрях у себя она слышит глубокое, резонирующее дыхание. Звук тяжелее и глубже, чем

можно было бы представить. Она медленно поворачивает бесчувственно тяжелую голову на подушке и видит, что перед ней стоит какой-то мужчина. Он одет в черную рубашку с белым воротником. Его лицо печально, морщинисто. Он смотрит на Анну так печально и сочувственно, что ей кажется, он вот-вот расплачется. Мужчина ей знаком. Но кто он?

— Добрый день, — говорит он.

Когда Анна пытается шевельнуться, она чувствует свои конечности. Тяжелые, как у сбитого животного. Ее мутит. Анна закрывает глаза, картина расплывается, меркнет. Это в комнате или у нее в голове. Еще один человек, имеющий к этому какое-то отношение. Ее адвокат.

Анна уютно устраивается внутри себя. Такое у нее ощущение. Она прячется в своем теле, и ничто не может попасть в ее укрытие сквозь кожу. Накатывают усталость, сулящая отдохновение, и полный покой.

Человек в черной рубашке что-то ей говорит, но его слова остаются где-то снаружи. Он говорит за стенами дома, хотя и рядом с ней. Она почти слышит, тянется к источнику звука.

— Одна жизнь заключена в другой, — говорит человек, давая начало сложной цепочке ассоциаций в голове у Анны.

Стараясь не потерять нить, она отключается, впадает в забвение, пока ассоциации не преобразуются в предметы в пространстве.

Мужчина теперь стоит у большого окна, спиной к Анне.

— Там в темноте зажглись тысячи свечей, — говорит мужчина. — Люди все подходят и подходят.

Он наполовину оборачивается, чтобы взглянуть на Анну. На нем черные брюки и черная рубашка с белым воротником. Он улыбается ей и снова поворачивается к окну.

— Тысячи людей собрались здесь в вашу поддержку. Все эти теплые мерцающие огоньки. Каждый зажег свечу.

Анна с трудом понимает, о чем он говорит.

— Люди пришли семьями. Родители с детьми. У них в руках плакаты: «Решает женщина, а не мужчина», «Аборт — прерывание жизни».

Анна пытается вспомнить, что все это значит. Слова мужчины относятся к какой-то драме, которая происходит далеко от нее, укрывшейся за стеной. Что-то воткнуто ей в ухо и перед лицом у нее темный экран. И все же ей кажется, звуки доходят до нее через наушник.

Женщина, адвокат Анны, появляется в ее поле зрения.

— Мы еще не оставили это дело, Анна, — говорит она. — Министр юстиции должен выступить с заявлением. Мы пока еще ждем, вы слышите?

Анна пытается улыбнуться в ответ на ее доброту.

Мужчина поворачивается к ней.

— Уже почти 12 апреля.

Женщина поворачивается, чтобы резко ему ответить. На лице у нее сердитое, неодобрительное выражение.

— Что? — спрашивает Анна.

Мужчина замечает, что Анна смотрит на белый воротник.

— Я был священником, но теперь на пенсии. Мне надо было сразу сказать, но как-то речи не заходило.

— Я не понимаю...

— Чего?

— Что происходит. — Она закрывает глаза.

Агент молчит.

— Что со мной? — спрашивает Анна.

— Вы поправитесь. — Адвокат улыбается, но ее губы крепко сжаты. Глаза ее лучатся добротой, но она избегает смотреть на лицо Анны.

— Хорошо, — говорит Анна и уносится в море, по которому она плывет с похожими на медуз эмбрионами. Внезапно она чувствует укол, как будто ее ужалили. Это длится всего мгновение. Потом ее захлестывает поток теплой, радостной энергии, она кружит, и конечности прекрасно ее слушаются. Для нее это как игра, которая непременно приносит счастье.

Она просыпается в комнате с голыми стенами. Анна одна, и улыбается, оказавшись единственным живым существом в объеме. Ее тело на кровати, и кровать в центре пустой комнаты.

Это почти смешно — окружающее ее пространство, в котором ничего нет.

В комнату заходит женщина в белом халате. Это мать Анны. Она вставляет стеклянную трубку Анне в рот. Оборачивает широкую ленту вокруг ее руки. «Кто?» — хочет спросить Анна, ее разбирает смех, но она отстраняется, даже не двигаясь.

Женщина улыбается и касается руки Анны.

«Ты меня любишь? — хочет спросить Анна. — Правда любишь?»

Кто?

Ей кажется, она говорит это.

— Кто? — спрашивает женщина, укалывая Анну иглой.

Ей хочется спросить: ты меня любишь? Но через минуту она забывает, что у нее на сердце.

Мужчина в черном с белым воротничком вернулся. Он стоит у изножья кровати Анны. Его рука сжимает металлическую спинку, он наклоняется, что-то откручивает, чувствуется, что это дается ему с трудом.

Кровать движется под Анной. Она движется вместе с кроватью, как будто погружаясь в туман. Женщина что-то шепчет у Анны за головой.

Кровать скользит к дверям.

Куда они ее везут? Почему-то она решает, что в детскую. Ее поместят туда, чтобы она смотрела. Человек в черном выглядывает из-за дверей и проверяет коридор. Он кивает женщине у изголовья, и кровать, на которой лежит Анна, выкатывается в проем.

Кровать поворачивает за угол и ускоряется. Анна пытается что-то сказать.

Человек в черном возвращается. Анна ничего не понимает. Это похоже на обратную перемотку. Но потом все останавливается, и человек нажимает кнопку на стене. За спиной у мужчины появляется женщина в белом халате, которая на таком расстоянии выглядит до смешного маленькой. Кажется, она стоит у мужчины на плече. Из-за спины у Анны доносится какой-то звук. Она вспоминает, что за изголовье кровати держится какая-то женщина. Анна переводит на нее взгляд и видит, что это адвокат. Адвокат смотрит в сторону человека в черном, который оглядывается через плечо.

Женщина в белом стоит неподвижно, она как бы застыла в нерешительности. В руках она держит историю болезни. Анна смотрит, в то время как в голове у нее раздается звенящий звук, а затем сбоку доносится какой-то шум. Она переводит взгляд и видит

открывшуюся пустоту. Пустота вытягивает ее. Они опускаются. Это чувство пугает Анну, поскольку задевает какие-то глубинные чувства.

Двери лифта открываются, и Анну выкатывают в холл.

— Куда теперь? — спрашивает женщина.

Человек в черном мотает головой, и кровать скользит в том же направлении. Колеса вихлят по кафельным плиткам, и кровать мчится по длинному пустому коридору. Мужчина оглядывается по сторонам, его глаза скользят по поверхности стен и потолка.

— Думаю, тут нет камер видеонаблюдения, — говорит он.

— Нет, я проверяла, — отвечает женщина. — Внизу тоже чисто.

— А медсестра?

— Не знаю. Лучше не останавливаться.

— Сюда, — говорит он, оглядываясь через плечо и кивая. Кровать останавливается, заглядывает в стекло широкой двери. — Все в порядке, — говорит мужчина, и кровать закатывают в прохладную комнату со множеством сияющих серебристых дверей в стене.

Анне говорят, что ее хотят забрать из больницы. Ее поместят в мешок. Ей надо будет лежать абсолютно неподвижно. Притвориться мертвой. Ждать осталось недолго. Все случится очень быстро. Ее спасут. Мужчина и женщина заверяют ее в этом.

За белой тканью, что покрывает ее лицо, посветлело, и это вернуло ее в чувство. Анна сознает, что дышит. Ей кажется, что было какое-то движение, после которого появился свет. К сияющему белому перед глазами примешиваются оттенки золотисто-желтого.

Анна помнит, что ей нельзя шевелиться, но в комнате что-то перемещается, и она хочет видеть источник. Простыню, что покрывает ее лицо, снимать нельзя, но она с силой выдыхает, чтобы отлепить ее от губ.

Слышится звук металла, стучащего о металл. Звук пластика, закрепляемого на коже, щелканье застежки. Мокрые чавкающие звуки. Отвинчивают крышку бутылки. Бульканье жидкости. Мужчина прочищает горло. Что-то катят. Скрежещущий звук пилы.

Анна двигает рукой, стараясь стянуть простыню с лица. Ее пальцы ухватываются за ткань, и она медленно тянет. Простыня сползает со лба, потом освобождает глаза, и она морщится от света ламп. Теперь, когда дыхание становится отчетливее, она пытается поднять голову, чтобы понять, что происходит, но мускулы шеи с такой задачей не справляются.

Ей кажется, она пробыла здесь недолго. Сейчас все еще ночь.

Она поворачивает голову набок и пытается согнуть шею. Из этого положения она может увидеть мужчину в переднике, который стоит посередине комнаты. Его левая рука движется взад и вперед. Он разрезает мясо.

Дверь со стуком открывается, и Анна смещает глаза на мужчину в черном и адвоката, следующую за ним. Мужчина в переднике прекращает работу, пила в его одетой в перчатку руке зависает в воздухе. Он поворачивается в сторону двери и видит мужчину в черном, который делает жесты кому-то в комнате. Мужчина в переднике смотрит в этом же направлении и видит неприкрытое лицо, уставленное в потолок. Глаза открыты и смотрят. Он делает шаг к двери, через которую входит мужчина в черном.

— Я пришел по поручению семьи, — говорит мужчина в черном.

Мужчина с пилой кивает.

— В каком смысле?

— Забрать тело. У них не хватило сил, поэтому они попросили меня.

— Понимаю.

Мужчина смотрит на руки собеседника, потом поворачивается, чтобы разглядеть женщину на каталке, его глаза скользят вниз, он замечает, что тело лежит на больничной кровати.

Человек подходит к женщине с неприкрытым лицом, у которой голова замотана бинтами. Окидывает взглядом лицо с синяками и кровоподтеками. Потом кладет пилу на белую простыню, снимает измазанную кровью перчатку. Осторожно он стягивает одеяло и прикасается бледными, холодными пальцами к шее женщины.

Тепло.

Пульс.

Жизнь.

И суровый осуждающий взгляд.

День 56-й, 8-я неделя.

Голова эмбриона закруглена и свешивается на грудь. Ушные раковины уже хорошо сформированы. Хотя ее глаза закрыты, радужная оболочка уже голубого цвета. Зачатки молочных зубов уже стоят на тех местах, где они прорежутся сквозь десны.

Руки и ноги уже полностью сформированы, хотя пальчики продолжают удлиняться. Перепонки на пальцах ног исчезли. Все пальцы ног отделились и отчетливо видны. У нее по десять крохотных пальчиков на руках и на ногах.

12 апреля, имя.

В комнату входит человек, одетый в свежестираную зеленую форму. На голове у него шапочка из зеленой материи, его рот, нос и подбородок скрывает операционная маска. Руки чисто вымыты, и на них надеты стерильные хирургические перчатки.

Через пелену снотворного Анна с трудом может говорить, но ей кажется, что при виде этого человека с ее губ сорвался странный звук. Слово отозвалось эхом, в котором едва различимо прозвучало: «Нет». Мужчина похож на Кевина, хотя Анна до конца не уверена, поскольку под маской не видно лица. Наверное, он пригласил ее посмотреть, чтобы она знала, чем он занимается.

Человек движется между раздвинутыми ногами Анны, ее колени лежат на подставках.

Анна чувствует колыхание воздуха от движений мужчины, проверяющего инструменты.

Анна закрывает глаза, она видит и не видит одновременно. Это может быть Кевин или любой другой, которого она не знает. Ей хочется встать, и ей это удастся. Она легко, свободно поднимается, но тут же приходит в себя и понимает, что она в том же положении, как будто привязанная к кровати. Ее мышцы ей не повинуются. Они существуют как бы независимо от ее сознания.

Анне представляется, что четыре камеры ее сердца усыхают, пока из них не образуется примитивная трубка.

Органы ее тела не могут вобрать препараты. Ее сознание заполняют галлюцинации. Перед ней лицо ребенка. Девочки. Светлые волосы. Голубые глаза. Ямочки на щечках. Точная копия ее в детстве.

Биение сердца, которое скоро остановится. Ее собственное или чье-то еще? Какая разница?

Анна чувствует две полоски тепла, скатывающиеся у нее по щекам. Она хочет поднять голову, но не получается. Глаза ее смотрят на живот, укрытый синим больничным материалом. Дальше, в пространстве между ее ног, мужчина занят приготовлениями.

Анна пытается открыть рот. Губы разлепляются, но ни звука не выходит из ее глотки. Имя, что она выбрала для ребенка. Она с трудом облизывает губы, а в это время на языке у ее ребенка формируются вкусовые сосочки.

«Что это? — спрашивает она себя. — Где я?»

Эмбрион морщится, когда его касается металл вакуумной трубки. Холод инструмента не встречает сопротивления.

Анна недоумевает, почему ее ноги раскрыты перед этими людьми. По какому праву она выставлена на всеобщее обозрение? Она публичная девка и ей за это платят?

Через несколько мгновений раздается свиристящий звук — это работает вакуум-экстрактор.

Снотворное подействовало. Комната вздымается и исчезает. Анна испытывает чувство острого наслаждения. Она шепчет, как в тумане, и улетает далеко. Летнее утро. Ноги в кроссовках. Классики на асфальте.

Слабое, едва осязаемое прикосновение. С ее телом что-то происходит, но она почти ничего не чувствует.

Прекрасно, думает она, и ее накрывает очередная волна блаженства. Руки в мягкой зеленой траве.

Анна закрывает глаза. Или они открыты и на что-то смотрят? Сияние яркое, как солнце. Ее рот открывается, язык едва шевелится, двигаясь с трудом, как будто в приступе немоты, пока имя ребенка не слетает с ее губ, с трудом различимое в этих странных звуках.

Анна чувствует перемещение, пещеру в скале, игру в похороны.

Непреодолимая сила вакуума.

Время слипается, усыхает и тянется.

И через минуту, а может, час плацента отделяется, и эмбрион отрывается от стенок матки.

Он разбивается на кусочки настолько маленькие, что они проходят через вакуумную трубку прямо в стеклянную бутылку, вставленную в машину.

Снова Анна пытается что-то сказать, и теперь, когда отсос выключен, имя звучит отчетливей. «Роза», — ясно раздается в молчании комнаты, и присутствующие переспрашивают друг друга, не послышалось ли им. Не могла же женщина под наркозом произнести это слово так отчетливо.

Все глаза устремлены на содержимое бутылки.

Анна тоже видит его.

Ваза, думает она.

Подняв глаза от отверстия у Анны между ног, мужчина поворачивается, чтобы проверить содержимое контейнера. При взгляде на раздробленные ошметки в стеклянной банке он удовлетворенно кивает себе и окружающим, довольный, что все на месте.

Когда врачи посчитали ее состояние приемлемым, Анну выпустили из больницы. Молодая медсестра посадила ее на кресло-каталку и повезла по белым коридорам к лифту.

Люди, проходящие мимо, смотрят сквозь нее, как будто она невидима.

В лифте медсестра нажимает нужную кнопку, и кабина трогается вниз, и от этого Анну немного мутит. Сначала ей кажется, что они едут в мертвецкую, но потом она осознает, что мертвецкая уже получила свою дань.

Двери лифта открываются, и она оказывается лицом к лицу с людьми, ожидающими лифта.

Медсестра катит коляску с Анной по больничному вестибюлю, к раздвижным стеклянным дверям. Чем ближе она к ним приближается, тем сильнее дразнит ее ноздри какой-то тошнотворный запах.

Двери распахиваются, и вонь становится нестерпимой. Анну вот-вот вырвет.

Она оглядывает небо и пустое пространство перед собой. Она ожидала, что тысячи людей придут встретить ее, их руки будут одна за другой вздыматься в воздух, и каждый протянет ей розу. Но на улице никого. Нет даже горстки людей, которые могли бы прийти, узнав, что ее выписывают. Она смотрит на землю, в надежде увидеть красные розы, целые букеты роз, от людей, которые ее поддерживали. Где плюшевые медведи и мягкие игрушки как знак сочувствия ее потере? Ничего этого нет.

Анна смотрит на пустую подъездную дорожку, куда заруливает такси. Где дети, которые подбегут к ней и подарят розы? Где маленькая девочка, которая протянет Анне букет роз, завернутый в прозрачную бумагу? Ребенок, который ничего об этом не знает? Только то, что ее родители сказали ей подарить букет женщине на инвалидном кресле.

Водитель выходит, чтобы помочь Анне сесть в машину. Она опирается руками о подлокотники, чтобы встать, и спотыкается. У нее кружится голова, и медсестра берет ее под руку.

— Пустите меня, — говорит она, делая неуверенный шаг, как жертва дорожной аварии, землетрясения, авиакатастрофы, цунами.

Таксист помогает ей устроиться на заднем сиденье и закрывает дверь, отрезая Анну от криков воображаемой толпы и одуряющего запаха цветов.

Такси трогается, и Анна ищет свое окно. Она закрывает глаза, потому что в душе у нее лишь тоска.

Приехав, она входит в пустую квартиру, ложится в кровать и много дней подряд лежит так без сна, глядя перед собой полными боли глазами.

Баренид.

Сидеть за рулем и вести машину — дело весьма опасное. Анне не хватает концентрации, ее мысли размазаны, как будто ей надо заполнить пробел, период времени, выпавший из памяти, и она оказывается у цели своего путешествия, еще не осознав этого.

Свернув к дому, Анна обнаруживает, что снег сошел и из-под земли пробивается зеленая трава. Она сидит за рулем и ждет, когда появятся признаки жизни. Через какое-то время из-за деревьев за сараем появляется лиса. Она трусит прямо к Анне, голова ее опущена, что-то зажато у нее в зубах. Когда лиса приближается, становится видно, что она

тащит зайца.

Анна ждет, пока лиса не уйдет. В зеркало она видит, как зверь перебегает через дорогу и спускается по берегу к ручью.

Анна выходит из машины, чувствуя на лице и руках свежий ветер, и направляется к входной двери. Войдя в дом, она закрывает дверь и замирает, прислушиваясь к звукам внутри и снаружи. До нее доносятся слабые порывы ветра за стенами, барабанившие в оконные стекла.

Временами она не слышит ничего, кроме собственного дыхания.

Скользя глазами по крашеным стенам коридора, она проходит на кухню. На столе стоит красная роза, ее лепестки свежи и упруги. Она подходит поближе и протягивает руку, чтобы прикоснуться к лепесткам. Зажав лепесток между пальцами, она поднимает глаза к двум окнам, выходящим во двор. Она смотрит, не видя, пока свет не начинает меркнуть. Анна чувствует, что засыпает. Наверное, это из-за дороги. Глаза у нее слипаются, ее клонит ко сну, и приходится опереться рукой о стол, чтобы не упасть.

Анна поднимается на второй этаж и заходит в комнату, которая должна была быть детской. От вида комнаты колени у Анны подкашиваются, пустота под животом по-прежнему сжимается в скорбном спазме. Рука закрывает ее рот, и слезы туманят взгляд. Что такого она сделала? Она поворачивается и идет в спальню, ложится на кровать, и тяжесть во всех членах пригвождает ее к кровати. Кажется, ей уже никогда не встать, и все же она рада быть здесь. Она спит.

Сознание Анны тянется смутной линией сквозь темноту, пока наконец она не просыпается. Она лежит неподвижно и слушает, боясь наступившей внутри нее пустоты.

В доме нет неожиданного присутствия.

Лежа в темноте, Анна начинает подозревать, что маленькие дети были игрой воображения, наваждением, вызванным гормональной перестройкой во время беременности, которая, как ей теперь казалось, случилась много лет назад.

Ветер стучит в окно. Она смотрит в ту сторону. Прислушавшись, она понимает, что это был не ветер, а негромкое шуршание, шелест за стеной. Она сдерживает дыхание, пытаясь определить источник слабого звука. Вот он. Она наклоняет голову. Это не крошечные коготки, но что-то более мягкое и не так монотонно.

Анна встает с постели и идет вслед за звуком по коридору второго этажа, вниз по лестнице, потом в прихожую.

Войдя в темную гостиную, она видит в углу какую-то скрючившуюся фигуру с поднятой рукой, постукивающей по стене.

Анна ждет, пока глаза привыкнут к тусклому свету луны, падающему из окна. Когда зрачки расширяются, она уже может различить в сидящей в углу фигуре маленькую девочку со светлыми волосами.

Анна потрясенно вздыхает. При виде девочки она испытывает радость и волнение. Что это? Ведь детей, которые появлялись в этом доме, на самом деле не было.

— Мне сказали, что ты приедешь, — говорит девочка, которая по-прежнему сидит лицом к стене. — Я хочу тебе кое-что показать.

Радостное возбуждение Анны постепенно улетучивается. Девочка говорит с ней отстраненно, почти враждебно. Анна надеялась, что ребенок кинется к ней. По дороге в Баренид она представляла, что они найдут друг друга и девочка улыбнется и протянет к ней

руки, чтобы обнять.

— Тебе нравится? — спрашивает девочка без выражения.

В темноте Анна не видит ее лица. Она подходит ближе, пока ей не удастся разглядеть рисунок на стенах. Плотно закрытые розовые бутоны.

— Видишь? — Она показывает то на один, то на другой. — Это имя. Ты хотела его дать, пока не передумала.

Анна гадает, откуда девочка знает свое имя. Другие дети этого не знали. И почему ребенок ведет себя с ней почти враждебно? Что она сделала?

— Я знаю свое имя, потому что ты назвала меня. Хоть это ты сделала.

Анна смотрит на отвернувшегося ребенка, и ее замешательство все увеличивается. Она походит ближе, но малышка даже не поворачивается к ней.

Анна мягко кладет руку девочке на плечо, но та сердито стряхивает ее.

— Что случилось? — спрашивает Анна, невероятно взволнованная. Жест девочки, как диссонансный звук, отзывается в ее теле.

— Ничего, — говорит малышка.

— Скажи мне.

— Нет. — Девочка наклоняет голову.

— Объясни мне, в чем дело?

Девочка отодвигается подальше в угол и сидит там молча.

Анна ждет, глядя на ее спину, на нее накатывает чувство вины, живот скрутило от страха. Что она сделала? Что малышка имеет в виду?

— Так в чем дело? Пожалуйста, скажи мне.

Девочка не отвечает.

Анна смотрит на ее длинные светлые волосы. Тело девочки неподвижно, как будто остановлено.

— Ей грустно, — говорит голос у Анны за спиной.

Удивленная, Анна оборачивается и видит в дверном проеме слепую черноволосую девочку и за ней маленького мальчика.

— Почему ей грустно?

Мальчик подталкивает черноволосую девочку вперед.

— Мама! — восклицает он.

По всему дому слышатся эти восклицания. Дети карабкаются по лестницам и топают по коридору.

— Мама!

— Мама!

Дети собираются вокруг Анны, и она узнает знакомые лица. Но какая от этого радость, если она не может увидеть собственную дочь?

— Что с ней? — спрашивает Анна черноволосую девочку.

Анна показывает на малышку со светлыми волосами, стоящую в углу.

— Я же сказала, ей грустно.

— Почему?

— Потому что ты ее не хочешь.

Анна потрясена. Она смотрит на детей, которые тут же замолчали и внимательно уставились на нее. Ее глаза предательски расширяются, как будто ее поймали на лжи. Она с трудом выдыхает:

— Это неправда.

— Ты отдала ее.

— Я ничего не могла сделать.

— Ты им позволила.

— Нет, меня заставили силой.

— Ты не сопротивлялась.

— Нет, это неправда! Неправда!

Под слепым, пронзительным взглядом черноволосой девочки Анна чувствует, что слабеет. Последняя соломинка. Окончательная.

— Она — мое дитя.

Черноволосая девочка смотрит на Анну.

— Я — твое дитя, Анна.

— Нет, мое дитя. Моя девочка.

— Я тоже, — говорит малыш. Он подбегает к ней, берет ее руку, перебирает пальцы. — Мама, — говорит он, улыбаясь.

— Нет.

— Мама, мама, мама...

Анна качает головой при виде детского кривлянья. Она подходит к сидящей в углу девочке, садится на корточки и прикасается к плечу ребенка:

— Прощу тебя, Роза. Тебя отняли у меня.

— Ты меня не хотела.

Анна не знает, как объяснить, почему так получилось, и неуверенность работает против нее.

— Я люблю тебя, Роза. — Она пытается обнять девочку за плечи, но та стряхивает ее руки.

Черноволосая девочка подходит к Анне.

— Ты не можешь быть ее мамой.

— Почему?

— Потому что ты ее не хотела.

— Это неправда, — произносит черноволосая девочка. Ее слепые глаза смотрят Анне прямо в лицо. — И ты не можешь быть ее мамой.

— Я очень ее хотела.

— Тогда почему она здесь?

— Потому что ее отняли у меня! — почти кричит Анна, поднимаясь во весь рост. В отчаянии она смахивает слезы с глаз. — Я тут ни при чем.

— Так не бывает.

— Почему ты так говоришь? Что ты говоришь? Перестань.

— Ты все придумала, чтобы тебе было легче. Люди всегда так делают. Придумывают оправдания, чтобы им было легче избавиться от нас. Причины, которые ты придумываешь, очень уж сложные. Ты думаешь, что вынуждена была это сделать.

— Нет.

— Нет, Анна, ты хочешь, чтобы тебе было легче. Чтобы все выглядело не так ужасно. Ты просто с самого начала ее не хотела. Тебе никто не нужен, кроме тебя самой.

— Это неправда.

— Нет, правда. Так всегда бывает. Теперь ты жалеешь, ведь правда? И будешь жалеть

всегда.

— Нет, я не знала, что делать, — умоляет она, обращаясь к спине светловолосой девочки.

— Ты не можешь притворяться. Ты придумала, что от тебя ничего не зависело. Что все решили за тебя.

Качая головой, глядя на светловолосую девочку, Анна медленно опускается на колени. Она опирается на руку и подается вперед.

— Прошу тебя, Роза... Пожалуйста!

Анна опускается все ниже, и жизнь словно уходит из нее. Она сворачивается калачиком, глядя на босые ноги светловолосой девочки.

— Почему ты это сделала? — спрашивает девочка, по-прежнему глядя в угол. Девочка, которую могли звать Роза. — Почему?

Молча, в полном опустошении и раскаянии, Анна смотрит на нее и не двигается с места.

Больше книг на сайте — Knigolub.net